

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

27221
15

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

FROM THE
Subscription Fund
BEGUN IN 1858

0

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ ПЪСНИ

ИЗЪ СОБРАНІЯ

Р. Жуковскій.
П. ЯВУШВИНА.

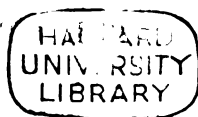
с
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. А. БРАВСКАГО, (ЛЕТЕНАЯ, № 38).

1865.

27221.15

1874, Dec. 18.
Subscription Fund.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11-го марта 1865 года.

6044
6269
67

РУССКІЯ ПѢСНИ,

ИЗЪ СОБРАНІЯ

И. И. ЯКУШКИНА.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ СОБИРАТЕЛЯ.

Пока не вышло въ свѣтъ драгоцѣнное собраніе пѣсенъ, оставшееся послѣ покойнаго Петра Васильевича Кирѣевскаго, обязанность каждаго любителя народной поэзіи заключается въ томъ, чтобъ сообщать и печатать всѣ матеріалы, какіе онъ успѣетъ собрать. Матеріалы эти повамѣстъ, до выхода въ свѣтъ собранія Кирѣевскаго, имѣютъ значеніе безотносительное, а для редакторовъ этого, всѣми такъ нетерпѣливо-ожидаемаго собранія, могутъ быть полезны, по-крайней-мѣрѣ, какъ варианты. Съ этою цѣлью издаю я часть моего собранія, которое надѣюсь напечатать въ скоромъ времени все.

Хотя въ настоящее время казалось бы рано подводить пѣсни подъ различные отдѣлы, и хотя другая обязанность собирателя состоитъ еще въ томъ, чтобъ не мудрствовать лукаво и пока не извлекать изъ нихъ теорій въ пользу того или другаго историческаго и нравственнаго взгляда; но, для удобства употребленія, необходимо подвести ихъ подъ какіе-нибудь рубрики. Въ этомъ отношеніи, сколько я могъ убѣдиться при разсматриваніи бывшихъ у меня подъ руками матеріаловъ П. В. Кирѣевскаго, пѣсни могутъ быть безопасно раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы: I) Стихи духовнаго содержанія; II) Пѣсни историческія, съ которыми могутъ быть соединены и солдатскія; III) Пѣсни лирическія, изъ которыхъ нѣкоторыя, по своему содержанію, нѣсколько эпическому, принадлежатъ къ области балладъ, другія къ роду элегій. Впрочемъ, баллада такъ легко переходитъ въ элегію и, наоборотъ, элегія въ балладу, что строго разграничить ихъ невозможно, по-крайней-мѣ-

рѣ, до времени, и наконецъ IV) Пѣсни обрядныя, то-есть а) свадебныя, б) величальныя, с) подблюдныя, д) хороводныя и е) праздничныя.

Я думаю, что варианты пѣсенъ должны быть печатаемы *есть*: варианты словъ могутъ быть подводимы подъ тексты, но варианты содержания должны быть сохраняемы во всей ихъ цѣлости и неприкосновенности. На это есть различные способы и методы. П. В. Кирѣевскій составлялъ пѣсню изъ различныхъ вариантовъ, относя разности въ примѣчанія и такимъ образомъ сохраняя варианты и вмѣстѣ вывода изъ нихъ существенное содержаніе; но это могъ дѣлать одинъ П. В. Кирѣевскій съ его глубокимъ знаніемъ источниковъ, съ его въ высшей степени замѣчательнымъ эстетическимъ чутьемъ и при обиліи его матеріаловъ. Укажу, какъ на примѣръ такой мастерской работы, на свадебную пѣсню, помѣщенную ниже. Но не всѣмъ такой приемъ позволителенъ. Приведу для примѣра пѣсню, записанную г. Языковымъ и переданную имъ П. В. Кирѣевскому (см. „Денница“ 1834) и передѣлку этой же пѣсни г. Сахаровымъ:

Пѣсня, напечатанная въ «Денницѣ» П. В. Кирѣевскимъ.

Копилъ-то король, копилъ силушку,
Копилъ-то онъ собака двѣнадцать лѣтъ;
Накопилъ-то онъ силушки смѣты нѣтъ.
Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячъ полковъ.
Накопемши онъ силы, на Русь пошелъ;
Онъ на Русь пошелъ, на три города,
На три города, на три стольные:
На первый на городъ на Полотскій,
На другой-то на городъ Велики-Луки,
На третій на батюшку на Опсковъ градъ,
Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики-Луки онъ насквозь прошелъ;
Подходилъ онъ подъ батюшку подъ Опсковъ градъ
Становился собака въ зеленыхъ лугахъ,
Садился онъ собака во золотъ стулъ,
Смекалъ-то онъ силушку по три дни,
По три дни и по четыре:
Много ли силушки убыло?
А много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорокъ ротъ,
А прибыло силушки сорокъ полковъ;
Тутъ же онъ собака возрадуется:
„Охъ вы гой еси мои скорые хожатели,
„Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
„Мечитесь скоро въ зеленые луга,
„Въ зеленые луга государевы!

..... (*)
„Бери свою коня Бахмута,
„Поѣзжай во батюшку въ Опсковъ градъ:
„Во городъ въѣзжай не спрашивай,
„Ко двору подѣзжай не докладывай,
„Во палаты восходи не бей челомъ;
„Клади ярлыки на дубовы столы.“—
За столами сидитъ воевода царевъ
Карамышевъ Семень Константиновичъ.
„Охъ ты гой еси воевода царевъ,
„Карамышевъ Семень Константиновичъ!
„Отдай городъ Волокъ безъ бою (**),
„Безъ бою и безъ драки великія,
„Безъ того уголовія смертнаго;
„Я на первомъ часу возьму Опсковъ градъ,
„На другіемъ часу стану чистити,
„На третьемъ часу стану столъ становить,
„Стану пить, веселиться, прохладитися;
„Князей твоихъ бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,
„Донскихъ козаковъ всѣхъ подъ мечъ преклоню,
„А тебя воеводу казнить буду!“
Возговоритъ воевода царевъ
Карамышевъ Семень Константиновичъ:
„Блуденъ сынъ король съ королевичемъ!
„Съ паномъ гетманомъ Хоткевичемъ
„И съ воинскимъ конемъ Вороповичемъ,
„Не отдамъ я тебѣ города безъ бою,
„Безъ бою и безъ драки великія,
„И безъ того уголовія смертнаго!“
Какъ со вечера солдаты причащались,
Со полуночи ружья чистили,

Ко бѣлой зорѣ, какъ буры пропѣли,
Не туча съ тучей соходила,
Не зоря со зорей сомыкалася
Сходилися два войска, два великія,
Бѣлаго Царя съ королевскимъ.
Тутъ ѣздитъ разѣзжаетъ удалый добрый молодець
Еще тотъ ли же Воевода Царевъ
Карамышевъ Семень Константиновичъ.

(*) Здѣсь долженъ быть пропускъ.

Прим. П. В. К.

(**) Названіе «Волока» (Ламскаго) вмѣсто Пскова, здѣсь очевидно взято изъ другой пѣсни, вѣроятно, похожей на эту содержаніемъ и нагъвомъ. Такія перестановки верѣдки въ народныхъ пѣсняхъ.

Прим. П. В. К.

Кому у насъ на бою, братцы, Божья помощь?
Помогъ Богъ воеводѣ московскому
Карамышеву Семену Константиновичу!
Побилъ силу королевскую;
Всѣхъ латничковъ, сиповщичковъ,
Кольчужничковъ, барабанщичковъ;
Насилу король самтретей убѣжалъ.
Вѣгучи онъ собака заклинается:
„Не дай Боже мнѣ во Руси бывать!
„Ни дѣтямъ моимъ, и ни внучатамъ!
„И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ!“

*Пѣсня, напечатанная г. Сахаровымъ въ «Сказаніяхъ Русскаго
Народа».*

Копилъ-то король, копилъ силушку,
Копилъ-то онъ собака двѣнадцать лѣтъ;
Накопилъ-то онъ силушки: смѣты нѣтъ,
Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячъ полковъ.
Накоплевши онъ силы, на Русь пошелъ;
Онъ на Русь пошелъ, на три города,
На три города, на три стольные:
На первый-то городъ на Полотскій,
На другой-то городъ на Велики Луки,
На третій-то на батюшку на Опсковъ градъ;
Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики Луки онъ насквозь прошелъ;
Подходилъ онъ подъ батюшку подъ Опсковъ градъ,
Становился собака въ зеленыхъ лугахъ,
Садился онъ собака во золотъ стулъ,
Смекалъ-то онъ силушку по три дни,
По три дни и по четыре:
Много ли силушки убыло,
А много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорокъ сотъ,
А прибыло силушки сорокъ полковъ;
Тутъ же онъ собака возрадуется:
„Охъ, вы гои еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
Мечитесь скоро въ зеленые луга,
Въ зеленые луга государевы!
*Посылаетъ онъ воеводу своего,
А самъ крѣпко наказываетъ:*
Бери свою коня Бахмута,

Поѣзжай во батюшку во *Псковъ* градъ:

Во городъ въѣзжай, не спрашивай,
Ко двору подѣзжай, не докладывай,
Во палаты возходи, не бей челомъ,
Клади ярлыкѣ на дубовы столы.“

За столами сидитъ воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ!

„Охъ, ты гой еси воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ!

Отдай городъ *Опсковъ* безъ бою,
Безъ бою и безъ драки великія,
Безъ того уголовія смертнаго.

Я на первомъ часу возьму *Опсковъ* градъ,

На другомъ часу стану чистити,

На третьемъ часу стану столъ становить,

Стану пить, веселиться, *прохлажатися;*

Князей твоихъ бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,

Донскихъ козаковъ всѣхъ подъ мечъ преклоню,

А я тебя, воеводу, казнить буду!“

Возговоритъ воевода царевъ,

Шуйскій князь Иванъ Петровичъ:

Блуденъ сынъ король съ королевичемъ,

Съ паномъ гетманомъ Хоткевичемъ,

И съ воинскимъ конемъ Вороновичемъ!

Не отдамъ я тебѣ городъ безъ бою,

Безъ бою и безъ драки великія,

И безъ того уголовія смертнаго!“

Какъ со вечера *ратные* причащались,

Со полуночи ружья чистили,

Ко бѣлой зарѣ, какъ куры пропѣли,

Не туча съ тучей сходилася,

Не заря со зарей сомывалася,

Соходилися два войска, два великія,

Бѣлаго Царя съ *королевскимъ*,

Тутъ ѣздитъ, разѣзжаетъ, удалый добрый молодець,

Еще тотъ ли же воевода царевъ,

Шуйскій князь Иванъ Петровичъ.

Кому у насъ на бою, братцы, Божья помощь?

Помогъ Богъ воеводѣ московскому,

Шуйскому князю Ивану Петровичу!

Побить силу королевскую:

Всѣхъ латничковъ, сиповничковъ,

Кольчужничковъ, барабанничковъ;

Насилу король самъ третей убѣжалъ.

Бѣгучи, онъ, собака, заклинается:

Не дай Боже мнѣ во Руси бывать!

Ни дѣтямъ моимъ, и ни внучатамъ!

И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ.

Вещь совершенно невозможная, чтобы при изустной передачѣ пѣсни она оказалась такъ, слово въ слово сходною съ прежде приведенною и чтобы единственный вариантъ былъ въ имени князя Шуйскаго, исторически болѣе вѣрномъ. Дѣло, кажется, ясное, что она г. Сахаровымъ просто перепечатана съ измѣненіемъ имени героя, съ присочиненными явно стихами, съ замѣною словъ, по мнѣнію издателя, *новыхъ старыми*, какъ: *ротъ, солдатъ* и другими. Что касается до П. В. Кирѣвскаго, то, соединяя варианты (если таковые были), онъ никогда не сочинялъ отъ себя ни одного слова. Привожу еще двѣ пѣсни, одну: свадебную, П. В. Кирѣвскаго и другую мою, о князѣ Голицынѣ: пѣсня П. В. Кирѣвскаго составлена изъ нѣсколькихъ вариантовъ; я же, не принимая на себя такой смѣлой задачи, только подвожу варианты, думая, что они должны быть сохраняемы. Что касается до вариантовъ содержанія, то ихъ я оставляю совершенно-неприкосновенными; ибо каждый вариантъ представляетъ свой особый интересъ. Укажу въ этомъ отношеніи на варианты пѣсни о Ванѣ Ключничкѣ и на нѣкоторыя лирическія пѣсни предлагаемаго собранія.

Что при вечерѣ вечерничкѣ,
При остатнемъ часу — времечкѣ,
При Катерининомъ дѣвичничкѣ,
При Михайловной дѣвичничкѣ,
Прилетѣлъ младъ ясмѣнь соколъ,
Младъ ясмѣнь соколъ сизокрыльчатый;
Онъ садился на окѣшечко,
На сербруну причелинку.
Что никто его не видѣлъ;
Только видѣлъ родной бѣтюшко.
Говорилъ онъ своей дочери,
Своей дочери Катеринѣ душѣ,
Своей дочери Михайловнѣ:
„Ты сердечное дѣтятко,
„Катерина Михайловна!
„Приголубь себя голубчика,
„Яснаго сокола залѣтнаго,
„Добраго молодца заѣзжаго,
„Свѣтъ Ивана Александровича!“
— Государь родной бѣтюшко,
Государыня матушка!
Я бы рада приголубила его:
Свои нѣжи подломилася,
Бѣлы ручки опустилася,
Ясны очи помутилася,
Красота съ лица смѣнилася.

Пять вариантовъ: А) записанъ въ городѣ Осташковѣ; В) доставленъ отъ А. С. Пушкина; Г) записанъ Орловской Губ., Мало-архангельск. уѣз., въ с. Лимовомъ; Д) записанъ Московск. Губ., Звѣнигородск. у., въ с. Ильинскомъ; Е) записанъ Московск. Губ., Звѣнигородск. у., въ дер. Воронкахъ. Осташковскій вариантъ принять за текстъ.

1 — В) Начинается такъ: *Какъ при вечерь, вечерь, При послѣднемъ часу вре́мячкь, При княгининомъ дѣвичникь, Вылетѣлъ же младъ ясень соколъ; Онъ сѣдился на окошечко, На серебряну рѣшѣточку, На шелкову занавѣсочку, —* Въ вар. Г) первыхъ четырехъ стиховъ нѣтъ, а начинается прямо: *Прилетѣлъ соколъ къ окошечку; Онъ сѣдился на окошечко, На серебряно стеколичко, На мозлощѣную рѣшѣточку. —* Д) *Наговоръ на дѣвичникъ, На дѣвичьемъ было вечерь, У Катерины было въ теремъ, У Михайловны въ высокѣемъ: Ей въ ночи молодой мало спалось, Мало спалось, во снѣ видѣлось. Ей неловокъ сонъ привидѣлся, Прилетѣлъ же къ ней ясень соколъ, Онъ сѣдился къ ней на окошечко, на золотую на причѣленку.* Е) *Какъ у Катерины на дѣвичникъ, У Михайловны на краснѣемъ, При дѣвичьемъ было при вечерь, Прилетѣлъ къ ней ясень соколъ; далѣе какъ въ текстѣ.*

2 — В) *Какъ увидѣла да ўзрѣла свѣтъ княгинина матушка; Ты дитя мое дитячко, Ты дитя чадо милое! Приголубь ты яснаго сокола! Яснаго сокола, и проч. —* Д) *Что увидѣла яснаго сокола Катеринина-то матушка: Охъ ты дитячко Катеринушка, Ты привѣтъ приголубь яснаго сокола. —* Въ вар. Г) и Е) совсѣмъ нѣтъ стиховъ 9, 10, 11, 12 и 13, а вмѣсто того послѣ 8-го стиха поется въ вар. Г) *Душа, душа красная дѣвица, Прими, прими яснаго сокола, Яснаго сокола, залѣтнаго, Добраго молодца прѣзжаго; а* вар. Е) *Катеринушка, ты Михайловна, пусти сокола залѣтнаго.*

3 — Съ 22-го стиха окончаніе взято изъ вар. В) и дополнено 25-мъ стихомъ изъ Г). — Въ остальныхъ вариантахъ конецъ поется такъ: А) *Я и рада бѣ приголубить его; Скорыя ноженьки подломилися, Бѣлыя рученьки опустилися, Ретивое сердце испугалося, На всѣ стороны кидалося, ко Ивану приклонялося, Къ Александровичу приклонялося.* Въ Г) *Я бы рада привѣтила его: Ретивое сердце испужалося, Рѣзвы ножки подломилися, Бѣлы ручки опустилися, Златы перстнѣй покатилися, Ясны очи помутутилися, Чѣрны брови приморгалися.* Въ Д) *Ты родимая моя матушка! Я бы рада привѣтила яснаго сокола: Мое сердце не воротится, Животъ кровью обливаеця, Лице слѣзми омываеця.* Въ Е) *Моё сердце*

воротится, Жизнь кровью обливается; У батюшки гости сидятъ, А у матушки гостынька, У меня младой подруженьки. — За тѣмъ въ вар. Е). присоединена еще къ этой пѣсни другая: *Вы подруженьки голубушки*, и проч.

Не куликъ по болотамъ куликаеть, ⁽¹⁾
Молодой князь Голицынъ по лугамъ гуляетъ; ⁽²⁾
Не одинъ князь гуляетъ — съ разными полками,
Съ Донскими казаками, еще съ егарями ⁽³⁾
И онъ думаетъ, гадаетъ, гдѣ пройтить, проѣхать: ⁽⁴⁾
Ему лѣсомъ ѣхать очень темно,
Мнѣ лугами князю ѣхать очень было мокро,
Чистымъ полемъ князю ѣхать — мужикамъ обидно,
А дорожкой ѣхать — дорожкой пыльно;
А Мосевои коли ѣхать было стыдно, ⁽⁵⁾
Ужъ поѣхалъ князь Голицынъ улицей Тверскою,
Тверскою Ямскою, Новой Слободою, глухимъ переулкомъ. ⁽⁶⁾
Подъѣзжаетъ князь Голицынъ близко ко Собору, ⁽⁷⁾
Скидаетъ князь Голицынъ шапочку соболѣю, ⁽⁸⁾
Становился князь Голицынъ на колѣнки, ⁽⁹⁾
На колѣнки становился, самъ Богу молился; ⁽¹⁰⁾
Богу помолится, Царю Государю низко поклонится: ⁽¹¹⁾
„Ужь ты здравствуй, Государь Царь, съ своими боярами, ⁽¹²⁾
„Съ своими боярами, съ большими князьями,
„А еще ты, Государь Царь, съ голубыми лентами,
„А еще ты, Государь Царь, съ разными полками!
„Охъ ты батюшка, Государь Царь ты нашъ православный!
.....
.....
„Ты пожалуй, Государь Царь, меня горбодочкомъ,
„Небольшимъ городочкомъ, Малымъ Ярославцемъ“. ⁽¹³⁾
— Нѣту, нѣту тебѣ князю, нѣтъ ни городочка,
Ни малаго, ни большаго нѣту Ярослава. ⁽¹⁴⁾

Восемь вариантовъ: 1) Воронки Моск. г. 2) Тульск. г. (пѣль солдатъ). 3) Калуж. г., Лихв. у., имѣние г. Полтова. 4) Орлов. губ., Малоарх. у., с. Саборово. 5) Мал. у. 6) Тульск. губ. 7) Орлов. г. и у. 8) Москов. г., с. Ильинское. Первый принять за текстъ.

1) 2 *этого стиха нѣтъ*. 3) У насъ только во болотѣ куликъ куликаеть, 4) 6) Что ни куликъ куликаеть, 5) Эхъ да ни куликъ-ать, братцы, во чистомъ полѣ куликаеть, 7) Ни куличиньва по болоту куликаеть.

2) 2) Во лужахъ-то князь Голицынъ гуляетъ, 3) Вотъ нашъ да князь Голицынъ си полкомъ гуляе, 4) 6) Ни молоденькй князь... 5)

Ально молодой... 7) Князь Голицынъ по лужечку гуляеть, 8) По лужкамъ князь Голицынъ гуляеть.

3) 2) Онъ со тѣми вѣдь со полками, все съ егерями. 3) *Этого стиха нѣтъ*. 4) 6)... съ своими полками, со любезными полками, больше съ казаками. 5) Онъ гуляить, разгуляить на ворономъ, кони Ни одинъ князь гуляить съ своими полками, што съ своими полками, съ Донскими казаками 7)... съ своими полками, съ своими полками больше съ егарами. 8)... съ своими полками, съ своими полками еще съ егарами.

4) 2 Онъ и думаетъ, князь Голицынъ, гдѣ пройтить лучше проѣхать. 3) Думалъ, думалъ князь Голицынъ, думалъ гдѣ проѣхать. 4) 6) Да онъ думаетъ князь, гадаеть, про все размышляетъ: Вотъ и гдѣ князю Голицыну въ Москву проѣхать? 4) Вотъ онъ.... 7)... гдѣ въ Москву проѣхать 8)... гдѣ лучше проѣхать.

5) 2) Дорогою ѣхать пыльно, а лѣсомъ ѣхать тѣмно. 3) Только лѣсомъ только ѣхать, лѣсомъ очень темно, только полими князю ѣхать, полими очень пыльно. 4) Вотъ и полемъ князю ѣхать, полемъ было пыльно, Вотъ и полемъ ѣхать князю да все быльа, Вотъ и лѣсомъ князю ѣхать, — ему было темно; Вотъ Московю ѣхать князю, ему было стыдно; Отъ чего же Князю стыдно?— 5) Если лугомъ князю ѣхать, — лугомъ очень мокро; Если лѣсомъ князю ѣхать, — лѣсомъ очень тѣмно; Вотъ и полемъ князю ѣхать — черно, пыльно; Што Московю князю ѣхать, Московой очень стыдно. 6) Вотъ и полемъ князю ѣхать, полемъ было пыльно, Вотъ и лѣсомъ князю ѣхать, ему было страшно, Вотъ Московой... *какъ съ 4-мъ вар.*, Полемъ (князю ѣхать черно) быльно, лужичкомъ князю ѣхать — трава павелика; Лѣсомъ князю ѣхать будетъ темно; Большой дорогой князю ѣхать будетъ пыльно, Большой улицей князю ѣхать, будетъ отъ господъ стыдно. 8) Ужь и полемъ князю ѣхать ему пыльно, Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать было страшно, А дорогой князю ѣхать было стыдно.

6) 2) Новой слободой — *нѣтъ* 3) Только ѣхалъ князь Голицынъ, ѣхалъ все проулками, Все проулками, закоулками. 4) 6)... улицей Тверскою, Слободой Ямскою, къ новому Собору. 5) Вотъ онъ врался князь, пробирался улицей Тверскою, Што и улицей Тверской, Охотноимъ рядомъ. 7) Поѣхалъ князь Голицынъ глухимъ переулкомъ. 8) Ужь поѣхалъ князь Голицынъ переулкомъ.

7) 2)..... прямо ко Собору 3)..... Къ цареву къ Собору. 4) 6) *этого стиха нѣтъ* 7)... Къ Успенскому Собору. 8) близко *нѣтъ*.

8) 3) Онъ скидаетъ.... 4) 6) Онъ скидаетъ шапочку сабольшу, не-сетъ онъ съ собою 7).... шапочку соболью, Кладеть онъ ее передъ собою 8) Скидаваль-то князь Голицынъ пуховую шляпу.

9) 2) 4) 5) 6) 7) *этого стиха нѣтъ.* 3) Онъ Богу молился, низко поклонился, Низко, низко только поклонился, упалъ на колѣнки.

10) 2) Вотъ и сталъ князь Голицынъ Богу онъ молиться. 3) *эт. ст. нѣтъ* 4) Онъ сталъ Голицынъ, сталъ Богу молиться 5) Вотъ онъ Богу-то помолился, на всѣ три сторонки. 6) Вотъ и молится Голицынъ Спасу со Пречистой. 7) На колѣни князь становился, Богу онъ молился. 8) *эт. ст. нѣтъ.*

11) 2) На всѣ стороны князь Голицынъ поклонился 3) *эт. ст. нѣтъ.* 4) 6) Вотъ и Богу князь помолился, да всѣмъ поклонился 5) На четвертую сторонку Царю поклонился 7) Богу онъ молился, Царю поклонился 8) И онъ кланялся Царю бѣлому, Кланялся князь Голицынъ господамъ всѣмъ боярамъ.

12) 2) Съ своею Царевной 3) 8) *эт. ст. нѣтъ.* 4) 6).... со своей Царицей 5).... съ своими полками *вар. кончилась.* 7) Здравствуй Государь Царь надежа моя.

13) 2) Вотъ ты жалуешь, Государь Царь, князьевъ и бояревъ, Вотъ ты жалуешь, Государь Царь, малыми чинами, А ты пожалуй-ко меня Государь Царь, меня городочкомъ, Вотъ и тѣмъ ли же городочкомъ Малымъ Ярославцемъ! — “Вотъ и чѣмъ же тебѣ, князь Голицынъ, городъ показался?” — Хорошо Ярославъ городъ построенъ, на рѣчкѣ поставленъ, — Вотъ въ томъ ли городочкѣ много зеленыхъ садочковъ! Что во тѣхъ ли во садочкахъ гуляютъ дѣвочки, Гуляютъ дѣвочки, генеральскія дочки. 3) Ужъ чѣмъ, Государь Царь, чѣмъ жанаеъ пожалуешь? 4) 6) Ужъ ты жалуй, Царь, господъ разными чинами. А меня князя Голицына малымъ городочкомъ, Да вотъ малымъ городочкомъ, славнымъ Ярославомъ. 7) Чѣмъ ты, Государь Царь, господъ жалуешь? “Господъ я жалую чинами, купцовъ городами”. — А меня, Государь Царь, жалуй городочкомъ, Жалуй городочкомъ Малымъ-Ярославцемъ. — “Чѣмъ же тебѣ, князь, Ярославъ городъ показался?” — Показался мнѣ Ярославъ городъ садами: Во первомъ во садикѣ гуляли генеральскія дочи, Во другомъ во садикѣ гуляли купеческія дочки 8) *эт. ст. нѣтъ.*

14) 2) 4) 6) *эт. ст. нѣтъ* 3) пожалую тебѣ, князь Голицынъ мелкими деревнями, Мелкими деревнями, новыми городами: Они тѣсомъ не(о)бложоны, небомъ не покрыты. 8) Вы стройте мнѣ, бояре, каменны палаты, Что не крытыя, не мшоны, совсѣмъ не свѣршены.

Важное значеніе вариантовъ въ пѣсняхъ особенно-наглядно выражается, напримѣръ, въ пѣснѣ о князѣ Волконскомъ и Ванѣ включникѣ. Въ моемъ собраніи, нынѣ предлагаемомъ публикѣ, я представляю это народное созданіе въ трехъ вариантахъ, и пѣсню про молодца въ которой рассказывается подобное же происшествіе. Какъ вариантъ той же пѣсни замѣчательны: 1) въ древнѣйшей, по всей видимости, формѣ о Дунаѣ Ивановичѣ (напечатанной въ „Извѣстіяхъ Академіи“), 2) въ формѣ, сохраненной новиковскимъ пѣсенникомъ:

Гулялъ молодець по Украинѣ ровно тридцать лѣтъ,
Загулялъ молодець къ королю въ Литву.

3) въ смутной и темной формѣ пѣсенъ о князѣ Волконскомъ, напечатанныя О. М. Бодянскимъ въ III № Чтеній 1859 года, 4) наконецъ въ позднѣйшей, искаженной трагирной цивилизаціей формѣ: „Любила княгиня камеръ-лакея“, помѣщенной во многихъ старыхъ сборникахъ пѣсенъ.

Другая важная сторона значенія вариантовъ уясняется изъ извѣстной пѣсни:

Ахъ ты батюшка свѣтель мѣсяць,
Что ты свѣтишь не по прежнему?...

равно относимой народнымъ творчествомъ къ Иоанну IV, Петру I, Петру II, Петру III, Екатеринѣ (вѣроятно, II), къ Павлу I и къ Александру I. Эпическія формы остаются тѣ же, но прилагаются къ разнымъ лицамъ. Тагъ еще пѣсня, сложенная про смерть Лопухина изъ эпохи „Семилѣтней войны“, приложена къ французскому нашествію. Вообще географическимъ названіямъ и именамъ историческихъ лицъ не должно приписывать въ пѣсняхъ большаго значенія. Въ Новгородѣ и Псковѣ является часто и совершенно-неумѣстно Иванъ IV; въ Орлѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ и проч. Петръ I; въ низовыхъ губерніяхъ: Симбирскѣ, Саратовѣ и проч. Алексѣй Михайловичъ (*).

Такъ въ приведенной выше пѣснѣ является Карамышевъ, въ пѣснѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря Салтыковъ, лица, неучаствовавшія въ событіяхъ, о которыхъ въ пѣсняхъ рассказывается.

Вообще я долженъ замѣтить, что баллады представляютъ гораздо-болѣе вариантовъ, чѣмъ пѣсни чисто-лирическія. Изъ послѣднихъ мож-

(*) Я имѣлъ эту пѣсню изъ Вятки, Новгорода, Костромы, Москвы, Орла, Воронежа. Всѣхъ списковъ я знаю до 20-ти.

но указать на нѣкоторыя, какъ, на примѣръ, „Калина съ малиною лазоревый цвѣтъ“, извѣстная въ народѣ подъ названіемъ „*Веселая бесѣдушка*“, рѣшительно не представляютъ вариантовъ (кромѣ выповора) (*). Свидѣтельствуется ли это въ пользу ихъ древности—предоставляю рѣшить знатокамъ. Укажу еще на пѣсню: „Охъ ты садъ ли мой садочикъ“ представляющую своей конструкціей большое сходство съ одной изъ древнѣйшихъ славянскихъ пѣсенъ, съ пѣсней о *Розь*, Краледворской рукописи.

Желательно, чтобъ изданы были голоса пѣсенъ. До-сихъ-поръ, кромѣ труда покойнаго М. А. Стаховича, нельзя указать ни на одно собраніе, которое сколько-нибудь удовлетворяло бы требованію истинныхъ знатоковъ. По моему мнѣнію, въ этомъ отношеніи должны быть сохраняемы варианты мотивовъ, разнообразныя по мѣстностямъ. Въ настоящее время мнѣ удалось слышать пѣсни, аранжированныя для пѣнія К. П. Вильбоа, какъ мнѣ кажется, эти аранжировки, удовлетворяютъ своею вѣрностью и художественностью самыхъ строгихъ судей этого дѣла.

Извѣстно, что пѣсни П. В. Кирѣвскаго переданы въ общество любителей російской словесности и мы надѣемся, что онѣ скоро будутъ изданы, какъ одному лицу, какова ни была бы любовь его къ дѣлу, никогда издать не удастся. Но какъ бы онѣ ни были изданы, должно желать одного, чтобъ онѣ были изданы скорѣе: изданіе ихъ можетъ быть всегда повѣрено съ оригиналами, которые, какъ я знаю, должны быть переданы въ петербургскую публичную бібліотеку или въ московскій университетъ.

ПАВЕЛЪ ЯКУШКИНЪ.

СТИХИ.

I.

СТИХЪ ПРО ЕГОРІЯ ХРАБРАГО.

1. Во седьмомъ году восьмой тысячи
Наѣзжалъ царище Кудрянице
Ко тому ли городу Чернягову.
Онъ князей бояръ всѣхъ повырубилъ;
3. Благовѣрнаго князя Ѳедора
Онъ подь мечъ склонилъ,
Голову срубилъ.
Оставалоса чадо малое,
Молодой Егорей свѣтло-храбрый:
10. По локоть руки въ красномъ золотѣ,
По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
И во лбу солнце, во тылу мѣсяць,
По косицамъ звѣзды переходя.
Онъ того, собака, не пытаючи,
15. Началь Егорья-свѣта мучити
Всякими муками да различными.
Началь онъ Егорья топорами сѣчь:
Топоры все зубье прикрошилося,
А Егорья свѣта не уязвило,
20. Не уязвило, не укровавило,
Онъ того, собака, не пытаючи,
Началь онъ Егорья пилой пилить:
У пилы все зубье прикрошилося,
Прикрошилося, все приломалоса,
25. А Егорья свѣта не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.
Онъ, того, собака, не пытаючи,
Началь Егорья водой топить,
Колесомъ вертѣть:
30. Колесо въ щепу все приломалоса,

- А Егорья-свѣта не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.
Онъ того, собака, не пытаючи,
Началъ онъ Егорья въ котлѣ варить:
35. Егорей-свѣтъ въ котлѣ стойкомъ стоить,
Стойкомъ стоить, самъ стихи поеть,
Стихи поеть все херувимскіе,
Подъ котломъ растеть трава муравлена,
Растутъ цвѣточки лазоревы.
40. Онъ, того, собака не пытаючи,
Копалъ погребъ глубокіе,
Долины погребъ двадцати сажень,
Ширины погребъ тридцати сажень,
Глубину погребъ сорока сажень,
45. Посадилъ Егорья-свѣта съ матерью
Во тотъ погребъ во широкой:
Задерживалъ рѣшотки желѣзныя,
Желтымъ пескомъ призасыпывалъ,
Сѣрымъ камнемъ призаваливалъ,
50. Муравой травой замуравливалъ.
Онъ пошелъ, собака, похваляется:
„Не бывать-ска Егорью на святой Русь,
Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
Свѣта бѣлаго, солнца краснаго.“
55. По Егорьевой было по участи,
И по Божьей было по милости,
Стонка завѣвали вѣтры буйные
Изъ того изъ далеча чиста поля:
Мураву-траву всю размуравило,
60. Сѣро каменье все приразвалѣло,
Желты пески всѣ приразвѣяло,
Рѣшеточки всѣ прираздержало.
Выходилъ Егорей на святую Русь,
Увидалъ Егорей свѣта бѣлаго,
65. Свѣта бѣлаго, солнца краснаго,
Сталъ просить благословенія,
Благословенія матушки родимыя
Поѣхать къ Кудревяну Кудреяницу
Изместить обиды всѣ родительскія.
70. Унимаетъ его матушка родимая:

- „Не поѣзжай: у Кудреяна Кудреяница
Есть три заставы, три великія;
Первая застава великая:
Стоять лѣса темные,
75. Они засѣли до неба;
И стиглому и сбѣглому проходу нѣтъ,
И удалому молодцу проѣзду нѣтъ.
А другая застава великая:
Стоять двѣ горы высокія,
80. Разойдутся, да вмѣстѣ столънутся:
Ни стиглому, ни сбѣглому проходу нѣтъ,
Ни удалому молодцу проѣзду нѣтъ.“
Ой же ты — матушка родимая!
Не Божиимъ все есть изволеніемъ —
85. Все вражинѣ наважденіемъ!
Поѣхалъ удалый доброй молодець;
Приѣхалъ къ лѣсамъ темнымъ.
„Ой все вы лѣсы, лѣсы темные!
Полноте-ко врагу вѣровать,
90. Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣта храбраго!“
Стали лѣсы по старому,
Стали лѣсы по прежнему:
Проѣхалъ Егорей-свѣты храбрый.
95. Приѣхалъ къ горамъ высокімъ:
„Полноте-ко горы врагу вѣровать!
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣты храбраго!“
Стали горы по старому,
100. Стали горы по прежнему;
Проѣхалъ Егорій-свѣты храбрый.
Приѣхалъ къ рѣкѣ огненной:
„Полно-ко рѣка врагу вѣровать!
Вѣруй-ко въ Господа распятаго,
105. Самаго Егорья-свѣты храбраго!“
Стала рѣка по старому,
Стала рѣка по прежнему.
Колотятъ платье двѣ дѣвицы,
Двѣ русскія полоняночки.
110. „Ой же ты удалый добрый молодець!

- Есть еще у Кудреана Кудреяныча,
Есть три заставы, три великія:
Первая заставъ: сидитъ надъ крыльцомъ птица:
Унесетъ тебя въ чисто поле,
115. Малымъ дѣтямъ да на съяденье.
Надъ крыльцомъ сидитъ змѣя лютая:
Ухватитъ тебя на хоботь свой,
Унесетъ тебя въ чисто поле,
Малымъ дѣтямъ на съяденье.
120. Въ палатахъ у него есть мечъ самосѣкъ,
Отсѣветъ у тебя буйну голову“.
— Все это не Божиимъ изволеніемъ,
Все вражіймъ наважденіемъ!
„Охъ ты птица, птица, лети въ чисто поле,
125. Хватай поганыхъ татаровей!
Охъ ты змѣя, змѣя лютая!
Лети змѣя въ чисто поле,
Хватай поганыхъ татаровей!
Охъ ты мечъ мечъ, мечъ самосѣкъ,
130. Ссѣки у Кудреана Кудреяныща,
Ссѣки буйну голову.“

(Арханг. Губ., зап. С. В. Максимовъ.)

II.

СТИХЪ ПРО ЕГОРІЯ ХРАБРАГО.

1. Во шестомъ году въ осьмой тысячи,
Да при томъ царѣ да при Федору,
Да при той царицы благовѣрныя,
Да при святой Софіи премудрыя,
5. Спородила она да три дочери,
Да три дочери, да три любимыи,
Четвертава сына свѣтъ Егоріа,
Свѣтъ Ягоріа, свѣтъ Храбрава:
По колѣни въ нево ноги въ золотѣ,
10. По локоть руки въ чистымъ сѣребра,

- Волоса на немъ, что конья трава (*).
Вотъ изъ той земли басурманскія,
Испавѣдываль царь басурманища,
Онъ са всей силаю са жидовскаю;
15. Онъ сикѣтъ и рубѣтъ, вы полонъ беретъ!
Заполонилъ же ёнъ да три дѣвицы,
Енъ нагналъ за аграды за рубежнаи,
Приставлялъ кы стаду ка звяринаму,
Кы сѣрымъ валкамъ басурепымъ-жа (**).
20. Онъ сталъ царица басурманища,
Онъ сталъ жа въ Ягорія распрашивать,
Распрашивати, разгаваривати;
„Какова ты роду, какова племюю,
„Али барскыва, князіянскыва?“
25. А яму Ягорій атказывантъ,
А яму Хвабрыи атгаваривантъ:
„Я таво роду христьянскава.“
Ты повѣруй вѣру ты ко мнѣ царю къ басурманищу.
Яму Ягорій атказывантъ,
30. Яму Хвабрыи атгаваривантъ:
„Не повѣрую вѣру я къ тибѣ къ царю!
Я повѣрую вѣру къ сымаму Христу,
Сымаму Христу—Царю Небеснаму,
Ищо матери Выгародици,
35. Святой Софее премудрие,
Ищо Троицы нераздѣльный.“
Пывялѣлъ царица басурманища,
Пывялѣлъ Ягорья крѣпко мучити,
Крѣпко мучити разноличными.
40. Пывялѣлъ Игорія во ножи рѣзати:
У нажахъ концы пытламалиси,
Мастировъ руци патымалиси;
Ничаво Игорію не вредиласи:
Уся яво тѣло суцѣляласи.
45. Пывялѣлъ царица басурманища,

(*) Т. е. Людей норовягъ съѣсть: такъ Ягорій волковъ прозвалъ.
(Прим. гѣвца.)

(**) Въ воображеніи народа Егорій представляется такимъ, какимъ пишется на иконахъ.

- Пывялѣль Игорія въ тапары рубить:
У тапарахъ лезья потломалиси,
Мастеровъ ружи апушались.
Пывялѣль царица басурманища,
50. Пывялѣль Игорья ва пилаи пилить:
У пилахъ зубья пывтирались,
Мастеровъ очи помишались;
Ничаво Игорью ни вридлиси:
Уся яго тѣла суцилялоси!
55. Пывялѣль царица басурманища,
Пывялѣль Ягорья на маряхъ тапить,
На маряхъ тапить съ бѣлымъ каменемъ:
Енѣ паѣтъ стихи херуимскія,
Да гласомъ гласить по-евангельски,
60. Да сверхъ жа воды Ягорій плавантъ!
Ничаго Ягорью не вридлиси:
Уся яго тѣла суцилялоси.
Пывялѣль царица басурманища,
Пывялѣль Игорья вы смалѣ варить,
65. А смола кипить, яко громъ гремитъ,
А сверхъ воды (*) Ягорій плавантъ!
Ничаго Игорію ни вридлиси:
Уся яго тѣла суциляласи.
Пывялѣль царица басурманища,
70. Пывялѣль Ягорію яму вапать:
Глубины яма сорока сажонъ,
Поперечины двадцати сажонъ.
Пысадили Ягорья въ глубаку яму,
Паталочили доски желѣзнаи,
75. Прибивали гвоздями полуженнами,
Засыпали пясками рудожелтами;
А самъ царица басурманища,
Самъ притаптывалъ, пригаваривалъ:
„Не хадить Игорію по биломъ свѣту.
80. „Не видать Игорію сонца красныа,
„Не видать Игорію мѣсяца ясныа!“
Изъ-за горыда Русалимскава

(*) Вѣроятно: воды вмѣсто смолы, по ошибкѣ пѣвца.

- Высхадила туча да пригрозныя,
Да пригрозныя, вятры буйнай,
85. Разносили пяски рудажолтан,
Грамава туча доски желѣзнай:
Выходилъ Ягорій да на бѣлыи свѣтъ:
Увидаль Ягорій сонца красныя,
Увидаль Ягорій мѣсяць ясныя;
90. Пошолъ жа Ягорій да ва тотъ ва градъ,
Да ва томъ во гради нѣтъ ни старыва,
Нѣтъ ни старыва, нѣтъ ни малыва,
Только стаить церква саборная,
Да саборныя быгамольныя;
95. Да ва той церквы вы саборныя,
Адна мать пречистая Быгародица,
Святая Саѣя премудрая.
Какъ святой Игорій проглаголуеть:
„Мать пречистая Быгародица,
100. Святая Саѣя премудрая!
Ты атдай мнѣ блааславленіе:
Пойду я къ царишу басурманицу,
Да стану за вѣру христіанскую,
Атплачу яму дружбу прежнію.“
105. Она яму проглаголуть:
„Ты пади ва тѣ степа,
Ты возьми каня богатырскыва,
Са всею оружію ваенную.“
Паѣхаль Ягорій на круты горы,
110. На круты горы, на талкучія;
А крутыя горы сыхадилиси,
Да негди Ягорію праѣхати.
А имъ жа Ягорій проглагольвалъ:
„А горы маи, да все крутыи!
115. Да вы станьте-ва-сь, горы, да по старому;
Построю на васъ церкву саборную,
Саборную быгамольнаю.“
Вотъ та застава миноваласи!
Пыдѣзжалъ Ягорій кы тымнымъ лясамъ,
120. А тымны лиса кы сырой земли привланилиси.
А имъ Игорій проглагольвалъ:
„Ай вы лиса мои приагромнай,

- Станьтѣ лѣса на стараму:
Я буду сѣчь, рубить сы малитвами,
125. Буду изъ васъ строить церкви соборныи,
Да соборныя, быгамольнаи“.
Вотъ и та застава миноваласи!
Пыдъязжалъ Ягорій къ таму стаду,
Кы таму стаду ка звяринаму;
130. А звѣрямъ Ягорій проглагольвалъ:
„Разойдитесь и гдѣ одинъ-два,
Пы чистымъ палямъ, пы тымнымъ лѣсамъ,
Да пейте, вы ѣште, повелѣнная.“
Вотъ и та застава миноваласи!
135. Стада пасили красныя дѣвушки,
Ягоріевы родныя сестрицы.
Краснымъ дѣвицамъ Ягорей проглаголуеть:
„Вы сойдитекаси на Кіаць моря,
Вы абмойте шерсть басурманскую;
140. На васъ станить тѣла христіанская,
А вѣруйте самому Христу,
Самому Христу, Царю небесному:
Ещо матери Быгародицы,
Во святой Софен во премудрыя,
145. Пресвятой Троицы нераздѣлимыи.“
Подъѣзжалъ Ягорій къ таму дворцу.
На вратахъ сидить Великанъ птица,
Во носѣ держить Севру рыбу.
Када Севръ рыба пываротитси,
150. Всѣ синія моря выскалухнутси.
Рыбы Ягорій проглаголууть:
„Ходи жа ты, рыба, по синемъ морі.“
А птицы Игорій проглагольвалъ:
„Ходи жа ты, птица, крутымъ берегамъ,
155. Питайси жа, птица, бѣлай рыбицай.“
Пыдъѣзжалъ Игорій къ царицу басурманицу,
Всталъ царица басурманица Ягорья упрашивати,
Ягорія упрашивати, уговаривати:
„Погоди ко си ты на три годѣ.“
160. А яму Игорій отказивантъ:
„Ни на три года, ни на три часа.“
Размахнулъ оружія военная,

- Разсѣкъ палаты бѣлакаменны,
Досталъ царица басурманища,
165. Атплатилъ яму дружбу прежнюю,
Дружбу прежнюю, кровь гарючаю,
За тае за вѣру христьянскую!
Слава великая Игорія похождения!

(Орловск. Губ. Малосарк. у., с. Сабуроро. Пѣль Иванъ
Ковдращевъ. 1858 г. 16 мая.)

III.

СТИХЪ ПРО ЕГОРЬЕВЫ МУЧЕНЬЯ.

1. При томъ царѣ, при Федорѣ,
У его была царица благувѣрная,
Благувѣрная, благучестивая.
Спородила царица она три отрока:
5. Два отрока-отрокѣвицы,
Третьяго отрока Егорья Храбраго.—
Изъ того ли изъ града изъ Китаева
Подымался невѣрный царь Дивлитіанище;
Іерусалимъ, святой городъ, весь повыгубилъ;
10. Онъ князей и бояръ всѣхъ подъ мечъ склонилъ:
А онъ Божьи церкви всѣ на дымъ пустилъ;
Святыхъ образовъ подъ коней послалъ;
А благовѣрнаго царя Федора
Онъ взялъ его, невѣрный царь, за желты кудри,
15. Отводилъ его далече во чисто поле;
Отрубилъ онъ мечемъ ему буйную голову.
А Егорья, отрока премладава—
Онъ мучилъ его мукамъ всякимъ разнымъ:
Онъ пыталъ Егорья батожемъ стегать,
20. Батожемъ стегать, все желѣзнымъ;
Не взяло Егорья батожемъ стегать:
Батожья отъ Егорья всѣ переломалися,
Мастеровыя руки опускалися;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
25. Онъ пыталъ Егорья и колесомъ тереть;
Не взяло Егорья колесомъ тереть:

- Колесо все отъ Егорья извертѣлося;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ, невѣрный царь Диклитіанище,
30. Онъ пыталъ Егорья и пиламъ пилить;
Не взяло Егорья и пиламъ пилить:
Всѣ пила отъ Егорья презгбалися;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ пыталъ Егорья и топорамъ рубить,
35. И не взяло Егорья и топорамъ рубить:
Топоры всѣ отъ Егорья преломалися,
Мастеровыя руки опускалися;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ невѣрный царь Диклитіанище,
40. Онъ пыталъ Егорья во смолѣ варить,
Не взяло Егорью во смолы кипѣть.
Онъ пыталъ Егорья и на воды топить,
Не взяло Егорья и на водѣ тонуть:
Онъ противъ воды, Егорій, гоголемъ плыветь,
45. Гоголемъ плыветь, самъ стихи поеть—
Онъ стихи поеть, Егорій, херувимскіе,
Херувимскіе поеть по-архангельски.
Онъ, презлой, невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ беретъ Егорья за бѣлыя руки,
50. Отводитъ далече его во чисто поле,
На славную гору Сорочинскую.
Приказалъ онъ выкопать ему глыбокъ погребъ—
Глыбиною былъ погребъ сорока сажень—
Посадилъ онъ свѣта Егорья во глыбокъ погребъ,
55. Задвигалъ онъ его рѣшетками все зелѣзными,
Засыпалъ онъ песками рудожелтыми;
Онъ дубьемъ и колодемъ заворачивалъ;
Онъ самъ, невѣрный царь, приговаривалъ:
„Не бывать теперъ Егорью на бѣломъ свѣту,
60. Не видать Егорью солнца краснаго,
Не слыхать Егорью повелѣнья божьяго!“
Самъ пошелъ онъ, невѣрный царь,
Во свой Китай городъ,
Во свое во царство беззаконное.
65. Онъ Егорьевыхъ двухъ милыхъ сестеръ,
Онъ побралъ, проклятый, во полонъ къ себѣ,

- Заставлялъ онъ ихъ пасти стада звѣрныхъ:
Звѣрей разныхъ, различныхъ,
Миновало тому время ровно три года:
70. Подымались вѣтра буйные
На славную гору Сорочинскую; ,
Всѣ дубья, колоды разворачило,
И пески желтыи всѣ поразвѣяло;
Раскрывались рѣшетки всѣ зелѣзныя;
75. Выходилъ Егорій вонъ изъ погреба.
Помолился Егорій на образа Спасителя;
Пошелъ Егорій Храбрый онъ въ Иерусалимъ-городъ.
Иерусалимъ, ихний городъ, весь повигубленъ;
Только оставши во святомъ градѣ, въ Иерусалимѣ,
80. Единая полата бѣлокаменная
Его бабушки, царя Феодора,
Да еще былъ оставши второй Давыдовъ домъ.
Взошелъ Егорій Храбрый въ свои палаты бѣлокаменны;
Онъ крестъ держалъ, Егорій, по писанному,
85. Онъ поклонъ поклонялся до сырой землѣ
Своей матушкѣ Софѣ, царицы благоувѣрныя:
„Здравствуй, родимая, родная матушка,
Софья царица, мать благоувѣрная!“
Возговоритъ Егорью родная матушка:
90. „Ровно три года солнце не пекло
На мои палаты бѣлокаменныя;
Но топерь мнѣ солнце возсіяло
Во моихъ палатахъ бѣлокаменныхъ.“
Онъ началъ, Егорій, просить у матери благословленія:
95. „Благослови, родимая, родная матушка,
Меня иттить ко злomu царю Диклитіаницу.
Отплатить ему дружбу прежнюю,
Отлить мнѣ кровь своего бабушки.“
Возговоритъ Егорью родная матушка:
100. „Мое дитятко ты премладое,
Гдѣ жь тебѣ иттить ко злomu царю Диклитіаницу?“
Возговоритъ Егорій своей родной матери:
„Благословишь—пойду, и не благословишь—пойду.“
Благословила Егорья родная матушка,
105. Благословила его святымъ образомъ.
Выходитъ Егорій изъ палаты вонъ:

- Онъ пошелъ, Егорій, на конюшенъ дворъ,
Выводилъ коня Егорій самолучшаго,
И сядилъ свѣтъ-Егорій на коня храбраго.
110. Поѣхалъ свѣтъ-Егорій къ царю Диклитіанищу!“
Ну, на той пути, на дороженькѣ
Повстрѣчалось Егорью несчастье великое:
Напущалъ онъ Диклитіанъ на Егорья сѣрыхъ волковъ.
Возговорить Егорій звѣрямъ—сѣрымъ волкамъ:
115. „Разойдитесь вы на всѣ четыре стороны,
По степямъ, по лѣсамъ, по чистымъ полямъ;
Пейте и ѣшьте вы мое повелѣнное,
Егорьево благословенное.“
Поѣхалъ свѣтъ-Егорій Храбрый къ царю Диклитіанищу;
120. Опять на той пути-дороженькѣ
Повстрѣчалось Егорью несчастье великое:
Посреди пути-дороженьки лежитъ тутъ змѣя горюница:
О двѣнадцати змѣя была головахъ,
О двадцати четырехъ хоботахъ.
125. Тутъ Егорій Храбрый приужахнулся;
Онъ беретъ свое жезло булатное,
Жезло булатное и свой вострый мечъ.
Онъ возговорить, Егорій, змѣи горюницѣ:
„Отойди, змѣя, ты съ пути долой.“
130. Предъ нимъ змѣя она попротивилась;
Онъ разсѣкъ змѣю на мелки части,
Самъ поѣхалъ Егорій Храбрый къ царю Диклитіанищу.
Приѣзжалъ Егорій во Китай-городъ,
Ко тому дворцу, ко царскому,
135. Закричалъ Егорій своимъ громкимъ голосомъ:
Узналъ царь Диклитіанъ гласъ Егорьевскій.
Выходилъ царь Диклитіанъ на свой на крутой крылецъ;
Онъ повлонъ поклонялся Егорью понизешеньки.
Возговорить Егорій царю Диклитіанищу:
140. „Ты повѣруешь ли вѣру христіанскую,
Ты состроишь ли во своемъ градѣ три церкви соборныя“?
Диклитіанъ царь нашему Богу не повѣровалъ.
Онъ беретъ, Егорій Храбрый, свой острый мечъ,
Отрубилъ Егорій Храбрый царю буйную голову,
145. А онъ ихное все царство беззаконное
Привождалъ во вѣру христіанскую.

IV.

СТИХЪ ОБЪ ОЛЕКСАФИИ.

1. Посторонъ святаго града Иерусалима
На земли было три царства беззаконныхъ:
Первое царство былъ Содомъ городъ,
А второе царство былъ Гоморъ городъ,
5. А третье было царство Рахлинское.
На ихнее беззаконіе великое—
Да не могъ на нихъ самъ Господь смотрѣть.
Содомъ и Гоморъ Господь сквозь земли прослалъ,
А на этое третье царство, на Рахлинское
10. Напушалъ Господь Богъ на нихъ змѣя лютаго,
Давали они со города скотиною
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
И ко пещерскому на прожреніе.
Во градъ скота у нихъ мало осталось:
15. Давали они со города по головы,
По головы человѣческой,
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.
Во градъ людей у нихъ мало оставалось,
20. Собиралися всѣ жители рахлинскіе
Къ самому оны царю на широкій дворъ;
Метали они жеребемъ самоволжевымъ
Со самымъ царемъ со Агапіемъ.
Но жеребѣ царю доставалось
25. Ко лютому змѣю иттить на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.
Прикручинился царь и припечалился.
Возговорить ему царица рыхлинская:
„Не кручинься, царь, и не печалуйся;
30. У насъ есть съ тобой кѣмъ замѣнитися;
У насъ есть съ тобой дитя единое:
Она единая дочь не милая;
Она вѣруеть вѣру все не нашу :

- Богу молится она распятому;
35. Отдадимъ мы Олексафію ко лютому змѣю,
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.“
Многой радостью царь изнаполнился,
Приходилъ онъ въ полаты бѣловамены,
40. Ко своей ко дщери къ одинокія;
Вызывалъ онъ въ упокой ее во особый,
Уговаривалъ онъ дочь, обманывалъ:
„Ты, прекрасная Олесафія Агапеевна,
Ты вставай-ка, Олесафія, изъ утра ранешенько,
45. Умывайся, дѣвица, бѣлешенько
И снаряжайся, Олесафія, хорошехонько:
Изъ утра я буду тебя замужъ давать,
Ты въ которую вѣру вѣруешь.“
Срадовалася Олексафія, взвеселилася,
50. На ложницу она спать не ложилася:
Всю темную ночь она Богу молилася;
Молилася она Спасу Пречистому,
Второму Николы Барградскому,
Третьему Егорью-свѣту, Храброму.
55. Между тѣмъ дѣвицы и утро пришло.
Вставала Олексафія ранешенько,
Умывалася она бѣлешенько,
Снаряжалась она хорошехонько.
Выходила Олексафія на крутой крылецъ,
60. Взглянула Олексафія на широкій дворъ:
Посреди двора было царскаго—
Тутъ стоитъ корета сама черная,
Припряжены кони неученые.
Посажень дѣтина въ платьѣ травурномъ;
65. Ино тутъ же Олексафія догадалася,
Горячимъ слезамъ она обливалася:
„Не на то меня мать спородила,
Чтобъ отдать меня во свою вѣру;
А на то меня мать спородила:
70. Отдаетъ меня батюшка ко люту змѣю,
Ко люту змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.“
Повели Олексафію со крута крыльца,

- Сажали Олексафію въ корету черную,
75. Повезли Олексафію ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змѣвному,
Выходила Олексафія изъ кореты вонъ,
Садилась Олексафія на крутой берегъ
Ко тому ко морю ко синему.
80. Уѣзжалъ дѣтина въ платѣ траурномъ:
Оставалась Олексафін одинешенька.
На листу у Олексафін было написано:
Святые ангелы были все, архангелы.
Молилась Олексафія Спасу Пречистому,
85. Второму Микола Барградскому,
Третьему Егорью-свѣту Храброму.
Услышаль Господь Богъ ея молене,
Посылаль Господь Богъ Егорья Храбраго
Для храненія дѣвицы отъ змѣя лютаго.
90. Приѣзжалъ Егорій на добромъ конѣ,
Онъ слѣзаль, Егорій, съ коня храбраго;
Онъ поклонъ воздалъ дѣвицы низешенько:
„Богъ на помочь тебѣ, царская дочь Олексафія!“
Даваль Егорій Храбрый свой шелковъ поводъ
95. Олексафін дѣвицы на бѣлы руки:
„Подержи ты, говоритъ, Олексафія, моего коня,
А больше того смотри сама на сине море:
Когда на морѣ волна будетъ подыматися,
Изъ пещеръ змѣя лютая появлятися;
100. Ты тогда меня, дѣвица, ото сна сбуди.“
Онъ возговорилъ Егорій, а самъ спать уснулъ.
Держала Олексафія коня храбраго,
Больше того смотрѣла на сине море.
На морѣ волна стала колѣбаться,
105. Но тутъ же Олексафія она испугалася,
Горячими слезами она обливается.
Начала дѣвица Егорья ото сна будить;
Не могла она Егорья ото сна сбудить.
Она жалко Олексафія сама расплакала:
110. Поватились у Олексафін горячи слезы
На Егорьево на бѣло лице;
Оттого Егорій ото сна возсталъ.
Онъ беретъ свое жезло булатное,

- Онъ пошелъ Егорій ко синю морю,
120. Ко тому ко восходу ко змѣнному.
Онъ бьетъ змѣю копьемъ во прожорище:
„Ты будь змѣя и кротка, и смирна;
Ты пей и ѣшь мое повелѣнное,
Олексаѣено благословенное.“
125. Распоясалъ Егорій свой шелковъ поясъ,
Онъ продѣлъ змѣи насквозь прожорище,
Онъ давалъ Олексаѣи на бѣлы руки,
Онъ давалъ, Егорій, самъ наказывалъ:
„Поведиткась, Олексаѣя, змѣя лютаго
130. Во свое во царство рахлинское,
Скажи батюшгѣ царю Агашию,
Пуцай повѣруеть вѣру христіанскую,
Пусть состроитъ онъ три церкви соборныя;
Ежели не повѣруеть онъ вѣры христіанскія,
135. Ты пусти змѣю на свою волю,
Потребить змѣя ихъ всѣхъ до единого,
Не оставитъ имъ людей на сѣмени.“
Поведа Олексаѣя змѣя лютаго
Во свое царство во рахлинское,
140. Становилась Олексаѣя посреди града,
Закричала Олексаѣя женскимъ голосомъ:
„Ты услышь, мой отецъ, рахлинскій царь!
Ты повѣруишь ли вѣру христіанскую,
Ты состроишь ли три церкви соборныхъ?
145. Ежели ты не повѣруешь вѣры христіанскія,
Я пушу змѣю на свою волю,
Потребить змѣя васъ всѣхъ до единого,
Не оставитъ вамъ людей на сѣмени.“
Царь со радости онъ вѣры повѣровалъ,
150. Онъ создалъ свою заповѣдь великую:
„Я сострою три церкви соборныя:
Церковь Матери Божьей, Богородицы,
Еще Троицы Живоначальныя
И святому Егорью-свѣту Храброму.
155. Я не разъ Егорью буду въ году вѣровать,
Я не разъ ему въ году—два раза.“

V.

СТИХЪ ПРО БОРИСА И ГЛѢБА.

1. Востопная сдержавная
Какъ у славнымъ гради у Кееви (*)
А жилъ себѣ Володимеръ князь,
Володимеръ князь Володимеравичъ;
5. Енъ имѣлъ себѣ двинадцать сыновъ,
Двинадцать сыновъ любезнѣйшехъ;
Только възлюбилъ енъ трехъ сыновъ:
Святова и Глѣба, Бориса,
А третива Святополка,
10. Той имѣлъ себѣ за большого сына.
Дѣлилъ грады на три части:
Что Кеевъ градъ, Черниговъ градъ Святому и Глѣбу, Борису
Привдавъшанъ (**) градъ Святополку.
Святой Полокъ пишеть листы,
15. Пишеть листы къ меньшимъ братьямъ:
„А вы братья, вы и меньши!
Възжайте въ чистоя поля,
Въ чистоя поля пиръ пировать,
Пиръ пировать, атца паминать“.
20. Баруть письмо, сильно плачуть,
Дабровъ конивъ сидлаивчи,
Въ чистоя поля ванжаивчи,
Вѣлы шатры раскинаивчи.
Святой Полокъ наѣзжаивчи,
25. Глѣба нажомъ зарѣзаивчи,
Вариса каііемъ закаляивчи
(Въ) топви болоты отволачаювчи
Подъ гнѣлу колоду подкладанвчи.
Лжжать мощи тридцать три года,
30. Начаво мощамъ не врядиласи,

(*) Во всѣхъ известныхъ мнѣ вариантахъ или: «Съ восточнаго державія», или «Восточное державіе».

(**) Т. е. самый бѣдненькій градъ. *Прим. писца.*

Ни ять солнца ни засохли,
Ни ять вѣтру ни завѣтряли,
Ни ять дождю ни сатлѣли.
Святому Глѣбу славу поемъ!

35. Ва вѣкъ слава яго ни минутца.

Сздай намъ, Господь, сяму міру пріукрасный рай!

(Орловск. Губ. Малоарх уѣз. с. Сабурово; пѣлъ Иванъ
Ковдращевъ; его выучила монахиня въ Корешной.)

VI.

СТИХЪ О ПРЕЧУДНОЙ ЦАРИЦѢ.

1. Ты пречудная царица, Мать Божія-Богородица!
Ты услышь-ка наше моленіе, отъ грѣшныхъ рабовъ твоихъ,
Ты прими наше слезное иногда рыданіе,
Не лишн насъ отъ царствія отъ своо отъ небснаго
И не предай насъ ко злой муки, ко превѣчныя.
5. Ай же мука, ты есь мука злая сотворена!
Но не ради насъ этая мука злая превѣчная,
Сотворена злая мука ради діавола
И ради того челоуѣка многобеззаконнова.
Ты живешь уже, челоуѣче, на разсудишь о себѣ;
10. Пора тебѣ будетъ, челоуѣче, воспокоятся,
На истиную путь пора будетъ обратитися.
Призови-ка, челоуѣче, ты отца къ себѣ духовнаго,
Исповѣдай-ка, челоуѣче, свои тайныя грѣхи,
Но не сколько намъ не жить, всѣмъ намъ умирать будетъ.
Великому нашему всему богатству будетъ здѣсь остатися;
15. Не друзья, братья намъ отъ смерти не заступщики,
И ни златомъ, ни серебромъ намъ отъ смерти не откупитися,
Слезамн намъ отъ смерти будетъ не отплаваться
Если хочешь ты, челоуѣче, себѣ до конца претерпѣть,
Ты взойди же, челоуѣче, во дальнія во пустыни,
20. Постригися ты, челоуѣче, во ризы черныя,
Ты надѣнька, челоуѣче, на себя схимушку спасеную,
Ты зари, челоуѣче, на образа Создателя.
„Создатель нашъ Царь Небесный; онъ есть многомилосливъ:
Онъ, любя челоуѣка, Господь хранитъ, милуетъ,
25. Избавляетъ Господь грѣховъ челоуѣческихъ много множество,

- Доставляетъ онъ до царствія до свою до небснаго,
Онъ проводитъ душу праведную до престола до Господняго“
Скоро намъ будетъ тое времячко злаго антихриста:
Время на три года будетъ и на шесть мѣсяцовъ;
30. Но не можетъ тогда, Царь Небесный на антихриста зазреть,
Онъ сошлетъ Илью пророка съ небесъ на сыру землю,
Тогда будутъ пророки по земли пророковать
И православными христіанами пророки будутъ глаголовать:
„Ай же вы, рабы, православные христіанушки,
35. Не давайтесь вы лукавому на обманъ антихристу,
Соблюдайте вы свои душеньки ко спасенію,
Ко страшному ко Христовому ко пришествію.“
Возъярится тогда сердце у злаго антихриста.
Онъ беретъ злой антихристъ жезло во правую руку,
40. Онъ ударитъ Илью пророку жезломъ во мезинный персть;
Тогда падетъ кровь пророческа на сыру землю;
Отъ той отъ крови, есь буде, отъ пророческой
Загорится наша матушка вся сыра земля:
Она выгоритъ земля на шестьдесятъ локотвъ;
45. Тогда повѣютъ вѣтра буйные со восточной со страны,
Разнесутся пески желтыи по край матушки земли;
Тогда горы и всѣ озера поравняются,
И всѣ глыбокіе вертепы всѣ позасыплются;
Тогда грѣшныи со праведными будутъ различатися:
50. Праведныи души будутъ взяты на восточной стороны,
А грѣшныи души будутъ взяты на западную страну.
Между ихъ протечетъ Сіонъ-рѣка огненная,
Со шумомъ она, потечетъ рѣка огненная, со тресканіемъ
И со громомъ потечетъ она, рѣка огненная, со страшнымъ;
55. Пожжетъ рѣка огненная горы и каменя,
И пожжетъ рѣка огненная всѣ лѣса со звѣрами,
И пожжетъ рѣка огненная весь скотъ со птицами.
Тогда выгоритъ вся земная тварь.
Тогда будутъ престолы поставлятися,
60. И на престолахъ будутъ книги поглядатися,
Всѣ дѣла наши и всѣ грѣхи будутъ обличатися.
Невозможно намъ отъ своихъ злыхъ дѣлъ отперетися.
Тогда сойдетъ къ намъ съ небесъ Судья праведный,
Михайла и Гавріилъ, святые архангелы;
65. Мы завидимъ, рабы грѣшныи, свою Судью праведнаго,

Мы возвопимъ, рабы грѣшныя, во многіе голоса:
;Ай же Судья ты нашъ, Боже праведный!
Не лиши ты насъ отъ царства, отъ небеснаго,
Не предай ты насъ ко злой муки ко превѣчныя!“

70. Возглаголетъ Судья праведный рабамъ грѣшнымъ:
„Я судья къ вамъ посланъ Божья праведная,
Не велѣлъ мнѣ Господь брать съ васъ ни злата, серебра,
Благословилъ мнѣ Господь Богъ разсудить васъ по дѣламъ
вашимъ.“
75. Тогда погонять рабовъ грѣшныихъ всѣхъ по мукамъ
разнымъ;
Тогда грѣшныя пойдутъ со плачемъ, со рыданіемъ,
А праведныя пойдутъ во царствію ко небесному:
Оны со радостію пойдутъ и со веселіемъ.
80. Тогда страшный судъ весь и кончается.

VII.

ВОСКРЕСЛО НЕБЕСНОЕ ЦАРСТВО.

1. Воскреснетъ небесный Царь, и вознесется рука Его—
И рука Его да на вышніи небеса.
Егда будетъ страшный судъ, вострубятъ въ трубы ангелы,
Въ трубы позлащенные:
Ужаснется вся вселенная; померкнетъ красное солнышко;
5. Потемнѣетъ свѣтель мѣсяць;
Падутъ звѣзды на землю, яко листіе со древа;
Престолы поставятся,
10. Все книги поразгнбнутся; дѣла наши прочитаются;
Все грѣхи объявятся.

VIII.

СТИХЪ НА РОДЕСТВО ХРИСТОВО (*).

1. Достояно есть днесъ удивленія,
Духовному веселію:
Нынѣ звѣзда на небеси явися

(*) Поется въ Колѣ, между заутреней и обѣдней, дѣтскимъ, которыя ходятъ по домамъ.

- Паче всѣхъ святая: ты предвозвѣщаешь Бога нашего
И на землю проявляеши,
5. Яко даждь *нарунамъ* надетъ.
Тако Христось смиренный съ небеси снидеть
И принесеть пречистую Дѣву Марію.
Родися яко младенець,
Пеленами повиванъ;
10. Горніе чины дивятся
И земнородные человѣчи объ томъ веселятся
И вкупѣ возрадуются.
Ты же, господинъ хозяйинъ, повеселися
Успѣхи насладитися!
15. Тому же господину хозяйину пребывать *желаемъ*,
Отъ всѣхъ васъ торжествуемъ,
Велегласно поздравляемъ!
Изъде звѣзда отъ Іакова,
Свѣтъ возсія отъ Израіля:
20. Дѣва Бога рождаетъ,
Ангели удивляются,
Персидскіе цари приходятъ,
Рожденному младенцу даръ приносятъ;
Тотъ же Богъ съ небесъ нисходитъ
25. И въ небесныя возводитъ.
За тѣмъ будь здравъ, господинъ хозяйинъ,
На многія лѣта!
Многая лѣта—многая радость
Во всемъ мірѣ нынѣ намъ явися.
30. Богъ, Царь славы, отъ Дѣвы Маріи
Въ вертепѣхъ родися!
Тому же ангели на небеси зѣло дивятся —
Земнородный человѣцъ о томъ веселится.
Мы же тако вопіемъ Вышнему Творцу:
35. Слава въ вышнихъ Богу:
Мы же вопіемъ: торжествуйте!
Ликовствуйте!
Хвалу Богу дайте,
Воспѣвайте,
40. Выиграйте!
Даетъ вамъ Богъ, *господамъ, госпожамъ*,
Господиновымъ женамъ,

- Во всемъ крупѣ здравствовать!
Вивать, вивать, многая лѣта!
45. Веселися здѣсь! Благодать весь день!
Хвалу Богу пѣти нашему полу на звѣзды.
Ангель пастырямъ возвѣстилъ
Нарожденнаго Бога нашего,
Царь же Иродъ всѣхъ возвѣстилъ.
50. Младенцовъ побилъ.
Били-билися,
Сѣкли и ругалися
Яко убивцы,
Злы разбойницы!
55. Кричатъ дѣтки, плачутъ матки,
Яко насмѣшницы
Да отъ нихъ персей отрывали,
И рубили ихъ,
И топтали ихъ.
60. Съ матерями вопрошали, жалко всплавались.
Тамо слезы проливали,
Жалобы матки,
И собою дѣтки!
Лежить воронъ крови на поляхъ снятки.
65. Матки ручки заломили,
Волосы деруть,
Умирають.
Съ неба гласы испущались,
Сердечно рекутъ.

(Кола; зап. С. В. Максимовъ.)

IX.

СТИХЪ О ВЕЛИКОМЪ СТРАШНОМЪ СУДѢ.

1. Жили мы, грѣшныи, на вольномъ на свѣту.
Не имѣли мы ни среды, ни пятницы,
Во божію мы церкву не хаживали,
Со желаніемъ Господу не маливались,
5. На свои мы на грѣхи не надѣялись,
Евангельской мы книги не прослушивали,

Что было во святомъ евангеліи написано, напечатано;

Мы страху Христова не утрашивали.

Были у Христа поразсужены дѣла:

10. Гдѣ быть вораѣмъ, гдѣ разбойникамъ,
Суетницамъ и клеветницамъ и ябедникамъ:
Вораѣмъ-разбойникамъ быть въ огненной рѣкѣ,
Суетницамъ, клеветницамъ на вислицѣ.
Кто же у насъ во плоти взять во Христа?
15. Во плоти взять во Христа Илья Божій пророкъ:
Илья, Божій пророкъ, во пустынь прохаживаль—
И много муки совидалъ;
Видѣлъ муку, видѣлъ рай, страсти божедкія,
Показаль Илья намъ видѣть муку и рай,
20. Чѣмъ намъ душеньку спасти и чѣмъ въ рай взойти:
Спасти душу постами, молитвами,
И низкимъ полуночнымъ поклономъ;
Въ рай взойти святой милостыней
Да отъ своихъ трудовъ праведныхъ.
25. Со восходу праведнаго солнца пышаетъ огонь съ земли до
небесъ,
Протечеть рѣка намъ огненная,
Взойдетъ Михайло Архангелъ на Сіонскую гору;
Затрубятъ трижды въ небесную трубу.
Тогда всѣ мертвые отъ гроба встануть,
30. И праведные рабы по правой стороны.
Переводитъ Архангелъ Михайлъ праведныхъ чрезъ огнен-
ную рѣку,
Ко нашему Авраамію, къ отцу праведному,
И приводитъ онъ ихъ ко царству небесному.
Идутъ праведные черезъ огненную рѣку,
35. Идутъ они по воды какъ по суши;
Огонь ихъ, поломя, не пожереть;
Поютъ они стихи херувимскіе,
Величаютъ они самого Христа, Царя небеснаго,
Еще мать Пресвятую Богородицу.
40. Грѣшныя, беззаконныя рабы,
Они сами-то къ Михайлѣ приближаются,
Золотой казной спосудяются:
„О, свѣтъ грозенъ нашъ Михайло, судья праведный!
Переправь насъ грѣшныхъ черезъ огненную рѣку,

48. Приведи насъ ко царству небесному,
Ко нашему Авраамію, отцу праведному;
Возьми съ насъ золота и серебра
И сильно наше имѣнье и богатство.“ (*)
Отвѣчалъ имъ Михайло Архангель, судья праведный:
50. „Ахъ вы грѣшныя, незаконныя рабы!
На что же вы ко мнѣ приближаетесь
И золотой казной своей спосулетесь:
Есть здѣсь судья, неподкупная душа,
Я здѣсь судья съ Богомъ праведная.
55. Не надобно намъ ваше злато, серебро,
Ни сила, ни имѣнья ваше, ни богатство;
А намъ надобно здѣсь душевное спасеніе.
Помните-ль, какъ вы жили на вольномъ на свѣту?
Были у васъ церкви божественныя,
60. Во церквахъ было у васъ понаписано,
Во святомъ евангеліи напечатано:
Вы того писанія не прослушивали,
На свои вы на грѣхи не надѣялись.
У васъ были судьи неправедныя,
65. Судили вы суды не по праведному.
Праваго вы раба виноватили,
Виноватаго раба ставили праведнымъ;
Вы брали съ нихъ казну несчислѣнную
И съ праваго и съ виноватаго,
70. Клади вы казну во сыру землю,
Сырой матери земли не визнаподнили,
Своимъ душамъ мѣста не уготовили:
Идите, грядите въ рѣку огненную.“
Идутъ, грядутъ души грѣшныя;
75. Во огонь онѣ во поломя бросаются,
Тѣлеса на себѣ, власа обрываютъ,
Отца своего, мать промлиняютъ!
„На что насъ отецъ съ матерью спородили,
На эти на муки на разныя?
80. Не терпѣли бѣ мы злой муки превѣчныя,
Не слышали бѣ мы слова грознаго

(*) И сѣмья (селенія?), имѣнье и богатство.

Отъ самого Христа, Царя Небеснаго,
Отъ Михайла Архангела, судьи праведнаго!
Мы грозному Михайлу славу поемъ,
85. Всѣмъ добрымъ людямъ на память даемъ.

Х.

СТИХЪ ПРО ДУШУ ВЕЛИКОЙ ГРѢШНИЦЫ.

1. По морю, по синему, по Хвалынскому
Тутъ ишли, пробѣгали черезъ карабли.
Во этихъ корабляхъ святые ангели сидятъ,
На стрѣчу имъ самъ Исусъ Христосъ, самъ Небесный Царь,
5. Сталъ онъ въ ангелахъ выпрашивать и выпытывать:
„Святые ангели, архангелы, гдѣ вы хаживали, гдѣ гуливали,
Что слышивали, что виживали?
Самъ Исусъ Христосъ, самъ Небесный Царь!
Мы хаживали на вольномъ на свѣту,
10. Много слышали, много видѣли,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася.
Разставши душа, сама прочь пошла
И отошедши, душа взворотилася,
Со своимъ съ бѣломъ тѣломъ попростилася:
15. Ты прости тѣло бѣлое мое,
Прости беззаконіе мое.
Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
Червамъ тѣло на источеніе.
Вы кости земли на преданіе,
20. А я, душа, къ самому Христу на спокаяніе.
На стрѣчу души самъ Исусъ Христосъ:
Почему же ты, душа грѣхи угадываешь?
Потому я, душа, грѣхи угадываю,
Что я жила на вольномъ на свѣту,
25. Середы и пятницы не пащивалась,
Великаго говѣнія не гавливалась,
Заутрени, вечерни просыпывала я,
Въ воскресный день обѣдни прогуливала.
Въ полюшвахъ душа много хаживала,
30. Не по праведну землю раздѣливала:
Я между черезъ между перегадывала,

- Съ чужой нивы земли украдывала.
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась,
И отцу духовному не сказывала,
35. Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
Еще душа Богу согрѣшила:
Не по праведну покосы я раздѣливала,
Вѣшку за вѣшку позатаркивала,
Чужую полосу позакашивала;
40. Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Въ соломахъ я заломы заламывала (*),
Со всякаго хлѣба споръ отнимывала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
45. Еще душа Богу согрѣшила:
Я въ поляхъ, душа, много хаживала,
Проворы въ поляхъ пораскладывала,
Скотину въ поле понапущивала,
Сусѣдній хлѣбъ повыстравливала,
50. Я добрыхъ людей оголаживала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Изъ коровушекъ молоки я выкликивала,
Во сырое коренье я выдаивала (**).
55. Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Смалешеньку дитя своего проклинывала,
Во бѣлыхъ во грудяхъ его я засыпывала,
Въ утробы младенца запорчивала,
60. Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Мужа съ женой я поразваживала,
Золотые вѣнцы поразлучивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
65. По улицамъ душа много хаживала,

(*) Заломомъ называется особый видъ колдовства: связываютъ на корню узломъ рожь или на чью-нибудь голову, или чтобъ вынуть спорыню изъ хлѣба.

(**) Тоже особый видъ колдовства. Дѣлаютъ на зло кому-нибудь, чтобъ корова не давала молока.

- По подоконью душа много слушивала,
Хоть не слышала, скажу: слышала,
Хоть не видѣла, скажу: видѣла;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
70. По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьями оборачивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
По игрищамъ душа много хаживала,
Подъ всякія игры много плясывала,
75. Самого сатану воспотѣшивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Напилася душа зеленого вина,
Отъ зеленого вина душа пьяна была;
Померла эта душа безъ покаянья,
80. Безъ того ли безъ попа, безъ духовнаго.
Провалилася душа въ преисподній адъ,
Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться
За свое согрѣшеніе,
За свое великое беззаконіе.

XI.

СТИХЪ О ВОЗНЕСЕНІИ ХРИСТОВЪ.

1. На шестой было на недѣлѣ,
Въ четвергъ у насъ праздникъ Вознесенія:
Вознесся самъ Христосъ на небеса,
Со ангелами и со херувимамъ,
5. И со своей со небесной силой;
А нищии Господа молили,
Много у Христа милости просили:
„Владыка Христосъ Царь небесный!
Вознесешь ты, Царь, на небеса,
10. Со ангелами и со херувимамъ,
И со своей со небесною силой,
Ино кто насъ поить, кормить будетъ,
И кто обувати насъ и одѣвати,

- За что намъ Мать Божию величати,
15. И Тебя, Христа Бога, прославляти?*
- Речетъ имъ Христосъ, Царь Небесный:
„Не плачьте мое меньшее братіе,
Дарю я вамъ гору золотую,
И пропущу я вамъ рѣку медовую
20. Имѣйте златой горой владѣти,
Промежду собою раздѣляти.“
- Речетъ имъ Иванъ Архіепискупъ:
„Владыко Христосъ Царь Небесный!
Не возьми мое слово въ досаду:
25. Не оставляй своей нищей братіи
Эти горы золотыя.
Если пожертвешь имъ гору золотую,
Найдутъ къ нимъ сильные люди,
И найдутъ къ нимъ немилосливыя власти,
30. Отоймутъ у нихъ гору золотую,
Помрутъ нищія голодною смертью,
И позябнутъ холодною зимою.
Оставь ты своей меньшей братіи
Свое имячко Христово:
35. Пойдутъ нищіе по земли ходити,
Твое имя святое возносить,
Ино кто есть вѣрный христіанинъ,
Онъ ихъ приобуеъ и приодѣнеъ:
Ты даруй ему нетлѣнную ризу;
40. А кто ихъ хлѣбомъ-солью напитаеъ,
Даруй тому райскую пищу;
Кто ихъ отъ темной ночи оборонитъ,
Даруй въ раю тому мѣсто.
Кто имъ путь-дорогу укажетъ,
45. Незаперты въ рай тому двери.“
- „Благодарю тебя, Иванъ Архіепискупъ,
За твои за рѣчи дорогія,
Дарю уста тебѣ золотыя,
Въ году тебѣ празднички честныя,
50. Во имя Ивана Златоуста“.
- Мы славимъ тебя, Христа Бога.

ХП.

О ДМИТРІѢ СЕЛУНСКОМЪ.

1. Сопуцалися съ небесъ два ангела, два архангела
Ко Димитрію Селунскому, свѣту чудотворцу
„Ой еси нашъ батюшка Димитрій Селунскій чудотворецъ!
„И хочуть твой градъ весь повызорить,
5. „И всѣхъ людей твоихъ повыгубить,
„И Божіи дома на дымъ спустить.“
Отвѣчаетъ Димитрій Селунскій свѣтъ чудотворецъ:
„И не дамъ свой городъ я повызорить
„И не дамъ своихъ людей всѣхъ повыгубить
10. „И Божіи церкви на дымъ спустить.“
И отколы вьздася Мамай безбожный, невѣрный
Невѣрный, нечестивый и принималъ онъ силы многомножество
Увидалъ Димитрій Селунскій свѣтъ чудотворецъ:
Имаеть онъ себѣ доброго коня
15. И повидаетъ онъ ковры сорочинскіе
Береть онъ копіе булагное
И сколько онъ копьемъ колетъ,
А вдвое, втрое конемъ топчетъ.
И пригубилъ онъ силушки много множество,
20. Три тьмы, три тьмы и четыре тысячи;
И только Мамай невѣрной, нечестивый барыщу получилъ—
Двухъ русскихъ сестеръ во полонъ залучилъ,
Увозилъ онъ въ себѣ да во полатушки:
„Ой вы гой еси двѣ русскія сестры полоняночки!
25. „Вы скажите мнѣ про могучаго богатыря?
„Какой есть у васъ могучій богатырь?
Сколько онъ у меня силушки погубилъ
Выпишите мнѣ и врисуйте мнѣ на коврѣ на шолковомъ.
Онѣ пишутъ и рисуютъ съ утра и до вечера,
30. Со вечера да до полуночи,
Со полуночи, горько плачася, Богу молятся,
На коверъ онѣ спать ложилася:
„Ужь ты гой еси, батюшка Димитрій Селунской свѣтъ, чудо-
творецъ нашъ!

35. „И не прогнѣвайся на насъ на грѣшникъ здѣсь
„И не изъ волюшки пишемъ изъ подъ неволюшки“.
Онѣ легли да всѣ и заснулися
И поднималася вьюга, падора
Подымалоса со полоть верхи
40. Выносило-то двухъ русскихъ-то сестеръ да полоняночекъ
И уносило ко Дмитрію Селунскому свѣту чудотворцу да
во Божью церкву.
По утру онѣ да пробудилися,
Дмитрію Селунскому да помолимся:
45. Онѣ почувствовались да у Дмитрія Селунскаго
Во Божьей церкви.

Сообщено А. Григорьевымъ.

ХІІІ.

СТИХЪ О ЛАЗАРѢ.

І.

1. Живаль-себѣ славенъ на вольномъ свѣту,
Пиваль, ѣдаль сладко, носиль хорошо,
Дорогія одежды богатъ надѣваль,
Про милость про Божию богатъ не даваль.
5. А былъ у богатаго убогіи Лазарь,
Онъ скорбенъ, болѣзненъ, онъ весь во гною.
Восползеть убогіи къ богачу на дворъ,
Воскрикнетъ убогіи громкимъ голосомъ:
„Милостивый братецъ, богатый Лазарь!
10. Ты выслушай, братецъ, прошенье мое,
Сотвори мнѣ, братецъ, милостыню,
Про милость про Божью напой, накорми;
Не я тебѣ, братецъ, за то заплачу;
Заплатить богатому Господь съ небеси“.
15. Какъ слышалъ богатый въ своемъ терему,
Выходилъ богатый на красно крыльцо,
За нимъ выходили все рабы его,
За нимъ выносили все медъ и вино.
То чаялъ богатый гостей къ себѣ въ домъ,
Чаялъ: „мои гостики возлюбленные“

20. А ижно убогій стояль у крыльца.
Какъ крикнуль богатый громчѣе того:
„Ахъ ты смердинъ, смердинъ, смердящій ты сынъ,
Да какъ же ты смѣешь къ окну подходить?
Да какъ же ты смѣешь братомъ называть?“
25. У меня брата Лазаря въ роду не было,
Такой хворобы слыхомъ не слыхалъ.
Есть у меня братія, получше тебя:
У кого много злата, больше серебра,
Тѣ — и моя братія возлюбленная.
30. А вонъ твои братья, два лютые пса —
Тѣи твоя братія получше меня“.
Речеть же убогій брату своему:
„Милостивый братецъ, богатый Лазарь!
Напрасно, мой братецъ, отперся меня“.
35. Напрасно, родимый, отъ рода своего;
Одна насъ съ тобой матушка на свѣтъ родила,
Одинъ-то насъ батюшко вспоилъ, воскормилъ,
Неровною долею Господь надѣлилъ:
Тебя надѣлилъ все богачествомъ,
40. Меня надѣлилъ все убожествомъ.
Спихватишься, братецъ, да не въ время,
Вспокаешься, родимый мой — возврату не быть“.
„Да чѣмъ-же, убогій, ты сталъ мнѣ грозить,
А я не боюся, ничѣмъ ничего“.
45. А я не блюдуся никѣмъ никого.
Бѣда ко мнѣ придетъ — казной откуплюсь;
Отъ вора, разбойника ружьемъ отобьюсь,
Отъ нищей отъ братіи ворота запру.
Подите, рабы мои, спихните съ двора,
50. Спустите, рабы мои, два лютые пса,
Пускай его псы тѣ терзаютъ всего“.
Не стали же псы его ни рвать, ни терзать,
Понюхали псы его, сами прочь пошли;
Святымъ Духомъ Лазарь, онъ сытъ пребывалъ,
55. Святымъ Духомъ Лазарь ничѣмъ невредимъ;
Какъ началъ убогій молитву творить,
Какъ началъ убогій Христа величать:
„Господи, Владыко, Спасъ милостивый!
Выслушай Ты, Господи, молитву мою“.

60. Все мою молитву неправедную,
Сошли мнѣ, Владыко, грозныхъ Ангелей
По мою по душеньку, по Лазареву.
Какъ я жилъ убогій, на вольномъ свѣту,
То-то моя душенька намучилася;
65. И голода, холода всего приняла:
Всякой она скверности навидѣлася,
Создай мнѣ, Владыко, горчѣ того!⁴
И самъ Господь выслушалъ молитву его,
Молитву его все праведную;
70. Ссылаеть Богъ святыхъ Ангелей
Тихихъ и смирныхъ, двухъ милостивыхъ.
Какъ святые Ангели солетывали,
Вынимали душеньку все Лазареву,
Честно и хвально въ сахарны уста,
75. Посадили душеньку-то на пелену,
Понесли они душеньку-то на небеса,
Отдали душеньку къ Абрамию въ Рай.
Будеть у богатаго почетный ширъ
Про свою про братію возлюбленную;
80. Выходилъ богатый въ зелень садъ гулять.
Не успѣлъ богатый двора перейти,
Не успѣлъ богатый въ саду погулять,
Не успѣлъ богатый чары выгушать,
Придетъ на богатаго люта хворьба,
85. Вся Божія немочь уродливая:
Подыметъ богатаго вѣлми высоко
Ударитъ богатаго о сыру землю;
Отбило у богатаго умъ и разумъ:
Не вспомнитъ богатый житія своего.
90. Не узрѣлъ богатый жены и дѣтей.
Какъ видитъ богатый бѣду надъ собой,
Взираеть богатый-то на небеса.
Какъ началъ богатый молитву творить,
Какъ началъ богатый Христа величать:
95. „Господи, Владыко, Спасъ милостивый!
Выслушай ты, Господи, молитву мою,
Создай Ты мнѣ, Господи, святыхъ Ангелей.
Тихихъ и смирныхъ, двухъ милостивыхъ.
Какъ я жилъ богатый на вольномъ свѣту,

100. Много имѣлъ злата, больше серебра,
А больше того было цвѣтнаго платья.
Создай мнѣ, Владыко, получше того“.
А самъ Господь выслушалъ молитву его,
Молитву его неправедную.
105. Ссылаетъ Господь Богъ грозныхъ Ангелей,
Грозныхъ и страшныхъ, немилостивыхъ.
Какъ грозные ангелы солетывали,
Они грудь у богатаго разламывали,
Скипетромъ душеньку вынимывали.
110. Вынули душеньку въ кровавы уста,
Посадили душеньку на востро коше,
Понесли они душеньку крутя и вертя,
Вкинули душеньку въ кипящий огонь.
Молился богатый день до вечера;
115. Не взможетъ богатый муки истерпѣть;
Взираетъ богатый изъ муки на Рай;
Какъ видитъ богатый Абрама въ Раю,
А возлѣ Абрама брата Лазаря.
Воскрикнулъ богатый громкимъ голосомъ:
120. „Милостивый братецъ убогій Лазарь!
Выступи, братецъ, изъ Раю ты вонъ,
Ты поди, родимый мой, на сине море.
Помокни ты, братецъ, мизинный свой перстъ,
Покропи мнѣ, братецъ, кровавы уста.
125. Не дай сударь, братецъ, въ огнѣ исгорѣть,
Не дай мнѣ, родимый мой, въ смолѣ исплѣтъ.“
Речеть же убогій брату своему:
«Милостивый братецъ богатый Лазарь,
А теперь намъ, братецъ, не своя воля,
130. Какъ мы жили-были на вольномъ свѣту.
Чѣмъ же погасишь кипящий огонь?
Гдѣ же твое, братецъ, злато, серебро?»
— „Милостивый братецъ, убогій Лазарь!
Злато мое серебро землей пожрало,
135. Все мое имѣніе прахомъ взялось,
Всѣ мои товарищи разлѣхались,
Всѣ друзья, пріятели отрѣкалися,
Рабы мои вѣрные разпо всѣ пошли,
Остался я, братецъ, одинъ во грѣхахъ.“

140. — „Милостивый братецъ, богатый Лазарь!
Помнишь ли ты, братецъ, помятуешь ли,
Какъ мы жили были на вольномъ свѣту;
Ты нищую братію на дворъ не впускалъ,
Ты босаго, нагаго не обулъ, не одѣлъ,
145. Отъ темной отъ ноченьки ты не укрывалъ,
Съ широка подворья ты не провожалъ,
Пути и дороги ты не указалъ,
Вдовицъ и сиротъ ты не сберегалъ,
Въ тюрьму, въ богадѣльню ты не подавалъ,
150. До Божіей церкви ты не доходилъ,
Отца ты духовнаго ты не почиталъ,
Меня, брата Лазаря, братомъ не звалъ,
Меня, брата Лазаря, въ роду не имѣлъ.“
— „Милостивый братецъ, убогий Лазарь!
155. Чего ты мнѣ, братецъ, давно не сказалъ
Про муку про злую, преувѣченную?
Кабы зналъ я, вѣдалъ, не то бы творилъ,
Я бѣ нищую братію поилъ и кормилъ,
Босаго и нагаго обулъ бы, одѣлъ,
160. Отъ темной отъ ночи всегда бѣ укрывалъ,
Съ широка подворья всегда бѣ провожалъ,
Путь бы я дорогу всеѣ бѣ указалъ,
Вдовицъ бы, сиротъ я въ дому сберегалъ,
Въ тюрьму, въ богадѣльню всегдабѣ подавалъ,
165. До Божіей церкви всегда бѣ доходилъ,
Отца бы духовнаго всегда уважалъ,
Тебя, брата Лазаря, братотъ называлъ,
Тебя, брата Лазаря, въ роду бы имѣлъ,
Имѣлъ тебя, братецъ, какъ душу свою,
170. Какъ бы свою душеньку во бѣломъ тѣлѣ.“
Спохватился Лазарь, да не во время.
Вскаялся богатый — возврату не быть.
Какъ съ небесъ ангели солетывали,
Они на землю ликовали,
175. Убогому Лазарю славу поють.

Москва.

Зап. А. А. Григорьевъ.

II.

СТИХЪ О ДВУХЪ ЛАЗАРЯХЪ.

1. Жили то были два братца,
Два братца, два Лазаря,
Что одна ихъ матушка спородила,
Не однимъ ихъ Господь Богъ счастьемъ надѣлилъ:
Что большого-то Лазаря тьмою животомъ и богатствомъ его,
5. А малаго-то Лазаря святымъ кошелемъ.
Заводилъ богатый Лазарь пиръ,
Собралъ топъ Лазарь князей и бояръ и пестрыхъ властей
А малой-то Лазарь пошелъ по милостину къ нему:
„Подай, сотвори святую милостыню
10. „Братецъ мой, братецъ, братецъ родной!“
„Какой ты мой братецъ, какой ты мой родной?
„Есть у меня брателко каковъ я самъ“.
Отсылаетъ онъ брателко отъ себя его роднаго
Толкаетъ, пинаетъ, съ крыльца провожаетъ
15. Съ крыльца провожаетъ, кобелей потравляетъ
Усть-е, возьмите борзы кобельё,
Борзы кобели ему радуются
Кровавыя раночки зализываютъ;
Выбросилъ онъ Лазаря на навозъ.
20. Взмолился онъ, Лазарь, Господу Богу:
„Создай мнѣ Господи скорую смерть,
„Скору, крылату немилостиву,
„Выняло бы душеньку нечестно, нехвально, сквозь правое ребро,
„На бѣломъ она свѣтъ налѣнствовалась,
25. „Тѣло мое бѣлое налѣжилось.“
Услышалъ его Господи молитву его:
Посылаетъ онъ скорыхъ ангелей,
Скорыхъ, крылатыхъ и милостивыхъ:
Выньте его душеньку и честно и хвально и въ сахарны уста
30. Положите его душеньку на пелены
Поднимите душеньку на небеса
Положите душеньку въ пресвѣтлый рай.
И просилъ его брателко, свѣтъ родной:
35. „Создай мнѣ Господи скорую смерть,

- „Скору, крылату и милостиву:
„Выняло бы душеньку въ сахарны уста
„Положило бѣ душеньку на пелены
„Подняло бы душеньку на небеса
40. „Положило бѣ душеньку въ пресвѣтлый рай,
„На бѣломъ она свѣтѣ намаялася,
„Тѣло мое бѣлое настранствовалося“.
Услышалъ Господь Богъ молитву его:
Посылаетъ къ нему Господи двухъ ангелей,
45. Двухъ крылатыхъ и немилостивыхъ:
„Выньте его душеньку съвозъ лѣвое ребро
„Положите душеньку на острое копье
„Поднимите душеньку вверхъ высоко
„И бросьте его душеньку въ таръ-тарары
50. „На бѣломъ она свѣтѣ напьянствовалася
„И тѣло ея бѣлое изнѣжилось.“
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Сообщено А. Григорьевымъ.

IV.

О ФЕДОРѢ ТИРОНѢ.

1. Во святѣ градѣ Константиновѣ
Было богомолье великое,
Молился царь Константинъ Сауловичъ
У честныхъ у заутреней,
5. У святыхъ у молебеновъ.
Отходила честная заутреня,
Царь Константинъ Сауловичъ
Онъ будетъ посреди двора царскаго.
Издаlechа изъ чиста поля
10. Не люта змѣя вывивалася,
Вывивалася, выстпалася
Ровна стрѣлочка галеная
Ложилася калена стрѣла
Посреди двора царскаго
15. У ноги у царскія,

- У руки у правыя
А на стрѣлочкѣ была-была грамота,
На грамотѣ было написано
Отъ царя іудейскаго,
20. Отъ его силы жидовскія—
Жидовскія, бусарманскія:
Гой ты царь Константинъ Саулловичъ,
Ты давай намъ супротивника
Супротивъ меня, царя іудейскаго,
25. Супротивъ моей силы жидовскія —
Жидовскія, бусарманскія,
Очищай землю святу русскую!
Царь Константинъ Саулловичъ,
Съ того государь задумался—
30. Задумался, запечалился,
Повѣсилъ головушку буйную,
Посушилъ очи ясныя
Самъ во матушку во сыру землю,
Самъ возговорилъ таково слово:
35. Ужь вы гой еси, вы князьё, бояре,
Гости торговые,
Мужички почетные,
Христиане православные!
А еще кто поидеть, побьеть царя іудейскаго
40. Его силу жидовскую, —
Жидовскую, бусарманскую,
Кто очиститъ землю святу русскую,
Тотъ избавленъ будетъ муки вѣчныя,
Наслѣдникъ будетъ царства небеснаго.
45. Да никто ему словечушка не проговоритъ,
Большой бояринъ хоронится за меньшаго,
Меньшаго не видѣти изъ-за большаго,
Только по двору по царскому,
По крылечушку по красному
50. Ходитъ, гуляеть младый человекъ Ѳеодоръ Тиронъ,
Всего ему отъ роду двѣнадцать лѣтъ.
Самъ возговорилъ таково слово:
Государь родимый батюшка,
Еще царь Константинъ Саулловичъ!
55. Благослови меня, сударь батюшко,

Спасовымъ образомъ.

Матерью пресвятою Богородицей

Еще Троицею нераздѣльною:

Я пойду побью царя іудейскаго,

60. Его силу жидовскую —

Жидовскую, бусурманскую,

Я очищу землю святу русскую.

А царь Константинъ Сауѣловичъ,

Онъ горячими слезами заливается,

65. Самъ возговорилъ таково слово:

Ай горе! чадо милое

А младый человекъ Ѳедоръ Тиронъ,

Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ,

На боехъ чадо не бывываль,

Сбрую ратною не влаживаль,

70. Изъ крѣпка лука не стрѣливаль,

Калени стрѣлы не кладываль.

На кого, чадо, надѣешься,

Держишь надежду великую?

А младый человекъ Ѳедоръ Тиронъ

75. Самъ возговорилъ таково слово:

Государь родимый батюшка,

Еще царь Константинъ Сауѣловичъ!

Я надѣюсь, сударь батюшка,

Я на Спаса на пречистаго,

80. Я на матушку пресвятую Богородицу,

Я на Тронцу нераздѣльную,

На твое благословеніе великое,

Только было бы твое благословеніе великое.

Онъ царь Константинъ Сауѣловичъ

85. Восходилъ въ церковь соборную,

Поднималъ иконы мѣстныя,

Служилъ молебны заздравныя.

Благословилъ его сударь батюшко

Спасовымъ образомъ,

90. Матерью пресвятой Богородицей,

Еще Троицей Нераздѣльною.

А младый человекъ Ѳедоръ Тиронъ

Восходилъ на конюшню дубовую,

Выбиралъ коня что есть лучшаго,

95. Сѣдлалъ сѣдлечко черкасское
О двѣнадцати подпружинахъ,
Не ради красы молодецкія,
Ради крѣпости богатырскія.
А молодой человекъ Ѳедоръ Тиронъ,
100. Онъ беретъ сбрую ратную,
Копье булатное,
Палицу желѣзную,
Еще крѣпкій лукъ о двѣ стрѣлы каленныя,
Садится онъ на добра коня,
105. Поѣзжалъ по граду Константинову.
Подъ нимъ добрый конь подымается
Черезъ ту стѣну бѣлокаменну,
Какъ ясень соколъ полетѣлъ по поднебесью,
Выѣзжалъ далече во чисто поле,
110. Становился супротивъ царя іудейскаго,
Супротивъ его силы жидовскія —
Жидовскія, бусурманскія.
Онъ и бьется съ царемъ по первый день,
Онъ и бьется съ царемъ по второй день,
115. Онъ и бьется съ царемъ по третій день,
Не пиваючи, не ѣдаючи,
Со добра коня не слѣзаючи,
Побивалъ царя іудейскаго,
Его силу жидовскую
120. Жидовскую, бусурманскую,
Обливала его кровь жидовская —
Жидовская, бусурманская,
Не по колѣни, не по поясъ,
По самыя груди бѣлыя.
125. Молодой человекъ Ѳедоръ Тиронъ —
Онъ и бьетъ коньемъ во сыру землю,
Самъ возговоритъ таково слово:
„Ужь ты, матушка, сыра земля,
Разступися на четыре на четверти
130. На всѣ на четыре на стороны,
Ты пожри въ себя кровь жидовскую —
Жидовскую кровь, бусурманскую.
По Божію изволенію.
Разступалася мать сыра земля

135. На четыре на четверти.
Прожирала въ себя кровь жидовскую,
Жидовскую, бусурманскую,
Царя іудейскаго.
А младый человекъ Ѳедоръ Тиронъ
140. Очищаль землю свято-русскую,
Поѣзжалъ по граду по Константинову,
Подъ нимъ добрый конь спотыкается,
Самъ онъ на конѣ сидить-шатается.
Какъ завидѣлъ его сударь-батюшко
145. Еще царь Константинъ Саудовичъ,
Самъ возговорить таково слово:
Ужь вы гой есте князья-бояре,
Гости торговые,
Музички почетные,
150. Христіане православные!
Восходите скоро въ церковь соборную,
Поднимайте иконы мѣстныя,
Служите молебны за здравныя,
Встрѣчайте младенца во чистомъ полѣ,
155. Ему бейте челомъ, поклонитесь
По двѣнадцати земныхъ поклоновъ,
По сороку до поясу.
За него святое умоленіе
За него честное притерпѣніе.
160. Князья-бояре его слушали:
Восходили скоро въ церковь соборную,
Поднимали иконы мѣстныя,
Служили молебны за здравныя,
Стрѣчали младенца во чистомъ полѣ,
165. Ему били челомъ, поклонилися
По двѣнадцати земныхъ поклоновъ,
По сороку до поясу.
За него святое умоленіе
За него честное притерпленіе.
170. А младый человекъ Ѳедоръ Тиронъ
Взѣзжалъ на широкій, на царскій дворъ.
Встрѣчаетъ его сударь-батюшко,
Еще царь Константинъ Саудовичъ;
Его родимая матушка

175. Приняла его съ добра коня,
Повела въ палаты бѣлокаменны,
Посадила подѣ иконы мѣстныя,
За столы за дубовыя,
За скатерти за бранныя,
180. За питья за медвяныя,
За ѣствы за сахарныя;
Понесла ему первую ѣствицу...
Изъ-за первой изъ-за ѣствицы
Завидѣла коня потнаго,
185. Повела поить на синѣ море,
На ту воду, на студеную,
Обмывати крови жидовскія,
Жидовскія, басурманскія.
Гдѣ ни возьметса, тамо лютый змѣй,
190. Лютый змѣй, люто-огненный,
Ухватилъ его родимую матушку
Онъ во челюсти во змѣиныя,
Унесъ ее за синѣ море,
Во тѣ пещеры, въ горы бѣлокаменны,
195. Ко двѣнадцати, ко змѣенышамъ,
На ту муку на змѣиную.
Ахъ, что за горе великое!
Выбѣгаетъ его добрый конь
На широкій, на царскій дворъ,
200. Прорѣщитъ его добрый конь
Человѣческимъ языкомъ:
«А младый человекъ Федоръ Тиронъ!
Что ты пьешь, ѣшь, что тѣшишься,
На себя-то бѣды не чаешься,
205. Какъ твоя родимая матушка,
Ради тебя дождалася,
Ради тебя доглядѣлася!
Понесла тебѣ первую ѣствицу,
Изъ-за первой изъ-за ѣствицы
210. Завидѣла меня, коня потнаго,
Повела поить на синѣ море,
На ту воду на студеную,
Обмывати крови жидовскія,
Жидовскія, басурманскія.

215. Гдѣ ни возьмется тамо лютый змѣй,
Лютый змѣй, люто-огненный,
О двѣнадцати хоботовъ,
Ухватилъ твою родимую матушку
Онъ во челюсти во змѣинныя,
220. Унесъ ее во синѣ море
Ко двѣнадцати ко змѣёнышамъ
На ту на муку на змѣиную».
Ахъ, ты горе великое!
А младый человѣкъ Ѳеодоръ Тиронъ,
225. Чтò въ устахъ было, тò проглотилъ,
Чтò въ рукахъ, тò такъ пустилъ;
Восходить скоро въ церковь соборную,
Онъ беретъ съ собой слово Божіе,
Святу-честну книгу Евангелье,
230. Онъ беретъ съ собой сбрую ратную,
Копье булатное,
Саблю вострую, палицу желѣзную,
Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы калены;
Онъ приходитъ къ морю синему,
235. Становился на крутомъ, красномъ бережечкѣ,
Онъ читаетъ слово Божіе,
Святу-честну книгу Евангельё;
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданья слова не вымолвить.
240. Гдѣ ни возьмется тамо китъ рыба,
Прорѣщитъ та китъ рыба
Человѣчьимъ языкомъ:
«А младый человѣкъ Ѳеодоръ Тиронъ!
Ты поди по млѣ, по китѣ рыбѣ,
245. Яко по мосту, яко по суху,
Выручи свою родимую матушку
Изъ тоѣ муки змѣинныя,
Отъ двѣнадцати отъ змѣёнышей».
А младый человѣкъ Ѳеодоръ Тиронъ
250. Переходитъ море синее,
Становится на крутомъ, красномъ бережочкѣ,
Читаетъ слово Божіе,
Святу-честну книгу Евангельё,
Во слезахъ письма не видитъ,

255. Во рыданьи слово не вымолвить.
Завидѣла его родимая матушка
Изъ тоѣ изъ муки изъ змѣиннѣ,
Отъ двѣнадцати отъ змѣёнышей,
Кричитъ-вопить громкимъ голосомъ :
260. «Ой, дитятко, съ тобою мы погибнули,
Родимое, съ тобою погибнули!»
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Самъ возговорить таково слово :
«Не убойся, моя матушка, не погибнули,
265. Родимая, не погибнули;
Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,
Со мною слово Божіе ;
Со мною сбруя ратная,
Копье булатное;
270. Сабля вострая, палица желѣзная,
Еще вѣшковъ лукъ, двѣ стрѣлы калены.
А молодой человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой вѣшковъ лукъ,
Онъ наладывалъ двѣ стрѣлы калены;
275. Онъ стрѣлялъ въ двѣнадцать змѣёнышей,
Побивалъ двѣнадцать змѣёнышей ;
Выручилъ свою родимую матушку
Изъ тоѣ изъ муки змѣинны
Отъ двѣнадцати змѣёнышей;
280. Онъ посадилъ ее на головку на тяжелую,
Понесъ ее къ морю синему.
Его родимая матушка
Назадъ себѣ оглянулася,
Завидѣла змѣя лютаго,
285. Люта змѣя, люта-огненна,
О двѣнадцати хоботовъ,
Кричитъ-вопить громкимъ голосомъ :
«Ой, дитятко, съ тобою мы погибнули,
Родимое, съ тобою погибнули!»
290. А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Самъ возговорить таково слово :
«Не убойся, моя матушка, не погибнули,
Родимая, не погибнули;
Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,

295. Со мною слово Божіе,
Со мною сбруя ратная,
Конье булатное,
Сабля вострая, палица желѣзная
Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы калены.
300. А младый человекъ Федоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы калены,
Онъ стрѣлялъ супротивъ змѣя лютаго
Люта змѣя, люта, огненна
305. О двѣнадцати хоботовъ,
Вышибалъ ему сердце со печеню;
Обливала его кровь змѣиная
Не по колѣно, не по поясъ,
По самы груди бѣлая.
310. А младый человекъ Федоръ Тиронъ,
Онъ и бьетъ коньемъ во сыру землю,
Самъ возговоритъ таково слово:
— Ужь ты матушка мать сыра земля
Разступися на четыре четверти
15. На всѣ на четыре стороны!
Ты пожри въ себя кровь змѣиную! —
По Божію изволенію.
Разступалася мать сыра земля
На четыре на четверти,
320. Пожирала въ себя кровь змѣиную.
А младый человекъ Федоръ Тиронъ
Очищалъ землю свято-русскую
Приходилъ во синю морю,
Становился на крутомъ красномъ бережечкѣ,
325. Читаетъ слово Божіе
Святу честну книгу Евангельѣ;
Во слезахъ письма не видитъ
Во рыданьи слово не вымолвить.
Гдѣ не возьметса та же китъ рыба,
330. Прорѣщитъ китъ рыба
Человѣчимъ языкомъ;
«А младый человекъ Федоръ Тиронъ,
Ты поди по мнѣ по китѣ рыбѣ,
Яко по мосту, яко по суху

335. Понеси свою родимую матушку,
Изъ тѣхъ изъ муки змѣиннѣ.»
А младый человѣкъ Ѳеодоръ Тиронъ
Переходитъ морѣ синѣе
Становится на крутомъ красномъ бережечкѣ
340. Самъ возговоритъ таково слово:
— Государыня моя родимая матушка
А что стоитъ моё похождение
Супротивъ твоего порожденія?
Его родимая матушка
345. Горючимъ слезамъ заливалася
Сама говорила таково слово:
«Ой горе, чадо милое!»
А младый человѣкъ Ѳеодоръ Тиронъ,
Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ,
350. Какъ твое то похождение,
Наипаче моего порожденія.»
А младый человѣкъ Ѳеодоръ Тиронъ
Приходилъ ко граду Константину.
Какъ завидѣлъ его судырѣ батюшко
355. Еще царь Константинъ Сауиловичъ
Самъ возговорилъ таково слово:
Ужь вы гой есте князья-бояре,
Гости торговые,
Мужички почетные,
360. Христіане православные!
Еще кто почтитъ отца и мать свою
Надѣется Ѳеодору Тирону
На первой недѣлѣ поста Господни великаго
Тотъ избавленъ будетъ муки вѣчныя
365. Наслѣдникъ будетъ царства небеснаго.
Еще славенъ Богъ и прославленъ,
Велико имѣ Господне!

XV.

СТИХЪ О МИХАИЛѢ АРХАНГЕЛѢ.

1. Спустится на землю судья праведный,
Михайло Архангелъ, свѣтъ.
Со полками онъ съ Херувимами,

- Съ Херувимами и съ Серафимами,
Со всею онъ силою небесною
10. И со трубою онъ златокованой
И первый онъ разъ вострубитъ—
И души въ тѣлеса пойдуть:
Второй онъ разъ вострубитъ —
Отъ гробовъ мертвые встають;
15. Въ третій разъ вострубитъ
Всѣ на судъ Божій пойдуть.
И праведные идутъ по правую руку, а грѣшныя по лѣвую.
У праведныхъ лица хорошія,
На главахъ власы, какъ дунь свѣтлы;
20. А у грѣшныхъ лица все черныя
У грѣшныхъ волосы словно стрѣлы стоятъ.
Праведные идутъ все стихи поють
Херувимскіе и серафимскіе:
Величаютъ Христа, Царя небснаго,
25. Пресвятую они Матерь Богородицу
Величаютъ они Михайла Архангела:
„Не возможно ли, батюшко, Михайло Архангелъ, помиловать?“
Отвѣчаетъ Михайло Архангелъ, свѣтъ имъ чудотворецъ:
„Проходите рабы крещенные, души вѣрныя
30. „Уготовали вы царство небесное“.
А грѣшныя идутъ сильно плачуть,
Плачуть они да и рыдають,
Ко Михайлу Архангелу причитають:
„Не возможно ли насъ, батюшко, Михайло Архангелъ, помиловать?
35. „И дайте намъ годы урочныя,
„Столько годовъ, сколько въ морѣ песку.“
Отвѣчаетъ Михайло Архангелъ свѣтъ имъ чудотворецъ:
„Отойдите злыя, окаянныя!
„Бѣлый свѣтъ вамъ на волю данъ былъ,
40. „Сами вы себѣ мѣсто уготовали,
„Мѣсто, муку вѣчную и тьму вѣчную.“
Рече Михайло Архангелъ, чудотворецъ :
„Ангели, вы мои Архангели,
„Берите прутья желѣзные
45. „Гоните вы злыхъ окаянныхъ,
„Гоните ихъ въ рѣку огненну
„Засыпьте ихъ пескомъ и хрущобою

- „Завалите доскою чугуною
„Не чужь бы я отъ нихъ ни пилу, ни вереску,
50. „Ни зубнаго бы отъ нихъ скрежетанія.“
Они идутъ да слезно плачутъ, отцу матери причитають:
Ко сырой землѣ припадають:
„Почто вы насъ отцы-матери породили,
„Краше бы насъ на родинахъ растоптали,
55. „Ко страху Божьему вы насъ не учили.“

Сообщено А. Григорьевымъ.

XVI.

СТИХЪ О ПЯТНИЦѢ.

1. Во славномъ городѣ въ Ерусалимѣ
На той горѣ на Вертепѣ,
Стояла святая пустыня,
Въ этой пустынѣ жилъ святой пустынникъ Василій
И молился онъ Господу Богу,
5 Жёстко онъ молился со слезами
Умолилъ онъ себѣ царство небесное.
Во снѣ ему Пятница явилась:
Крестомъ его оградила,
Свѣчею его освѣтила
Словесно ему говорила:
10. „Стань же ты, стань, рабъ Божій пробудися,
„Поди же на святую на Россію
„Разсказывай людямъ православнымъ,
„Чтобы другъ друга люди возлюбили,
„Братъ братомъ называли,
15. „Отцей матерей почитали,
.....
.....
.....
.....
.....
20. „Ай вы мужи и жены честныя!
„Середы, да пятницы почитите,
„Въ воскресные дни Богу молитесь,
„Дѣтей своихъ не провлиняйте,

25. „Жидами не называйте:
„Жида у Христа провлятые:
„Жида Христа провлянали,
„Святую одежду Его раздирали;
„Копьемъ святое тѣло протынали
30. „Святую Христову кровь проливали,
„На крестъ Христа распинали,
„Гвоздями руки, ноги приволали,
„Обручи желѣзные набивали,
„Во землю его зарывали.
35. Изъ мертвыхъ Христось воскресе,
„Изъ гроба Христось да возставши—
„Весь мѣръ православный взрадовался:
„Слава Тебѣ Христе Боже да на небеси!“

ПѢСНИ ИСТОРИЧЕСКІЯ И СОЛДАТСКІЯ.

І.

Жиль-быль князь Романъ Митріевичъ,
Съ женой спалъ и ей прищавилось ночью,
Что у ней перстень снятъ съ правой руки,
Съ правова перстечка, съ мезѣночка,
И рассыпался на мелкія зѣрnochка;
Она всё собрала, одного не могла отыскать.
Даемъ мы знать по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
Чтобы твой сонъ разсудили,
Чтобы твой сонъ рассказали.
„Я свой сонъ сама разсужу,
Я свой сонъ сама расскажу:
Прибѣгутъ ко мнѣ изъ-за моря,
Три червленыхъ, три корабля,
Увезутъ меня, Марью, за сине море,
За сине-море, за соленое,
Къ тому Мануилу сынъ Ягайлову“.
Онъ не слушалъ тѣхъ рѣчей,

Онъ ушелъ скорѣй въ тихи мелки заводи
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ, сѣрыхъ уточекъ.
Она сѣла къ окошечку косивчиту (косляцату?)
И глядитъ: бѣжать изъ-за моря,
Изъ-за моря, изъ-за синя
Три черныхъ, три корабля,
Приворачиваютъ къ нимъ въ гавань корабельную
И видитъ Марья — увезутъ меня
За сини моря, за соленныя:
Она запираетъ окошечко ковшивчето,
Пошла по палатѣ бѣлокаменной,
Изъ бѣлыхъ палатъ на новы сѣни,
Съ новыхъ сѣней на красно крыльцо,
Съ краснаго крылечка на дубовый мостъ,
Съ дубоваго моста на тропиночку.
По тропиночкѣ Марья въ чисто поле,
И засѣла подъ яблонь кудреватую,
И прибѣгали три кораблика, три черныхъ
Прямо въ гавань корабельную,
Подбирали парусы полотняны,
И металъ якори булатные,
И выпускали шеенки (*) шелковыя,
И спускали на воду шлюпку легкую,
И сядились въ шлюпочку, пріѣхали
Прямо въ гавань корабельную.
И шли въ палаты бѣлокаменны
И искали Марью — не могутъ найти!
Одинъ былъ воръ, поваренный дѣтнушка,
Не искомъ ищеть — слѣдочки выправливаетъ,
Выправливаетъ, да вырѣзываетъ
По тропиночкѣ Марьи слѣдочки выправливаетъ,
Дѣтнушка поваренный вырѣзываетъ,
И нашелъ ее подъ яблонью кудреватую.
“— Ты ли есть Марья Юрьевна?”
„Я не Марья Юрьевна,
Я Марьяна служаночка“.

(*) Шарпки, лѣсенки.

„Скажи, ты ли есть Марья Юрьевна?“
„Я есть Марья Юрьевна, лебядь бѣлая“,
Онъ и бралъ ее за ручки бѣлыя,
И за тѣ ли перстни злаченныя
И увозилъ на червленомъ на кораблѣ
За сине-море, за соленое.
И пришелъ дѣтинушка поваренный
Къ Мануилу сыну Ягайлову;
Онъ встрѣчаетъ его съ честью, съ радостью,
Онъ бралъ Марью за руки за бѣлыя,
За тѣ ли перстни злаченныя,
Онъ хотеть цаловать ее въ сахарны уста.
Говорить ему Марья Юрьевна:
„У насъ до трехъ годовъ не цалуются, не обнимаются“.
И ушелъ Мануйло Ягайловичъ на тихи-мелки заводи
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ уточекъ;
Пойдучи матери наказываль:
„Дай ей нянюшекъ, служаночекъ,
Ежели она закручинится“.
Она сидѣла у окошечка косивчата,
Глядѣла въ околенку стекольчату.
Вотъ мать его идетъ спрашиваетъ:
„Чего ты сидишь у окошечка у кошивчата,
Чего плачешь, уливаешься?“
„Сегодня у меня, на Руси, великъ праздникъ,
Великъ праздникъ—Свѣтло Христова Воскресеніе;
Гуляютъ жены христіанскія,
Купеческія, министерскія, крестьянскія,
И послѣднія жены солдатскія,
И голи кабацкія;
А я сижу у окошечка,
Проливаю свои слезы горючія“.
Мать дала ей няничекъ, служаночекъ въ сады гулять
И дала напитоковъ всякихъ разныхъ,
И дала козла любимова Моналинова;
Она напоила нянекъ до пьяна,
Что няньки лежатъ сами бѣзъ себя.
Вотъ она взяла козла зарѣзала,
Пришла Марья на гору высокую,

Скидала свое платье цвѣтное,
Надѣвала на лѣсиночку,
И пошла съ горы,
Ей на встрѣчу быстра рѣка.
И быстра рѣка идетъ,
Что громъ гремитъ,
И взмолилась Марья быстрой рѣкѣ:
„Ой же ты, мать, Дарья-рѣка!
Сдѣлайся по женскимъ перебродищамъ,
Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе,
Пропустите меня Марью Юрьевну!“
И рѣка Марью послушалась:
Сдѣлалась по женскимъ перебродищамъ;
Перебрѣла она черезъ быстру рѣку,
Пошла она впередъ попадать
И пришла ей больше того рѣка.
Она видитъ, что перейти нельзя;
Смотритъ, плаваетъ на другой сторонѣ колода бѣлодубова,
И взмолилась Марья той колодѣ бѣлодубовой:
„Ой же ты, колода бѣлодубова!
Перевези меня черезъ быстру рѣку,
А выйду на Святую Русь,
Вырѣжу тебя на мелкіе кресты,
На чудны образы
И вызолочу червоннымъ краснымъ золотомъ“.
И колода ее послушалась:
Перевезла ее черезъ быстру рѣку.
И пришла Марья Юрьевна
Къ Роману Митріевичу,
Сама взговоритъ таковы рѣчи:
„Ой еси, ты Романъ, князь Митріевичь!
Вывеземъ мы колоду бѣлодубову
На святую Русь,
Вырѣжемъ на мелкіе кресты
И на чудны образы,
И вызолотимъ червоннымъ краснымъ золотомъ“.
И вывезли ту колоду бѣлодубову
На святую Русь
И vyrѣзали на мелкіе кресты,
И на чудны образы,

И вызолотили червоннымъ краснымъ золотомъ
И разослали по церквамъ.

Архангельская Губернія. Запис. С. В. Максимовъ.

II.

Романъ князь, Митріевичъ младъ,
Поѣзжалъ онъ въ чисто поле
Сбирать дани за тѣ годы, за старье;
И унимаетъ его княгиня Марья Юрьевна:
„Душенька, Романъ князь, сударь Митревичъ!
Ни уѣдь ты въ далеко чисто поле
Сбирать тѣ дани, сударь, пошщины:
Какъ ночесъ мнѣ, Марьѣ Юрьевнѣ,
Мало спалось, много видѣлось,
Много видѣлось, во снѣ грезилось:
Будто спалъ у меня, у Марьюшки, злаченъ перстень
Съ меньшова перста, съ мизѣночка,
И рассыпался на мелкія зѣрнотка, на мушенки.
Тутъ изъ далѣча, далѣча, изъ чиста поля
Прилетѣло стадо черныхъ вороновъ,
Расклевали мой, Марьюшенинъ злаченъ перстень.
Кто бы могъ мой сонъ теперь рѣсудить?“
Говоритъ князь Романъ, сударь Митріевичъ:
„Ты не плачь, княгиня Марья Юрьевна,
Юрьевна, ты лебедь бѣлая!
Я какъ съѣзжу въ далеко чисто поле,
Такъ съищу тамъ много знахарей,
Что могутъ тебѣ рѣсудить твой сонъ“.
Говоритъ княгиня, Марья Юрьевна:
„Ты, душенька, Романъ князь, сударь Митревичъ,
Не надо мнѣ твоихъ много знахарей,
Я могу этотъ сонъ сама весь рѣсудить:
Какъ ты уѣдешь въ далече чисто поле,
Такъ изъ той земли, изъ бусурманскія,
Наѣдутъ многи поганы татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ;
Увезутъ меня княгиню Марью Юрьевну“.

Ничего князь Романъ не побароваль (sic)
И уѣзжалъ въ дѣлече чисто поле.
Въ ту пору, въ то время
Пріѣзжали поганы татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ.
Тутъ княгиня въ побѣгъ пошла:
Выходила изъ висока нова терема
На новыя сѣни,
Съ новыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широка двора въ зеленый садъ,
Тамъ придыгнула яблонь кудреватую,
И садилась подъ яблонь кудреватую.

А тѣ поганы татарове
Выѣзжали на крутой красенъ бережокъ,
Приходили въ высокъ теремъ:
Тутъ ходитъ Марьяна протомойница;
Они тутъ взяли плеточки шелковыя,
Стали тутъ бить Марьяну протомойницу:
„Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?“
И говорила имъ Марьяна протомойница:
„Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
Я есть Марьяна протомойница“.
Они стали тутъ бить Марьяну влюшницу:
„Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?“
И говорила имъ Марьяна влюшница:
„Я есть не княгиня Марья Юрьевна.
Я есть Марьяна влюшница“.
И стали они Марью отыскивать:
Выходили они изъ висока нова терема
На новыя сѣни,
Со новыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широка двора во зеленый садъ,
Придыгнули тутъ яблонь кудреватую
И нашли княгиню Марью Юрьевну,
Стали Марьюшку допрашивать:
„Скажи: ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?“

„Нѣтъ, я не княгиня есть Марья Юрьевна,
Я есть Марьи́на постельница“.
Тутъ они брали плёточки шелковыя,
Стали ее бить, не жалѣючись,
И стали ее снова допрашивать:
„Скажи, скажи, не утай-скажи:
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?“
Тутъ она и сказалась имъ:
„Я есть княгиня Марья Юрьевна“.
Взяли они княгиню за бѣлы руки,
И вели на пристань корабельную,
И привезили къ Батышу на червленъ корабль;
Береть ее Батыша за бѣлы руки,
И цалуетъ княгиню въ сахарны уста,
Говоритъ княгиня Марья Юрьевна:
„Ой же ты, Батышь царь Батурьевичъ!
Не цалу́й ты меня въ сахарны уста,
Не скверни устовъ моихъ сахарныхъ,
Когда привезешь въ землю бусурманскую...“

1-го августа 1856 г., Калгалакша. 110 версть отъ Кеми,
на Бѣломъ Морѣ. Запис. С. В. Максимовъ. Дальшъ ствецъ ъ
не зналъ; а ссылался на второй вариантъ.

Ужь вы люди ли, вы люди стародавнiе!
Молодые молодцы да-воль послушати,
Еще я вамъ расскажу про царевнй про походъ,
Про грозна́ царя Ивана Васильевича:
Онъ подходомъ подходилъ подъ Казань городовъ,
А подкопы подкопалъ подъ Казанку подъ рѣку.
Что татары же по городу показивали,
Что грозна́ царя Ивана Васильевича поддразнивали.
Что и тутъ-то нашъ грозенъ царь прикручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову на правое плечо,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру-мать землю,
Онъ велѣлъ ли государь-царь пушкарей сзывать,
Пушкарей созывать зажига́льщичковъ,
Онъ велѣлъ сударь скоро казнить, скоро вѣшати.
Не успѣлъ молодой пушкарь слово вымолвить,
Воску яраго свѣча затеплилася

Что и съ порохомъ бочка загорѣлася,
Что побило татаръ сорокъ тысячей и три тысячи.

Москва. Пѣль цыганъ Антонъ Сергѣевъ.
Записано А. Григорьевымъ.

СВАДЬБА ГРОЗНАГО.

Приутихло-приуныло море синее,
Глядучись-смотрячись со черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ карабельныхъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныхъ
И на тѣ на круты красны бережки.
Приутихли-приуныли круты красны бережки,
Глядучись-смотрячись съ черныхъ кораблей
И со тѣхъ марсовъ карабельныхъ
И со тѣхъ трубочекъ подзорныхъ
И на тѣ на горы высокія
И на тѣ на поля зеленія
Приутихли-приуныли поля зеленія.
Глядучись-смотрячись на государевъ дворъ
Преставляется царица благовѣрная
Молодая Софья дочь Романовна;
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млада двѣ царевны,
Супротивъ стоитъ самъ Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Говоритъ царица таковы рѣчи:
„Ужь ты слушай царь, послушай-ко,
„Что я тебѣ царица повыскажу
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До своихъ до младыхъ двухъ царевичевъ,
„Когда будутъ они во полномъ умѣ
„И во твердомъ будутъ разумѣ,
„Тогда будетъ оборона отъ новыхъ земель.
„Еще слушай царь, ты послушай-ко:
„Когда будутъ дѣвицы во полномъ умѣ,
„Во полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
„Ты тогда отдавай дѣвицъ за мужъ.
„Еще слушай царь, ты послушай-ко:

„Что я тебѣ царица повыскажу:
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ до князей, до думныхъ бояръ
И до того ты до дяюшки любимаго
И до своего ты до крестнаго батюшки
До того Богдана Сирскаго:
И тутъ твоя дума крѣпкая!
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ солдатшекъ служащихъ:
И тутъ твоя сила вѣрная!
Еще слушай царь, ты послушай-ко:
И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До всего народу православнаго;
Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
Что я тебѣ царица принаважу,
Принаважу и повыскажу:
Когда я царица преставлюся,
Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ
На той ли Марьѣ Темрюковнѣ,
А женись ты, царь, въ Каменной Москвѣ,
На той Сунавѣ Татарскіѣ
Хоша есть у ней много приданаго
Пановой, улановой и злыхъ поганыхъ татаровой,
Есть у ней брателко родимое
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ.
И тутъ царица просыпалась.
Тутъ царицѣ славу доють.
Прошло времени три мѣсяца.
Похотѣлъ сударь Грозенъ царь
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
И покатылся онъ во ту ли матушку прокляту Литву.
Покатылся и женитися
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Онъ не слушалъ своего крестнаго батюшки
И того Богдана Сирскаго.
Приѣзжалъ онъ скоро въ прокляту Литву
И бралъ онъ Марью Темрюковну
И со тѣмъ со брателкомъ родимымъ
Кострюкомъ Темрюковичемъ.

Отправлялся онъ изъ пролѣтой Литвы,
Не дошедъ онъ матушки каменной Москвы
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныхъ.
За сто верстъ становилъ онъ свою силу-армію
И сходилъ онъ скоро со добра коня,
И бралъ онъ чернильницу вѣльянскую,
И бралъ перо лебединое,
И бралъ бумагу листъ гербовыя
И писалъ онъ скоро посолень листъ
И посолень листъ на золотъ столъ
Своему дядюшкѣ любезному
И крестному батюшку Богдану Сирскому:
„Дядюшка Богданъ ты мой Сирскій!
Стрѣнь ты меня съ честью и съ радостью
И со тѣмъ пѣтьемъ божьимъ церковнымъ
И со тѣмъ со звономъ колокольнымъ,
Со той пальбой пушечной.
Отравлялся его скорой гонецъ,
Скорой гонецъ и скорой посоль,
Не стрѣтилъ его дядюшка любимой
За сто верстъ,
Не дошедъ онъ матушки каменной Москвы
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныхъ;
За двадцать за пять становилъ онъ свою силу-армію
Отправлялъ скоро гонца
Скора гонца и скоро посла,
Чтобъ чистить улицы широкія,
Исправить фатеры дворянскія,
Гдѣ стоятъ моей силъ-армін.
И приваливалъ онъ во матушку каменную Москву
И не стрѣтилъ его любезной дядюшка
И тотъ Богданъ Сирскій
Не съ пѣтьемъ божьимъ церковнымъ
И не съ тѣмъ звономъ колокольнымъ,
Не съ той пальбой пушечной.
Заѣзжалъ сударь Грозень царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
И во ту церковь Божію
Принималъ златы вѣнцы
И со той Марьей Темрюковной.

На той на радости великія
Заводилъ онъ почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей на думныхъ бояръ,
На сильныхъ могучихъ богатырей.
Солнышко идетъ къ западу
И къ западу идетъ во забату,
А почестенъ пиръ на весело
И всѣ въ пиру пьяны-веселы.
Говоритъ ему шуринъ любимой
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ:
„Ай ты мой затюшко любезный!
Грозенъ ты царь Иванъ Васильевичъ
Есть ли у васъ въ каменной Москвѣ
Борцы-молодцы приученные,
Кабы мнѣ съ ними поборотися.
Требоваль сударь Грозенъ царь,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ!
Борцей-молодцей не случилося,
Только случился Васенька хромоногенькой:
На лѣву онъ ножку припадываетъ
По двору прихрамываетъ
И во двору государеву придвигается
И входитъ въ палаты царскія.
И говоритъ Кострюкъ сынъ Темрюковичъ
Своему зятелку любезному:
„Чортъ у васъ не борцы-молодцы
„И не приученные.
Говоритъ Вася Хромоногенькой
Ай же ты сударь-таки Грозенъ царь!
Ежели Богъ пособить, Никола поможетъ
Кострюка побороть,
Изъ платья вонъ его вылушить
И по двору его нага спустить.
Говоритъ сударь Грозенъ царь
И грозенъ царь Иванъ Васильевичъ:
Ежели бы тебѣ Богъ помогъ
И Никола пособилъ Кострюка побороть
Изъ платья вонъ его вылушить
И по двору нага спустить —
Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья.

На лѣвую ножку онъ Вася припадывалъ,
А правой ножкой подхватывалъ
И металлъ Кострюка о кирпичной полѣ,
На брюхѣ его кожа трѣснула,
На хребтѣ его кожа лопнула.
Изъ платья онъ его ногой вылушилъ
Не Кострюкъ былъ Темрюковичъ
Да и не брателко-то ей былъ родимое :
Была поляница удалая.
Бралъ царь свою Марью Темрюковну
И вель онъ въ далече чисто поле,
Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце
Тутъ ей и славу поютъ.
Тогда слушалъ онъ своего дядюшку любезнаго
И Богдана того Сирскаго
И женился онъ въ каменной Москвѣ
Въ каменной Москвѣ, на святой Руси.

Арханг. Губ. зап. С. В. Максимовъ.

СВАДЬБА ГРОЗНАГО

(НАЧАЛО ТО ЖЕ).

.....
Преставляется царица благовѣрная
Молодая Софья дочь Романовна.
При смерти она наказываетъ
Наказываетъ и доспрашиваетъ :
Грозный царь Иванъ Висильевичъ !
Будешь ли послѣ меня жениться
Али ты надѣжа-царь будешь холостъ ходить ,
Холостъ ходить, не женатой слыть.
Говорить грозный царь Иванъ Васильевичъ :
Я не буду послѣ тебя жениться
Надѣжа-царь буду холостъ ходить
Холостъ ходить, неженатой слыть.
Говорить царица благовѣрная :
Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ !
Не мани меня, не оманывай

Будешь послѣ меня жениться
Во той ли матушкѣ проклятой Литвѣ,
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Принесетъ она рубашки красна золота,
Не могли надѣть на двухъ ясныхъ соколовъ,
Надѣнь на двухъ псовъ ядовитыхъ —
Увидишь тутъ чудо великое:
Затѣмъ будь добръ да милостивъ
До тѣхъ до двухъ ясныхъ соколовъ, до царевичей
Будь ты добръ, будь ты милостивъ
До тѣхъ до слуговъ вѣрныхъ,
До того народу христіанскаго.
Затѣмъ представилась царица благовѣрная
Молодая Софья дочь Романовна.
Затѣмъ женился царь въ проклятой Литвѣ
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Принесла она рубашки пасынкамъ красна золота
Надѣли какъ на псовъ ядовитыхъ—
Тѣхъ псовъ разорвало.
Затѣмъ сталъ грозенъ царь
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ
Сталъ его дядька спрашивать:

„Зачѣмъ исхудаль? — „Не могу поляницей удалой владѣть: руку
ногу закинетъ на меня жена—не могу духу перевести.

.....
.....
(Тутъ старуха спуталась и не хотѣла продолжать дальше. „Стыдно-
де, нехорошее такое поется“. Такъ и не добился!...)

Максимовъ Арх. Губ.

О ИВАНѢ ГРОЗНОМЪ.

Прикажи Господи намъ старину сказать,
Старину сказать да стародавнюю,
Стародавнюю старинушку бывалую:
Про того царя Ивана да Васильевича,
У того царя Ивана да Васильевича
Заводилася бесѣда тиха, смирная,

Собиралися князи, бояре да со всѣхъ сторонѣ
Князи бояре да вся поляница удаляя.
Они пьютъ-то да хлѣба кушаютъ,
Во полу-пирѣ, да хлѣба рушаютъ,
Во полу-пирѣ да прирасхвастались,
Иной хвастаетъ: да кони добрые,
Другой хвастаетъ да золотой казной,
Третій хвастаетъ да молодой женой.
А грозенъ царь Иванъ Васильевичъ по палатушкѣ похаживаетъ,
„Ужь вы гой еси князи и бояре,
„Ужь вы хвастаете небылью, небылицю,
„Чѣмъ же я добрый молодець похвастаю?
„Я похвастаю, да я измѣною:
„Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Кіева.
„Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Нова-города,
„Ужь я выведу измѣнушку изъ матушки каменной Москвы!“
Тѣ князья бояре да ему рѣчь говорятъ:
„Ужь не вывести тебѣ измѣнушки изъ Кіева,
„И не вывести измѣнушки изъ Нова-города
„Да изъ матушки, да каменной Москвы,
„А тотъ выведеть ту измѣнушку,
„Кто за однимъ съ тобой за столомъ сидитъ да хлѣба кушаетъ,
„Милой сынъ твой Федоръ Ивановичъ“.
На то грозенъ царь Иванъ Васильевичъ осержается
И восходитъ онъ да на Красно-крыльцо
И кричитъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ:
Своимъ пилатамъ, да немилостивымъ;
И тѣ пилатушки да испужалися
По каменной Москвѣ да разбѣжались,
Одинъ Малюта Скуратовъ да не утратился.
Онъ бѣжитъ къ нему скоро на очи,
Прибѣжавъ къ нему низко кланялся:
„Ужь ты грозенъ царь Иванъ Васильевичъ,
„На что ты горы-гаргаешь, на что меня князь-впякаешь?
„Ужь ты гой еси Малюта Скуратинокъ,
„Возьми моего сына милаго за бѣлы руки его,
„За бѣлы руки, за златы перстни
„И поведи его на то поле на Куликово
„Ко той ямѣ да кровавья,
„Къ той доскѣ да къ дубовья,

„Изъ мелкаго оружія не утихается.
„Ужь ты гой еси грозень царь Иванъ Васильевичъ
„Есть въ гостяхъ небывалой гость
„Небывалой гость Ѳедоръ Ивановичъ!“
„Гой ты еси мой любезный шуринъ Никита Варламовичъ!
„Обратилъ ты мое да ретиво сердце
„Взвеселилъ мою буйну голову,
„Воротилъ ты мнѣ мою жемчюжину“.
И пошелъ у нихъ ширъ да по веселому,
Въ барабаны били да все по старому
Изъ пушекъ палатъ да все по прежнему,
Изъ мелкаго оружія не утихаются.

Сообщено А. Григорьевымъ.

Грозень былъ воинъ царь нашъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ,
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ силою
Онъ прошелъ въ страну татарскую
Сѣе царство взялъ Казанское
Господарство Астраханское,
Вывелъ Перьфила изъ Нова-города,
Не вывелъ измѣну въ Каменной Москвѣ
То царьско серъче разгоралося.
Пусче огня, пусче полъмя.

Вотъ сказалъ онъ рѣчью громкою:
У меня дзе-есть всяки мастера,
Есть такія разны дохтуры,
Но всѣ прячутся, старый за малаго,
И хоронюся — малый за стараго,
А одинъ изъ нихъ лишь не прятчется,
То Малютка-палачъ, то Гурбатовъ сынъ,
Ну поиди-ко сюда, гой Гурбатовъ сынъ!
Сослужи-ка небось службу вѣрную,
Службу вѣрную неизмѣнную:
Во палаты ступай въ царски каменны,
Взявъ царевича тамъ за черны кудри,
Разпоясни съ него шелковый поясъ,
Золотой перстепекъ сними со правой руки,
Отведзи самого на Москву рѣку,

Впрямъ на мѣсто на то,—мѣсто лобное,
И на плаху на ту, что на липову
И сними тамъ съ него буйну голову,
А мнѣ къ явѣ подай саблю острую,
Саблю вострую въ горячей его рудзѣ.
И увидѣлъ то Ѳедоръ Ивановичъ,
Ѳодоръ Ивановичъ, Пожарской сынъ;
Изъ косясчита изъ окошечка,
Пропустивши царя вдоль по улицѣ
Вдоль по улицѣ, вдаль отъ терема
Какъ воскликнетъ онъ ко Гурбатову:
Ой ты гой еши! Гурбатовъ — палачъ!
Не за свой ты кусъ принимаешся,
Самъ кусомъ такимъ подавшися.
И Пожарской позвалъ слугу вѣрнаго
Слугу вѣрнаго, свово стряпчаго,
Свово стряпчаго, что не лудчева,
Что не лудчава, свово клюшничка:
На, сними (?) онъ пробилъ съ него голову,
Снеси саблю къ царю, — въ горячей рудзѣ.
А къ царевичу не причаствуйся.
Вотъ на утро царь Иванъ Васильевичъ
На поминки собралъ, поголовно народъ.
Онъ бояръ повелѣлъ во медвѣжны вшивать
Во медвѣжны вшивать, по Москвѣ-рѣкѣ пусчать
А поповъ приказалъ во гули зашивать,
Во гули зашивать, по Москвѣ-рѣкѣ пусчать
Что царевича, не засчюняли.
Вотъ съѣзжаются всѣ во плати чернаимъ
Въ плати чернаимъ, — во печальнаимъ,
А ѣдетъ лишъ Ѳедоръ Ивановичъ
Ѳедоръ Ивановичъ, — Пожарской сынъ
Пожарской сынъ, во нарядзѣ цвѣтномъ
Во нарядзѣ цвѣтномъ, — въ яркомъ золотѣ,
И кони его всѣ обряжены,
Всѣ обряжены что не лудчія
А веселье въ самомъ, — тагъ не кроится.
Вотъ увидѣлъ его царь Иванъ Васильевичъ.
Какъ воскликнетъ онъ громкимъ голосомъ
Охъ ты гой еши Ѳедоръ Ивановичъ

Федоръ Ивановичъ — Пожарской сынъ!
Аль объ горѣ моемъ ты не извѣдался,
Что орядитца поспѣлъ, словно въ радостный пиръ.
А пожарской сынъ отвѣчаетъ царю:
А я батюшка царь, — все въ отлучкѣ гулялъ,
Все въ отлучкѣ гулялъ за охотою
И поймалъ сокола, что не лудчава,
Что не лудчава тсез ближняява,
Ты сына тсез роднаго.
И возрадовался царь, и отвѣтствовалъ ему:
Ужь ты гой еши Федоръ Ивановичъ
Федоръ Ивановичъ — Пожарской сынъ
Вѣдь не мнѣ бы царемъ, а тсез должно быть:
Ты умѣлъ соблюсти царски сѣмены.

Княгининскаго Уѣзда, с. Спѣшнева. Доставили.

ТАТАРСКИЙ ПОЛОНЪ.

Какъ за рѣчкою,
Да за Дарьею
Злы татарове
Дуванъ дуванили.
На дуваньницѣ
Доставалася,
Доставалася
Тѣща зятю.
Вотъ повезъ тѣщу зять
Во дикую степь,
Во дикую степь
Къ молодой женѣ.
„Ну и вотъ, жена,
„Тѣ работница,
„Съ Руси русская
„Полоняночка.
„Ты заставь ее
„Три дѣль дѣлати.
„Первѣе дѣло —
„Куделю прять,

„Другое дѣло —
„Лебедей стережь,
„А и третье дѣло —
„Дитю качать“ . —
Полоняночка
Съ Руси русская
(О)на глазами
Лебедей стережетъ ,
А ручками
Кудель прядеть,
А ножками
Колыбель колыхать.
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ :
„Ты баю, баю,
„Боярскій сынъ!
„Ты по батюшѣ
„Золь татарченокъ,
„А по матушкѣ
„Ты русеночекъ,
„А по роду мнѣ
„Ты внученокъ ,
„И моихъ черевъ
„Ты урывочекъ.
„Вѣдь твоя-то мать
„Мнѣ родная дочь,
„Семи лѣтъ она
„Во полонъ взята,
„На правой груди въ ней
„Есть и родинка,
„На лѣвой ногѣ
„Нѣтъ мизинчика!
„Мнѣ бить тебя —
„Такъ грѣхъ будетъ ;
„Мнѣ дитей назвать —
„Мнѣ вѣра не та ! „
Услыхали то
Дѣвки сѣнныя,
Прибѣжали онѣ
Къ своей барынѣ

„Государыня
„Наша барыня“.
Полоняночка
Съ Руси русская
(О)на глазами
Лебедей стережетъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колыхать.
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ:
„Ты баю, баю,
„Боярскій сынъ!
„Ты по батюшкѣ
„Золь татарченокъ,
„А по матушкѣ
„Ты русеночекъ,
„А по роду мнѣ
„Ты внученокъ,
„И моихъ черевъ
„Ты урывочекъ.
„Вѣдь твоя-то мать
„Мнѣ родная дочь,
„Семи лѣтъ она
„Во полонъ взята,
„На правой груди въ ней
„Есть и родинка,
„На лѣвдой ногѣ
„Нѣтъ мизинчика!
„Мнѣ бить тебя,
„Такъ грѣхъ будетъ;
„Мнѣ дитей назвать,
„Мнѣ вѣра не та!“

Что стучить, грючить,
По снѣжамъ бѣжить,
По снѣжамъ бѣжить
И дрожа дрожить.
Дочка къ матери

Повалилася,
Повалилася
Во рѣзвы ноги :
„Государыня
„Моя матушка !
„Не спознала тебя ,
„Моя родная !
„Ты бери ключи ,
„Ключи зѣлоты,
„Отшпрай ларцы ,
„Ларцы кованы ,
„Ты бери казны
„Сколько надобно;
„Ты ступай-ко мать,
„Во конюшенку ,
„Ты бери коня
„Что не лучшаго (*),
„Ты бѣги, бѣги, мать,
„На святую Русь“.
— Не поѣду я °
На святую Русь,
Я съ тобой, дитя,
Не разстануся.

N*

Охъ ты поле мое, поле чистое!
Ты раздольицѣ широкое !
Ты крапива стрекучая !
Какъ гулялъ тутъ добрый молодецъ,

(*) Въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ вариантовъ, вмѣсто этихъ двухъ стиховъ поютъ :

Ты бери-ко, мать,
Укрючныхъ коней.

Извѣстно, что укрючными называются запасныя лошади: когда одна лошадь устанетъ, пересаживаются на укрючную. Этой пѣсни очень-много вариантовъ; въ нѣкоторыхъ пропущены однѣ подробности, въ другихъ другія; но стихи, въ которыхъ говорится про тяжелую работу матери, что она въ одно время три дѣла дѣлала, рѣшительно во всѣхъ упоминается такъ же, какъ и слова дочери, узнавшей въ полоняночкѣ свою дочь.

Что гулялъ онъ тутъ ровно тридцать лѣтъ ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года ;
Загулялъ онъ въ королю въ Литву.
Король его любилъ, жаловалъ,
Плѣтно платьице носили съ одного плеча,
На коняхъ они ѣздили съ одного стремя.
Ужь и сталъ молодецъ упиватися,
Во хмѣлю онъ сталъ похвалятися:
Какъ и нынѣшнюю ночку, добрый молодецъ,
Я спалъ, ночевалъ у царя въ гостяхъ, —
У царя въ гостяхъ, во високомъ терему,
Во високомъ терему съ красной дѣвицей;
Я ли спалъ, цаловалъ красну дѣвицу,
Распрекрасную Елену Королевишну...
Ужь какъ были на молодца доносчики,
Донесли они королю на молодца.
А король-то велѣлъ молодца пожаловать:
На высокихъ ремешкахъ повѣсити.
Повѣли молодца впереди дворца,
А царевна кричитъ: не ведите молодца впереди дворца,
Поведите молодца позади дворца...
Добрый молодецъ на петелькѣ качается,
Красна дѣвица во теремѣ кончается.

Сообщено А. Григорьевымъ.

ПѢСНЯ ПРО ОСАДУ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

На Москвѣ было на базарѣ;
Собиралися бояре ;
Выбирали бояре
Изъ бояръ воеводу,
Выбирали Ивана Петрова ,
Изъ того ли изъ роду Салтыкова (*),
Передъ царскія очи становили.
Какъ возгворить православный царь,
Алексѣй-то Михайловичъ ,
Его царское величество :

(*) Салтыковъ ли былъ при осадѣ Соловецкаго Монастыря?

„Охъ ты гой еси, большой бояринъ,
„Ты любимый мой воеводушка!
„Ты ступай-ко, ко морю ко синему —
„Ко тому острову ко большому,
„Ко тому монастырю ко честному,
„Къ Соловецкому;
„Ты порушь вѣру старую, правую,
„Поставь вѣру новую, неправую“.
Какъ возговоритъ большой бояринъ,
Любимый царскій воеводушка:
„Охъ ты гой еси православный царь,
„Алексѣй Михайловичъ,
„Твое царское величество!
„Нельзя объ томъ и подумати,
„Нельзя объ томъ и помyslити:
„Какъ порушить вѣру старую, правую,
„Какъ поставить вѣру новую, неправую!“
Царь разолился,
Царь распалился,
Воевода прогрѣшилъ.
Какъ возговоритъ большой бояринъ,
Любимый царской воеводушка:
„Охъ ты гой еси православный царь,
„Алексѣй Михайловичъ,
„Твое царское величество!
„Ужь и дай мнѣ силу не малую не великую:
„Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,
„Сорокъ пушекъ, да все мѣдныхъ:
„Зелья, пороху сколько надобно“.
Какъ и было въ самый лѣтъ Петровъ-то день
Какъ на синемъ было морюшкѣ,
На большомъ было на островѣ,
Во честномъ монастырѣ было,
Отошла честна заутреня
Пономарь звонилъ къ обѣденкѣ.
Честны старцы пѣли молебны
Какъ бѣжитъ пономарь,
Неразумный звонарь:
„Охъ вы гой еси честны старцы!
„Какъ идетъ сила немалая, невеликая,

„Сорокъ полковъ да все тысячныхъ,
„Сорокъ пушекъ да все мѣдныхъ,
„Зелья, пороху сколько надобно, ●
„Да все войско православное,
„Не то идутъ они ратиться,
„Не то идутъ они молиться“.
— Охъ ты глушой звонарь,
Неразумный пономарь!
Да то войско православное
Не идетъ оно ратиться,
Идетъ оно молиться!
На ту пору пушкари были догадливы:
Брали ядрушко калѣное,
Забивали во пушечку мѣдную,
Палили во тотъ во честной монастырь,
Во Соловецкій.

Записано на Чугунокѣ 1858. Мартъ. Огъ орловскаго мѣщанина.

ПѢСНЯ ПРО ВАНЬКУ КЛЮШНИКА.

Въ Москвѣ было во городѣ, на Сѣиной было площади,
Тамъ стояли-то хоромы, хоромы высокіе,
Что и того ли то и князя, князя боярина.
Что и жилъ-то тамъ князь со своей княгиней,
Что и жилъ-то тамъ Ванюша, Ваня, князю клюшничикъ,
Молодой его княгини вѣрной полюбовничикъ.
Что и годъ живетъ Ванюша съ княжней, другой живетъ,
Вотъ на третій годъ-годочекъ самъ князь да довѣдался,
Что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣиной горьпиншой,
Вотъ выходитъ князь бояринъ на свой красенъ крылецъ,
Какъ возгаркнетъ князь, воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
Да и слуги, мои слуги, слуги мои вѣрные!
Вы идите, приведите вора Ваньку клюшника.
Какъ идетъ Ванюша-Ваня черезъ княжій дворъ,
Какъ на Ванюшкѣ рубашка вѣтромъ раздувается
Какъ у Ванюшки кудерцы кудри завиваются....
Какъ возговоритъ князь, воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ сынъ,
Ты съ которой поры-время живешь со княжней?“

— Что я знать того не знаю, вѣдать я не вѣдаю.—
Какъ и сталъ-то князь Ванюшу пытать, брѣшко спрашивать,
Не добился князь бояринъ *таей* правды истины.
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Ужь вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!
Вы берите-тко, берите заступы желѣзныя,
Ужь вы ройте-тко, копайте двѣ ямы глубокія,
Ужь вы ставьте-тко, ставьте два столба точонныя,
Перекладину кладите, слуги, вы кленовою.
Вы идите приведите вора Ваньку клюшника“.
Вотъ ведутъ, ведутъ Ванюшу Ваню черезъ княжій дворъ,
Какъ у Ванюшки-Ванюши руки-ноги скованы,
Руки-ноги въ Вани скованы, да все переломаны... (*)
Вотъ идетъ, идетъ Ванюша, Ванюшка шатается;
А и князь-то стоитъ, ухмыляется;
Молодая-то княгиня въ теремѣ слезами заливаается.
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Ты скажи, скажи Ванюша, скажи правду-истину“.
— Ужь позволъ, ты князь бояринъ, позволъ Вани пѣсню спѣть,
Что и пѣсню Вани, пѣсню, пѣсенку послѣднюю:
• Что и было, князь бояринъ, попыто-поѣдено,
Въ краснѣ было, бояринъ, въ хорошѣ положено.
На кроватухѣ тесовой *съ* насъ было положено,
Да за бѣля-то за груди *съ* насъ было похватаю .
Во уста-то во сахарны было подаловано,
Съ одного плеча было *съ* насъ поношено!... (**)
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя,
Ужь вы вѣшайте Ванюшу, вора Ваньку клюшника!“
Вотъ повѣсили Ванюшу, — Ванюшка качается...
Молодая-то княгиня въ теремѣ кончается...

(Орловской губ.)

(*) Въ другомъ вариантѣ еще стихъ: •
А сабѣянные сапожки кровью понаполнены.

(**) Въ другомъ вариантѣ еще стихъ:
Про твою ли, сударь, милость много было ругано.

Что на славной было улицѣ на Димитровкѣ,
Что у славнаго ли у князя, у боярина,
Побранилася кухарка съ младымъ ключничкомъ.
Ты не лайся, не бранися молодой ключничекъ,
Я пойду ли донесу князю-боярину...
Ужъ ты батюшко ты нашъ, ты бояринъ, князь,
Ничего же ты не знаешь, да не вѣдаешь,
Что живетъ-то твоя княгиня съ младымъ ключникомъ!
Что возговоритъ нашъ батюшка бояринъ-князь:
Ужъ какъ есть ли у меня да слуги вѣрные,
Вы подите приведите млада ключничка,
Вы поставьте млада ключника въ серединѣ двора,
Что подъ то ли подъ косящато окошечко,
Ужъ я стану младаго ключника доспрашивать.
Ты скажи, скажи младый ключничекъ, не утай грѣха,
Коли да правду ты мнѣ скажешь, я помилую,
А неправду ты мнѣ скажежъ, я подъ внуть, да подъ внуть отдамъ,
Что живетъ ли моя княгиня съ твоей милостью?
—Что живетъ ли твоя княгиня со мною да три, ахъ да три года.
Что возговоритъ нашъ батюшка, да бояринъ, ахъ да бояринъ-князь:
Ужъ какъ есть ли у меня скорые конюхи,
Ужъ вы ройте мнѣ ямки глубокія,
Вы поставьте два столба вы да два высокіе,
Перекладинку вы поставьте вы кленовую,
Ужъ вы петельку повѣсьте вы шелковую.
Молодой ключникъ на петелькѣ качается,
Молодой-то ли княгини жизнь кончается (*).

Записана А. Григорьевымъ отъ цыгана
Антоня Сергѣева.

Какъ на горкѣ, на горушкѣ,
Стоитъ новъ высокъ теремъ,
Стоитъ новъ высокъ теремъ,
Какъ во этомъ теремочкѣ
Живетъ онъ, бояринъ князь,
Не одинъ-то онъ живетъ князь бояринъ

(*) Или молодая ли княгиня на ножѣ кончается.

Съ молодой съ княгинею.
Какъ у этого ли князя
Жилъ-былъ Ванька-ключничекъ,
Молодой его княгини вѣрный полюбовничекъ;
Молодая его, душа княгиня,
Полюбила Ванюшку;
Она его не годъ любила,
Ой, да и не два года,
Какъ на третій годъ князь бояринъ,
Онъ только довѣдался,
Онъ дознался, только догадался
Черезъ красную дѣвушку;
Какъ и выходилъ князь бояринъ
На свое красно крыльцо,
Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
„Слуги мои вѣрные,
Вы подите, ко мнѣ приведите
Охъ да ворона коня,
Охъ, приведите ко мнѣ воронова
Съ черкасскими повыми сѣдлами;
Да подите, ко мнѣ приведите
Ивана ключничка,
Ужь я его подарю ли,
Охъ да воронимъ конемъ,
Воронимъ его конемъ ли
Съ черкасскими сѣдлами“.
Какъ идетъ, идетъ Ванюша,
Ваня усмѣхается;
Молодая его, душа княгиня,
Слезьми обливается.
Какъ и сталъ онъ, князь бояринъ,
Ванюшку допрашивать:
„Ты скажи мнѣ, скажи, Ванюша,
Съ какихъ поръ съ княгинею живешь?“
„Я не годъ съ нею, сударь, живу ли,
Охъ да не два года“.
Какъ и вышелъ князь бояринъ,
На свое красно крыльцо,
Вскрикнулъ готкимъ своимъ голосочкомъ:
„Слуги мои вѣрные,

Вы подите, мои слуги,
Во кузницу новую,
Вы возьмите, мои слуги,
Лопатки острые,
Вы поройте мои слуги,
Двѣ ямы глубокіе,
А во ямы-то поставьте
Столбики точенныя
На столбахъ на тѣхъ положьте
Матицу кленовую,
На матицу повѣсьте мотки шелковые,
А на этихъ на моткахъ повѣсьте
Иванушку ключничка".
Какъ идетъ, идетъ Ванюша,
Ваня спотыкается.
Молодая его княгиня
Слезьми обливается
Охъ висить, висить Ванюша,
Ванюша качается.

КОПАНІЕ КОनावовъ.

Завела дѣвка шинокъ
Супротивъ своихъ воротъ;
Сама вышла на лужокъ
Заиграла во рожокъ,
Подала дружку слушокъ
Черезъ зелененькій содокъ
Черезъ темненькій лѣсокъ
Ко Ванюшки на лужокъ.
У насъ по морю морю
Два кораблика плывутъ
Какъ на этихъ корабляхъ
По пятисотъ молодцовъ
Государевыхъ гребцовъ.
Они косятъ и гребутъ
Во стога сѣнцо кладутъ,
Браву пѣсенку поютъ;
Разговоры говорятъ

Все хозяйна бранять: — /
Ты разсукинъ сынъ хозяйнъ
Разваналья сукинъ сынъ —
Здѣсь конаушки порыгъ.

Изъ кремля ли, кремля, крѣпкаго города,
Отъ дворца ли, дворца государева,
Что до самой красной площади,
Пролегала тутъ широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженькѣ
Какъ ведутъ тутъ казнить добраго молодца,
Добраго молодца — большаго боярпна,
Что большаго боярпна — атамана стрѣлцаго,
За измѣну противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли молодець не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается;
Что и тутъ онъ царю не покоряется.
Впереди-то идетъ грозенъ палачъ,
Въ рукахъ несетъ остеръ топоръ;
Позади пять — отецъ съ матерію,
Отець съ матерію — молодая жена...
Отець-мать во слезахъ слово молвили:
Ты дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Царю бѣлому Петру Первому,
Принеси ты головушку повинную,
Авось тебя тогда Господь Богъ помилуетъ,
Государь царь тебя пожалуетъ,
Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ...
Каменѣетъ сердце молодецкое,
Добрыи молодець отца-матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой насмѣхается,
О милыхъ дѣтяхъ не бользнуетъ...
Что и тутъ онъ царю не покоряется.
Отрубили ему буйну голову
Что по самы могучи плеча.

Записана А. Григорьевымъ у цыганъ.

Выкатается свѣтъ нашъ, батюшка, первый императоръ,
Онъ на золотой-то на каретѣ,

Подъ нимъ лошади вороныя,
На самомъ на немъ платье черно,
Платье черно да все бручинно.
Докатается онъ да до Сенату
Докатается ко крылечку по прекрасному
Изъ коретушки да выльзаетъ;
Во присудствіе да самъ заходитъ.
Сенаторы всѣ да испугались
Изъ рукъ перья у нихъ повалились
Изъ очей слезы да покатились.
Осередь онъ полу становился
Господу-Богу да помолился,
На ременчатый стулъ онъ садился.
Онъ беретъ въ руки да листъ бумаги,
Листъ бумаги онъ да не плохіе
Не плохую онъ бумагу, гербовую,
Во правую перо да лебедино
Начинаетъ писать да доношеніе,
Отсылаетъ доношеніе да въ ину землю
Желаетъ онъ себѣ бою да драки.

Сообщено А. Григорьевымъ.

Заводилася война
Среди бѣла дня;
А что начато палить,
Только дымъ столбомъ валить;
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму!
Только видно во дыму:
Не ясенъ соколъ летить,
Добрый молодецъ гуляетъ,
Онъ по крутой по горѣ,
Самъ на ворономъ конѣ;
По казакамъ проскакалъ,
Два словечика сказалъ:
„Вы казаки, вы казаки,
„Военные мои
„Удалые молодцы!

„Безъ размѣрушки пейте,
„Зеленаго вина,
„Посмѣлѣе поступайте,
„Со французомъ воевать!“
— Ужь мы рады воевать,
Слезны капли проливать!
Не пыль въ полѣ плыть,
Не дубровушка шумить:
Французъ съ арміей валить!
Онъ валить таки валить,
Самъ подваливаетъ;
Самъ подваливаетъ,
Рѣчь выговариваетъ:
„Еще много генераловъ —
„Всѣхъ въ ногахъ стопчу;
„Всея матушку Россеюшку
„Въ полонъ себѣ возьму,
„Въ полонъ себѣ возьму,
„Въ каменну Москву зайду!“
Генералы испугались,
Платкомъ слезы утирали,
Въ поворотъ слово сказали:
„Не бывать тебѣ, злодѣю,
„Въ нашей каменной Москвѣ!
„Не видать тебѣ, злодѣю,
„Бѣлокаменныхъ церквей;
„Не стрѣлять тебѣ, злодѣю,
„Золотыхъ нашихъ крестовъ!“
На лужку было, лужку
Стоить армія въ кружку:
Лапуховъ ѣздитъ въ полку,
Куриль трубку табаку.
Для чего намъ не курить,
Зелена вина не пить!
Свинца, пороху довольно,
Сила во полѣ стоитъ.
Ужь мы бился, рубился
Четырнадцать часовъ:
Съ пяти на десять проблю,
Стали силу разбирать;

Стали силу разбирать,
Стали полковничковъ считать.
Не нашли такихъ убитыхъ
Полковничковъ до семи,
Енераловъ до восьми;
Мелкой солдатской силы
Сосчитать мы не могли:
Которые на горѣ —
По колѣнъ стоять въ рудѣ;
Которы подъ горой —
Тѣхъ засыпало землей.
Одинъ такой лежитъ
Таку рѣчь говорить:
Вы подайте-ко, ребятушки,
Чернилицу съ перомъ,
Чернилицу съ перомъ,
Листъ бумаги со гербомъ;
Напишу я таку просьбу
Государю самому.
Государю самому
Императору царю:
Еще нашъ-отъ генералъ
Много силы издержалъ:
Ужъ онъ пропиль, промоталъ,
Досталъ въ карты проигралъ,
Инь удары раздавалъ.

Архангельск. губер. Зап. С. В. Максимовъ.
Эта пѣсня сложена во время семилѣтней войны.

Разбисчастнинькой, безталаннинькой
Французъ зародился,
Онъ съ вечера рано спать ложился,
Долго почивать,
Ничиво жъ ли то я французикъ ли
Ничиво не знаю,
Што побили иво, иво армию
Донскія казаки,
Што мнѣ жаль-то, мнѣ жаль свою армию,
Есть еще жалчѣя

Што вотъ сняли мому, мому родному
Да родному братцу,
Што вотъ сняли ему, сняли йму головку
Да головку,
Што мене ль то мене, все французика
Въ полонъ мене взяли
Посадили мене все французика
Въ темную темницу.
Што вотъ тошно ли мнѣ, все французигу
Въ тимници сидѣти.
Еслибъ зналъ-то бы зналъ, я французигъ ли
Я бъ тово ни дѣлалъ.

Сабурово Малоарх. Сент. 1858. Извѣстны мнѣ еще варианты этой пѣсни,
въ которыхъ, вмѣсто французика, упоминается прусской король.

О КУТУЗОВѢ.

Что не красное-то солнце возсіяло,
Возсіяла у Кутузова острая сабля.
Выѣзжаетъ князь Кутузовъ въ чисто поле,
Онъ беретъ съ собою силу да гренадеровъ,
Гренадеровъ и есауловъ,
Гренадеры и есаулы да не сробѣли,
Что французскаго маіора въ полонъ взяли,
Повели они маіора ко фельдмаршалу,
Ко тому же князю да ко Кутузову
Ко Михайлу его да къ Ларіоновичу.
Начинаетъ князь Кутузовъ его спрашивать:
„Ты скажи, скажи маіорикъ сущую правду:
„У васъ много ль во Парижѣ стоитъ силы?
„Стоитъ силы во Парижѣ сорокъ тысячъ
„По приступу генеральскому смѣты нѣту“.
Какъ на это князь Кутузовъ да рассердился
Какъ ударилъ онъ маіора да по рожѣ,
Онъ по рожѣ, да во правую щеку.
„Ужъ ты врешь, ты врешь маіорикъ, врешь плутуешь.
„Меня, Кутузова князя, все проводишь
„Все проводишь меня, да ты стращаешь,

„Ужь я силы-то вашей да не боюся
„За генеральскіе приступы я примуса“.

Сообщено А. Григорьевымъ.

Объщался императоръ
Къ рождеству вѣрно прибыть;
Всѣ празднички на проходѣ,
Александра царя дома нѣтъ.
Его маменька вѣрно родная,
Всѣ минуты и ночьки не спить.
Выду, выду на ту пору,
На ту башню, которая выше всѣхъ;
По ямской ямской дорожкѣ
Да не пыль вѣрно пылить,
Этой мой вѣрно курьеръ бѣжить.

Сообщено А. Григорьевымъ отъ М. А. Стаховича.

Среди Москвы на площади
Собирался полкъ — казачій кругъ;
Во томъ во кругу стоитъ добра лошадь,
На томъ на коню лежитъ кованое сѣдло,
На томъ на сѣдлѣ сидитъ доброй молодець,
Доброй молодець — офицерскій сынъ.
Онъ и такъ плачетъ — что рѣва льется,
Шелковымъ платкомъ утирается,
На всѣ стороны поклоняется,
Съ отцемъ-матерью прощается:
„Прощай батюшка, прощай матушка!
„Прощай душечка молода жена,
„Прощай дѣтки малыя, мои дѣтушки!
„Прощай братцы-товарищи!

Дросково Малоарх. у. Достав. М. А. Стаховичъ.

Тамъ построили, тамъ кабакъ
Ни про дѣвокъ, ни про бабъ,
Про холостыхъ-то про робятъ.
Пришоль мальчикъ выпилъ швальчигъ
Веселѣшенегъ пошелъ.
Прощай дѣвки, прощай бабы

Намъ теперича ни до васъ,
Вы солдатухи бируть насъ.
Наши ноженки да ни ходять,
На свѣтъ глазухи ни глядять.

Шли солдатухи слободой,
Манять дѣвушекъ за собой:
„Вы пойдете-ко, дѣвушки, съ нами,
„Съ нами добрыми молодцами,
„Не далече до Казани:
„Во Казани-то жить привольно,
„Жить привольно, гулять охотно,
„У насъ денежекъ предовольно,
„У насъ домики пребогаты,
„Бѣлокаменныя стоятъ палаты,
„Межъ домами-то *текетъ* рѣчька,
„Течеть рѣченка медовая.
„По ней струечка золотая.“ —
Что за рѣченькой стоялъ кустикъ,
Стоялъ кустикъ, кустъ ракитовъ,
На кусточкѣ соловейко,
Соловейшко сидитъ, громко свищеть,
Громко свищеть онъ, воспѣваетъ,
Красныхъ дѣвушекъ унижаетъ:
„Не здавайтесь вы, дѣвки, красныя,
„На солдатскія на обманки
У солдатухекъ дома — горы,
Дома — горы каменисты;
Межъ домами-то *текетъ* рѣчька
Течеть рѣченка да кровавая,
По ней струечка слезъная.

Колл. Заб. С. В. Максимовъ.

По дороженьѣ
По широкою
По московскою,
Туда шла-прошла
Сила армія
Конна гвардія

Три полка солдатъ
Все молодые
Безбородые,
Впереди полка
Знамена несутъ
Артикуль мечуть.
Ружье свѣтлое
Замки крѣпкіе
Кремни острые.
Замки сбрыкали
Солдаты всплакали
Во походъ пошли
Во дороженьку.
Хоть не въ дальнюю
Да въ печальную
На сраженьицо
На ученьицо.
Гдѣ, ребятушки,
День-то намъ ночевать,
Ночь коротать?
Во темноѣ лѣсу
Во сыромъ бору
Все подъ соснами
Подъ жеровни
Подъ кудрявыми
Намъ постелюшка —
Мать сыра земля,
Намъ зголовьицо —
Зло кореньицо,
Одѣялышко —
Вѣтры буйныя!

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

Что вились-то мои русы кудри, вились завивались,
Какъ слышали мои кудерушки на себя невзгодѣ,
Что большое ли невзгодѣ, великое безвременье:
Что ужъ быть-то мнѣ, доброму молодцу, во солдатахъ,
Что служить-то мнѣ, доброму молодцу, государю.
Что стоять-то мнѣ, доброму молодцу, въ караулѣ.

1/27

Вотъ стоялъ я, доброй молодецъ, въ караулъ,
Пристоялись мои, (мой) скоры ноги;
Какъ задумалъ я, доброй молодецъ, задумалъ бѣжати.
Что бѣжалъ я, доброй молодецъ, не путемъ дорогой,
А бѣжалъ я, доброй молодецъ, темными лѣсами;
Во темныхъ лѣсахъ, доброй молодецъ, весь я ободрался,
Подъ дождемъ я, доброй молодецъ, весь я измочился.
Прибѣжалъ я, доброй молодецъ, ко своему подворью,
Прибѣжавши я, доброй молодецъ, подъ окномъ я постучался:
„Ты пусти, пусти, сударь батюшка, обсушиться,
„Ты пусти ль, пусти, моя малушка обогрѣться.“
„Я бѣ пустила тебя, мое дитятко, боюсь государя;
„Ты поди ль, поди, мое дитятко, во чистое поле:
„Что буйнымъ вѣтромъ, мое дитятко, тебя тамъ обсушить,
„Краснымъ солнышкомъ, мое дитятко, обогрѣть.“
Какъ пошелъ-то я, доброй молодецъ, самъ заплакалъ.
„Ужь возмись загоритесь вы, батюшкины хоромы;
„Ужь ты сгинь, пропади, матушкино подворье.“

Зап. Т. И. Филипповымъ.

Настя по саду ходила,
Хмѣлю ярова щипала,
Брагу пьяную варила,
Въ погрибахъ долго томила.
Настя гостей зазывала,
Всѣхъ по лавычкамъ сажала,
Сама сѣла на скамейки
Супротивъ души Ванюши,
Ставанъ меду наливала
И Ванюшѣ подносила
„Выпей, выкушай Ванюша“.
„Я ни пью, ни пью Настасья:
На миня вышла несчастья,
Нисчастьица ни большоя:
Хочуть Ванюшку поймати,
Рѣзвы ноженьки сковати,
Во солдатушки отдати“.
Ваню въ мѣру становили,

Ваня въ мѣри ни годился,
Вышелъ Ваня поклонился.

Сабурово Малоарх. у. сент. 1858 г.

СОЛДАТСКАЯ.

За рикой, рикою разгарайтца
Изъ-подъ камушка дымочикъ зилинѣйтца;
Да на этомъ да на камни лежать три подушачки,
На подушачкахъ лажить жа отставной солдатъ,
Разварачиваль свои полы, полы камчатнай,
Онъ показываль свои раны, все кровяны
.....
Къ отцу, матери пойти, либы живъ либы нѣтъ.
Къ молодой жинѣ пойти — либы знать либы нѣтъ.
Къ малымъ дѣтушкамъ пойтцѣжа — либы смыслють, либы жь нѣтъ!
Отвезёте мине, братцы, во чисто поля,
Вы поставьте мине, братцы, промежъ трехъ дорогъ:
Между тульской, между курской, промежъ питерской;
Во лѣву руку положить саблю востраю,
Во праву руку положить золоту ружье,
Во ногахъ же пеставьтя ворона коня,
Во главахъ жа вы поставьте мой поклонной хресь.
А по той ли по дорожкѣ буде человекъ идеть
Енъ возьметъ золоту ружье идеть, настрѣлянтси
Саблей вострой намахаетси
Енъ возьметъ ворона коня, енъ наѣздитси.

Орлов. г. Малоарх. у. Сабурово. Пѣль Иванъ Кондрашевъ.

Выѣзжаетъ молодой маюръ,
Молодой маюръ-полковничекъ,
Выбираетъ молодыхъ солдатъ,
Молодыхъ солдатъ ребятушекъ.
У отца было три сына,
Три сына хороше;
Большаго сына жаль отдать,
Средняго не хочется;

Отдамъ я сына меньшаго,
Сына меньшаго Иванушку!
Меньшій сынъ расплакался:
„Государь нашъ батюшка!
„Или я вамъ былъ не родной сынъ,
„Или я вамъ былъ пасынокъ?“
Да вы, дѣти мои милые!
Вы возьмите-тко по палочкѣ,
Да вы бросьте-тко по жеребью:
Да кому изъ васъ достанется? —
Доставалось сыну меньшему,
Сыну меньшему Иванушкѣ.

Дроздово, Малоарх. у. зап. М. А. Стаховичъ.

Что подь бѣлою березой гусарь-отъ убитъ,
Бѣло личко прикрыто бѣлою витайкой;
Къ нему панья приходила, панья молодая,
Бѣло лицо покрывала, въ уста цаловала.
„Ты возстань, возстань любезной, возстань чернобровой,
„Ваши кони воронные во полѣ танцуютъ.“
Я лиха не хочу — во полѣ ночую.
Мой миленькой на Русѣ суцу правду скажетъ,
За рѣченькой, за рѣвкой гусарь сѣно косить,
На другой-то сторонѣ панья воду носить,
Воду носить, дожда просить;
Подай, Боже, дожжь,
Ты подай, Боже, дожда подай *поскоряль*,
Чтобы травоньку смочило, косы не чуяло,
Молодаго гусаря со поля сгонило!
Чѣмъ я мужу не жена, дому не хозяйка,
Три дни печи не топила, на печи-то жарь, жарь,
Молодаго гусаря очень его жаль, жаль.

Холмогорь. Зап. С. В. Максимовъ.

Какъ и шли прошли солдаты молодые,
Да за ними идутъ матушки родные,
Во слезахъ пути дороженьки не видють,
Какъ возговорють солдаты молодые:

Охъ вы матушки родные, да родные,
Не наполнить вамъ снѣга моря слезами,
Не исходить-то вамъ сырой земли за нами.

Сабурово. Малоархан. уѣздъ.

Попила ли ты моя головушка
Не за батюшкиной, не за матушкиной буйной головою,
Не за братцевой, не за сестрициной легкой работой,
Что поймали-то раздобраго молодца поймали въ прилувѣ,
Что у той ли у прилуки у красной у дѣвки;
Что куютъ-то меня добра молодца, куютъ во желѣзы,
Посадили меня, добра молодца, въ козырныя сани,
Привезли-то меня, добра молодца, въ городъ, во губерню;
Привели-то меня, добра молодца, привели ко приему,
Посадили меня-то добра молодца во красное стуле;
Какъ и стали меня разудалаго стричь, они-то брити.
Ужъ вы брейте мои вудерюшки, брейте не жалѣйте,
Отошлите мои вудерюшки ко красной ко дѣвкѣ.

Сабурово. Малоархангельскаго Уѣзда.

Что вы дѣвушки призадумались,
Красавицы жить не весело,
Жить не весело, да любить не каго,
Изъ молоденькихъ да ребятъ выбрать не кого?
Выбирайте вы себѣ да одиноково
Одинокіе, да не одинокіе
Не одинокіе, одинокіе есть всякіе,
Есть всякіе, да горьки пьяницы,
Горьки пьяницы, да все пропойцы,
Все пропойцы, да безпокойцы:
Онъ копѣйку наживетъ — въ кабагъ снесетъ;
Онъ другую наживетъ — изъ кабака нейдетъ!
Ты соловьюшко, да родной батюшко,
Ты куда, соколъ, летишь, куда машешься?
— „Я лечу-то машусь черезъ рѣку, на ту сторону,
„На ту сторону черезъ быструю рѣку,
„Черезъ быструю рѣку въ часты рошицы,
„Въ часты рошицы, да во зеленой садъ!“

Во зеленомъ во саду генераль гулялъ.
Не единъ онъ гулялъ — съ генеральшею.
Размолоденькй солдатъ на часахъ стоялъ.
Ружье держалъ, себѣ смѣны ждалъ,
Себѣ смѣнушки — красной дѣвушки.
Пришла смѣнушка, да красна дѣвушка.
Ужъ и лѣсомъ она шла не боялася.

.....
.....

Изъ-за лѣсу идутъ тучи
Тучи темныя,
Какъ по мнѣ молодецкиной
Горе горькое,
Горе горькое, кручинушка
Непокрытая:
Что пошелъ мой милъ сердечный другъ
Во солдатушки
Онъ покунулъ меня младу
Одиношеньку.
Выду ль я млада ранешинько
Въ поле чистое,
Раскажу ль я раскажу тоску
Вѣтру буйному,
Какъ несетъ мнѣ вѣтеръ буйный
Вѣсть не радостну:
Заватилось мое солнышко
Желанное
Ужъ палъ померъ мой сердечный другъ

Во чистомъ полѣ
Ужъ ты поле мое
Поле чистое,
Ты раздолье мое
Ты широкое,
Ничего поле не породило,
Породило поле
Часть раки товъ кустъ.

Какъ подъ тѣмъ кустомъ
Лежитъ тѣло бѣлое,
Молодецкое:
Тамъ лежитъ солдатъ
Полковой сержантъ;
Онъ убитъ лежитъ
Весь израненный;
Въ головахъ у него
Знамя царское,
На грудяхъ у него
Руки бѣлые,
На рукахъ у него
Кольца ясные.
Во бѣлыхъ рукахъ
Сабля острая.
Во ногахъ у него
Добрый конь его.
Ужь ты конь ты мой конь
Конь товарищъ мой,
Ты подижь ты мой конь
На мою сторону,
Къ отцу къ матери
Къ роду племени,
Къ молодой женѣ,
Къ царю бѣлому—
Петру первому.
Ты свяжи мнѣ конь:
.....
.....
Погубила меня
Сабля острая.
Ужь ты конь ты мой конь,
Ты свяжи жь ты мнѣ конь
Гдѣ ты былъ побывалъ
На своей сторонѣ?
Въ царя бѣлаго
Петра перваго.
Ужь ты конь мой конь,
Что ты ѣлъ тамъ пилъ?
Ужь я ѣлъ по лугамъ

Шелковую траву,
Ужь я пиль попиваль
Сладку водочьку.

Растоскуйся ты моя, ты моя сударушка, по мнѣ возгорюйся,
Ужь я самъ-то ли, самъ по тебѣ, сударушка, самъ я встосковался :
Нападаютъ-то на меня, меня сиротинушку — ахъ, да лихи люди,
Что хотять-то ли, хотять меня сиротинушку отдать во солдаты,
Что куютъ-то ли, куютъ меня сиротинушку, меня во желѣзы,
Что везуть-то, везуть меня сиротинушку, меня ко приему;
Всѣ приѣмщики на меня, меня сиротинушку они вздивовались :
Ужь и гдѣ же ты, гдѣ ты, сиротинушка, гдѣ ты уродился?
Породила-то меня, меня сиротинушку, ахъ да родна матушка,
Воспоилъ-то, вскормилъ меня, сиротинушку, православный мѣръ,
Воздѣлѣла меня, меня сиротинушку, ахъ да Волга матушка,
Воскачала-то ли меня, меня сиротинушку, ахъ да легка лодочка.

Москва. Зап. А. А. Григорьевъ.

Не шумите-ко вы, ахъ да вѣтры буйные,
Не бушуйте вы, ахъ да лѣса темныѣ.
Ты не плачь, не плачь, душа красна-дѣвица...
Не сама-то я плачу — плачуть очи ясныя,
По неволюшкѣ, изъ глазъ слезы катятся,
По неволюшкѣ, да все по миломъ дружкѣ,
Что везуть-то ль, отдають дружка во солдатушки !
Въ молодые ли его, ахъ да во некруткии ;
Снаряжу ль я, снаряжу дружка хорошеохонько,
Провожу ль я, провожу, дружка далекохонько,
Я до городу его, городу Владимира,
Я до матушки ль его, его каменной Москвы.
Среди-то ли Москвы, да мы становилися,
Со милымъ ли, со дружкомъ да мы распрощалися...
Господа-то ли кущи на насъ дивовалися:
Ужь и кто же это съ кѣмъ, кто съ кѣмъ распрощается?
Или мужъ со женой, или это братъ съ сестрой?...
Доброй молодець съ душой красной-дѣвицей !

Москва. Зап. А. А. Григорьевъ.

Ты дорога моя, дорога широкая,
Ужь никто-то по тебѣ не прохаживаль,
Никто слѣдику не прокладываль.
Тутъ ишли-прошли три полка солдатъ:
Ужь и первый полкъ — все охотнички,
А другой-то полкъ — малы школьнички,
Ужь и третій полкъ — все невольнички!
Какъ охотнички пѣсню гарнули;

Малы школьнички — въ барабаны грянули,
А невольнички — горько всплакнули.
Среди полка знамена несутъ,
Подъ знаменами молодой солдатъ;
Онъ не пьянъ-то идетъ, самъ качается,
На всѣ стороны онъ покланяется,
Съ отцемъ, съ матерью онъ прощается...
Съ молодой-то женой не прощается,
Не прощается — все ругается:
Отъ тебя-то, жена, я въ солдаты пошелъ,
Отъ твоего ли, жена, полюбовника.

Записана А. Григорьевымъ.

Уланы вы, гдѣ были, побывали?
Мы подъ Питеромъ стояли,
Подъ Можаемъ воевали,
Мы Московю проходили,
Ко вдовушкѣ заходили:
Пусти вдова ночевати,
Молодая постояти!
А вдовушка выходила,
Таки рѣчи говорила:
У меня дворикъ маленекъ,
А горенка не величка.
Солдатушки не взирали,
Воротички отворяли;
Они съѣли всѣ по лавкамъ,
Всѣ по лавкамъ, по порядкамъ,
Большой гость въ переднее мѣсто;
А вдова стоитъ у печки,
Прижала руки къ сердечку,
Какъ возговоритъ большой гость:
Подойди, вдова, поближе,
Поклонись, вдова, пониже.
Ты который годъ вдовѣшь,
Ты который сиротѣшь?
Я десятый годъ вдовѣю,
Ужъ я пятый сиротѣю.
Ужъ и много ль у тебя хлѣба?
У меня хлѣба осмина.
Ужъ и много ль у тебя денегъ?
У меня денегъ полтина.
Ужъ и много ль у тебя дѣтокъ?
У меня дѣтокъ четверо.
Подавай вдова черну шляпу;
Во шляпушкѣ полотенецъ,
Въ полотенецѣ узелочекъ,

2/1

Въ узелочкѣ золотъ перстень —
Ужь не твой ли обручальный?

Записана А. Григорьевна.

О СЛУЖБѢ.

Вечоръ нонѣ, матушка, мнѣ мало спалось,
Мало спалось, да много видѣлось:
„Разнесъ меня да добрый конь
„По чисту полю да по раздольицу;
„Спала моя шляпонька съ буйной головы,
„Спала моя плеточка да со правой руки,
„Со правой руки да со перчаточкой.
„Знать-то мнѣ-ка матушка дома не бывать,
„Знать-то добру молодцу да во солдатахъ быть,
„Во солдатахъ быть да мнѣ царю служить,
„Мнѣ царю служить да вѣрой-правдою“.
Заплакала матушка объ сынѣ своемъ.
„Не плачь, не плачь матушка да радость моя
„Втапору наплачешься, послѣ безъ меня,
„Что угонять меня молодца во ины мѣста,
„Во ины мѣста въ дальны города;
„Напишу къ тебѣ я, матушка, да скору грамоту,
„Скору грамотку, да вѣсть нерадостну,
„Не перомъ напишу, не чернилами,
„Напишу я грамотку да горючми слезми,
„Горючми слезми да изъ ясныхъ очей,
„Положу во грамотку перстень да портретъ,
„Перстень да портретъ, крестикъ золотой.
„Запечатаю я грамотку да думой крѣпкою,
„Пошлю эту грамотку со скорымъ посломъ,
„Со скорымъ посломъ да со буйнымъ вѣтромъ.
„Получишь ты матушка да эту грамотку,
„Вынѣ-ка моя матушка перстень да портретъ,
„Крестикъ золотой. На портретъ взгляни —
„Меня вспомяни“.

РУССКІЯ ПѢСНИ

ИЗЪ СОБРАНІЯ

Н. И. ЯКУШКИНА.

III.

ЛИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Изъ падъ камушка изъ падъ бѣлава,
Изъ падъ кустика, изъ падъ рагитава,
Тамъ текла рѣчка
Рѣчка быстрая, бережистая.
Какъ ва той рѣчкѣ
Дѣвка мылася,
Вышла, набѣлилася,
Набѣливши, ана нарумянилася,
Нарумянивши, въ зеленъ лугъ пашла.
Въ зеленомъ лугу
Тамъ данской казагъ
Каня пайль;
Напайвши каня,
Сталь думу думати —
Думу вѣрѣкую:
„Охъ и какъ же мнѣ быть,
Маладу жену сгубить?
Загублю жену

Не рана съ вечера,
Схараню жену
Ближе къ палѹночи»...
Ево большая дочь
Рано проспалася,
Къ батюшкѣ у ножки
Кидалася:
„Государь ты нашъ
Роднай батюшка,
Идѣ наша матушка?“
— Ваша матушка
Въ новай горницѣ
Умывается
Ключевой вадой,
Утирается
Бранымъ палатномъ.
„Государь нашъ батюшка,
Не правда твоя:
Наша матушка
Вы желтомъ песку, 2
Въ новой горницѣ
Ана загопана.“

Доставлена.

Что не ястребъ совывался съ перепелушкою,
Солюбидся молодѣць съ красной съ дѣвушкою.
Проторилъ онъ путь-дорожку, пересталъ ходить,
Проложилъ онъ худу славу, пересталъ любить.
Насмѣялся жъ ты мной, отсмѣю и я тебѣ:
Ты не думай, простота, что я вовсе сирота.
У меня ли у младой есть два братца родныхъ,
Есть два братца родныхъ, два булатныхъ ножа;
Я изъ рукъ твоихъ, ногъ короватку смоцу,
Я изъ крови твоей пиво пьяно наварю,
Изъ буйной головы ендаву сточу,
Я изъ тѣла тваво я свѣчей насучу (*),

(*) Въ другомъ вариантѣ поютъ: «Я изъ сала твоео салныхъ свѣчъ намочу». Правильнѣе: намакою.

А *посльй*-то тово я гостей назову,
Я гостей назову, и сестричку твою;
Посажу же я гостей на кроватушку,
Загадаю што я имъ да загадочку,
Я загадочку не отгадливую;
Ну, да что жъ таково: я на миломъ сижу,
Я на миломъ сижу, объ милѡмъ говорю,
Изъ милѡва я пью, милымъ потчую,
А и миль предо мною свѣчею горить?
Вотъ тутъ стала сестричка отгадывати:
«А говаривала, братъ, я часто тебѣ,
Не ходи ты туда, куда поздно зовутъ,
Куда поздно зовутъ, да гдѣ пьяни живутъ».

Колпа. Малоарханг. Уѣзда.

Отпущала, отпущала сердца матушкина,
Отпущала, отпущала чаду милую сваю,
Чаду милую сваю на чужую старану.
Какъ большая систра кѡня съ стойла свила,
А сиредняя систра кѡня (о)сѣдывала,
А меньшая систра кѡня брату подала:
А жина-та горюша у воротичкахъ стоить,
У воротичкахъ стоить, сама плачетъ говорить:
„Ужь ты миленькой, милой, ты когда будешь домой?“
„Я тогда буду домой, когда выростить трава,
Когда выростить трава выше царскыва двара,
Узавьеть, узавьеть большой камушекъ са дна.“
„Да ниправду мой миленькой со мною говоришь,
Да ни выростить трава выши царскыва двара
Ни завьеть Волга рѣчва бѣла камушка са дна.

Сабурово. Малоарх. Селт. 1888 г.

Народился въ отца сынъ,
Какъ отецъ-то сына со двора согналъ:
„Ты ступай-ко ты, сынъ, со двора долой,
Ты спознай-ко-сь, сынъ, чужу дальнюю сторону“.

Какъ и старшая сестра коня съ стойла свела,
А средняя сестра коня (о)сѣдывала,
А меньшая сестра коня брату подала
Коня брату подала, да заплакала;
Во слезахъ-то сестра стала спрашивати:
„Ты, братецъ родной, ты когда будешь домой?“
„Вы подите-ко, сестры, на сине море,
Вы возьмите-тко, сестры, да вы горсть песку,
Вы посѣйте тотъ песокъ въ зеленомъ саду:
Когда тотъ песокъ взойдетъ, выростетъ,
Я тогда, сестры, къ вамъ домой приду.“
Вотъ проходитъ тому ровно девять лѣтъ,
На десятой-то годъ сестры брата ѣскать пошли:
Какъ и старшая сестра въ морѣ щукою,
А середня сестра въ полѣ соκολомъ,
А меньшая сестра въ небѣ звѣздочкою.
Какъ и старшая сестра не видала брата,
А середняя сестра услышала брата,
А меньшая сестра брата видѣла:
На дикой на степи на саратовской
Что убить-то лежитъ добрый молодець.
Схоронили сестры брата — полетѣли домой.

Лихвинскаго Уѣзда.

Сосенка, сосенка зелененькая,
Молодка, молодка молоденькая,
Полюбила молодца хорошенькаго.
Отдаютъ меня молоду
Въ чужу-дальню сторону,
За Волгу за рѣку.
Обращусь я горькою кукушечкой,
Полечу, несчастная, я къ батюшкѣ въ садъ,
Сяду ль я на яблоньку,
На любимую, на батюшкину;
Горькими причетами я весь садъ высушу,
Горючей слезой своей
Весь садъ потоплю.
Кормилица-матушка

По новымъ сѣнямъ прошла,
Невѣстухекъ ласточекъ

Пробуживала:

„Невѣстухи-ластухи,

Вставайте скорѣй,

У насъ вы садичкѣ

Какушка поеть...“

Большой братъ возговорилъ:

„Дай я пойду застрѣлю.“

Середній братъ возговорилъ:

„Дай я пойду досмотрю.“

Меньшой возговорилъ:

„Дай пойду догляжу:

Не наша ли горьвая

Съ чужой стороны?...“

Зальюсь дѣвва, зальюсь красна, горючей своей слезой,

Утрусъ тонкимъ, бѣлымъ полотномъ.

Елец. Уѣзда. Записано М. А. Стахович.

Вы морозы, морозы вы крещенскіе,

Заморозили морозы добра молодца,

Стоючи у стѣны бѣлой каменной.

Караульщички братцы они крѣпко спять,

Не спала, не дремала красная дѣвица,

Распрекрасная Елена дочь королева.

Что брала со стола золоты ключи,

Отпирала у города воротицы,

Выпускала доброва молодца вонъ изъ города:

„Ты поди же доброй молодець потихоничьку,

Чтобъ не вслыпалъ, не увидѣлъ родной батюшка“.

Что отецъ-то на сына распрогнѣвался,

Высылаетъ своего сына вонъ изъ городу:

„Ты поди, сынъ, пройди жъ чужу сторону,

Какова есть на свѣтѣ чужа сторона.“

Что большая сестра коня вывела,

А середняя сестра сѣдло вынесла,

А меньшая плѣтку подала,

А большая сестра брата спрашивала:
Ужь когда же ты, нашъ братецъ, на(о)бороть будешь?“
„Ужь тогда я къ вамъ на(о)бороть буду:
Есть у батюшки, у матушки суха яблынька,
Ужь когда эта яблынька расцвѣтать будетъ,
Ужь тогда я къ вамъ, сестры, на(о)бороть буду.“

Мой сизой голубчикъ,
Ты зачѣмъ, для чего
Въ садикъ не летаешь?
Буйнымъ вѣтромъ,
Спзаго относить.
Частымъ дождемъ
Крылья-перья мочить.
Мой миленькой,
Мой милой дружочекъ!
Ты почто, для чего
Рѣдко въ гости ходишь?
Твой отецъ да мать
Тебя не спускають
Родъ они племя тебѣ запрещають!
Сидѣль-посидѣль удамой молодчикъ
Во темной темницѣ,
У той у темной, у темной темницы
Ни дверей нѣту, нѣту ни окошекъ,
Еще въ ней нѣту ни красна крылечка,
Только есть одна труба дымовая.
Изъ той трубы дымъ-оть повѣваетъ,
Меня молоду горе разбираетъ!
Пойду я, млада, съ горя въ зеленъ садикъ,
Пойду возьму я ключи золотые,
Отопру я сундуки-ларцы кованы,
Возьму денегъ ровно сорокъ тысячъ,
Стану дружка, дружка выкупати,
Изъ неволюшки его выручати.
Грозенъ судья, судья воевода,
Моей вазны, казны не примаеть,

Меня молодю горе разбираетъ!
Пойду, млада, я съ горя въ чисто поле
Пойду нарву я лютаго кореня,
Буду стану я судью опонти.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

Ни въ Москвѣ, ни за Москвою,
Межъ Бутырской и Тверской,
Тамъ стоять четыре башни,
Посрединѣ божій храмъ.
Сидѣлъ воронъ на березѣ,
Кричитъ воронъ не въ добру:
„Пропадать тебѣ, мальчишкѣ,
Въ чужой дальней сторонѣ!
Ты зачѣмъ, зачѣмъ, мальчишка,
Съ своей родины бѣжалъ?
Никого ты, мальчикъ, не спросилъ,
Кромѣ сердца своего;
На кого же ты покинулъ
Мать родную и отца?“
„Ужъ и некому мальчишку,
Меня было научить;
А теперича мальчишку
Меня поздно научить!
Ужъ и жилъ я, веселился,
Но имѣлъ свой капиталъ;
Какъ и этотъ капиталъ
Весь я пропилъ-прогулялъ,
Во неволю жить попалъ;
Во такую во неволю —
Въ бѣлый каменный острогъ!
Хороша наша неволя,
Да кто знаетъ про нее?
Вамъ не видно за стѣною,
Каково мы здѣсь живемъ.
Богъ Творецъ одинъ онъ съ нами,

Мы и здѣсь не пропадемъ.
Свѣтъ небесный во сѣнни,
Барабаны зорю бьютъ;
Барабанъ зорю пробьетъ,
Вундеръ двери отворяетъ,
Писарь съ требою идетъ;
Онъ по требованью кличетъ,
Намъ къ суду идти велятъ.
Взяли сумки, помолились
И отправились-себѣ...
Насъ въ карету посадили
И съ конвоемъ повезли...

Дрозково. Малоарх. Узла. Зап. М. А. Стаховичъ.

Литѣла пава чиризъ три двара,
Уранила пире на падворьница.
„Миѣ ни жаль пира, а жаль маладца,
Миѣ и жаль маладца: аднѣ сынѣ въ атца,
Адинъ сынѣ въ атца, и тотѣ въ службу ѣдетъ
Ёнѣ и годѣ служить и другой служить,
На третій годѣ сынѣ дамой пришель,
Сустрѣла иво мать сириди поля,
Систра встрѣла сириди двора,
Жина встрѣла, сѣнцы отпирла,
Повила иво мать къ себѣ въ горницу,
Ну, и стала иму мать все разсказывать:
„Твоя жина б... распутная,
Твоя жина шельма-пьяница
Меды, вина всѣ распроинла,
Коней твоихъ всѣхъ распродала,
Соловей твоихъ всѣхъ распустила“.
Взялъ та сынѣ саблю вострую,
Срубилъ жинѣ, жинѣ голову.
Голова ль моя съ плечъ свалилася,
Къ коню въ ноги поватилася.
Пошоль-та сынѣ у халодной погрибъ:

Меды, вина всѣ цѣлы стоятъ.
Пашоль-та сынъ су конюшину:
Кони стоятъ сѣна-авесъ ѣдятъ.
Пашоль-та сынъ ва зеленой садъ:
Салавья сидятъ вычищаютца;
Жиной иво выхваляютца.
Пашоль та сынъ къ сыну въ горницу:
„Молчи-баю маё дитятко
Теперь у тебя матери нѣтути,
У мене маладца маладой жины,
Толька есть у тебе адна бабушна,
Да и та змія, змія лютая“.

Сабурово. Малоарх. Сент. 1888.

У отца у матери
Зародились три дочери:
Двѣ дочери счастливыя,
А третья несчастная.
Большая дочь говоритъ:
„Отдай меня, батюшка,
Въ Щигры за подъячаго“.
Другая дочь говоритъ:
„Отдай меня, батюшка,
Въ Москву за посадскаго“.
А третья дочь говоритъ:
„Отдай меня, батюшка,
У Крымъ за Татарина“.
Большая дочь пріѣхала:
„Не плачь по мнѣ, матушка,
Не тужи, сударь батюшка,
У мово у подъячаго
Свѣчи негасимыя;
Всю ночь мастера сидятъ
И льютъ перстни золотые.
На мои руки бѣлы,
На мои руки нѣжны“.
Другая дочь пріѣхала:
„Не плачь по мнѣ, матушка,

Не тужи, сударь батюшка,
У мово у посадскаго
Свѣчи негасимыя,
Всю ночь мастера сидятъ,
Шьютъ платя шелковыя
На мое тѣло бѣлое,
На мое тѣло нѣжное.
Третья дочь прѣѣхала:
„Поплачь по мнѣ, матушка,
Потужи, сударь батюшка,
У мово у татарина
Свѣчи негасимыя,
Всю ночь мастера сидятъ,
Плетутъ плети шелковыя
На мое тѣло бѣлое,
На мое тѣло нѣжное“.

С. Сабурово. Малозрангельскаго Уѣзда.

По зорюшкѣ, по зарѣ,
Да люли, люли,
По вечерней по зарѣ
Шель дѣтинка изъ гостей
Со великихъ радостей.
Онъ торопится бѣжить,
Къ своему двору спѣшить;
За нимъ дѣвица бѣжить,
Кричитъ молодцу: „постой!
Неженатый, холостой,
Неженатый — вожеватой,
Разголубчикъ, любчикъ мой,
Ты не смѣйся надо мной,
Надъ дѣвицей молодой,
Надъ моею русой косой!“
На то парень обвернулся,
Надъ дѣвочкой разсмѣхнулся:
„Скажи, лапушка моя,

Скажи, любишь ли меня?“

„Я по совѣсти скажу:

Еднаго тебя люблю;

Я по правдѣ то скажу:

Семерыхъ съ тобой люблю.“

Показалось молодцу

За досаду велику.

Какъ ударилъ Катю въ щоку,

Вдоль по бѣлому лицу,

Замахнувши во другую,

Во сережку жемчужную.

Какъ жемчужная сережки

Размолоденька дѣвочка

Прирасплакалася:

„Ужь какъ домой приду —

„Родной матушкѣ скажу?“

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

Я всю ночь млада ни спала,

Ой люли, люли, люли, ни спала,

Ничево млада ни слыхала,

Какъ буйные вѣтры шармавали,

Съ висага терема верхи пасарвали,

Ва чисто поля паснасли,

Кы бѣлу шатру станавили;

А въ билѣ шатрѣ злой Татаринъ

Красная дѣвушка паланяночка,

Сильно дабрѣ плачить,

Татаринъ ее унимантъ:

„Ты не плачь, не плачь красная дѣвушка,

Мы сашьемъ тебѣ лисью шубу,

На буйну головушку кунью шапку,

На рѣзвы ножки красны сапожки,

На бѣлыя ручки рукавички“.

„Изатлѣвить та кунья шуба;

Прапади та шапка...“

Пусти мине къ атцу, къ матери“.

Мать сыну гаварила:

«Ни сидлай коня долга вечера,

Ни съижжай съ двора

Кы полуночн;

Ни заѣжживай

Ва царевъ кабакъ.»

Ой, сынъ матери

Ни паслушалси!

Онъ сидлай кани

Долга вечера,

И съ двара съѣжжалъ

Кы полуночи;

Заѣжживаль

Во царевъ кабакъ...

Паднесли младцу

Вина чару.

Па берегамъ чары

Пѣна бьетъ,

Посерѣдъ чары

Лютà змія.

Ни то чару пить,

Ни то на земь лить...

Сы страстей младець

Уранилъ чару...

Сыра земля

Загаралася,

Лютà змія

Узмиталаса —

Узмиталаса,

На маи груди

Маладецкѣи

Ускидаласа.

Орловск. Губер.

Что цвѣли то цвѣли — цвѣли въ полѣ цвѣтики,

Цвѣли да поблекли, 2 .

Что любилъ-то любилъ — любилъ паревъ дѣвицу

Любилъ да покинулъ; 2

Что покинувши парень красну дѣвицу,
Въ глаза насмѣялся 2
Обезчестилъ-то парень красну дѣвицу
При всемъ при народѣ, 2
Что онъ снялъ то, сорвалъ парень съ красной дѣвицы
Шелковый платочекъ, 2
Что зажалъ то, зажалъ парень у красной дѣвицы
Золотъ перстенечекъ. 2
Что по городу было — городу Саратову,
Дѣвица гуляла, 2
Гербовой то ли она листъ бумаженъки
Листокъ покупала, 2
Молодаго себѣ писаря — писать нанимала
Писать нанимала, 2
Астраханскому она — она губернатору
Просьбу подавала: 2
„Ужь ты, батюшка ли — ты князь губернаторъ,
Прими мою просьбу; 2
Ты суди-тка суди — ты насъ, астраханскій князь,
Суди по закону“. 2
„Не напрасно ли ты, красная дѣвушка,
На молодца просишь? 2
Что сама ль ты сама — сама красна дѣвица,
Сама виновата“. 2
Безъ зари ль-то зари — зари красно солнышко
Солнышко не всходить, 2
Безъ прилуки то ли — добрый молодецъ
Къ дѣвущкѣ не ходить.

Мисля.

Какъ по городу, городу Саратову
Дѣвушка гуляла,
Она гербовой листъ, дѣвка, бумаги
Дѣвка закупила;
Молодаго ли дѣвка писаречка
Просьбу писать нанимала;
Она новому, дѣвка, астраханскому губернатору
Просьбу подавала:

„Ты суди насъ, судья грозный, суди насъ по правдѣ,
Суди по закону“.
Что цвѣли-то, цвѣли въ полѣ цвѣтнви,
Цвѣли, да поблекли;
Что любилъ-то меня, любилъ парень дѣвушку,
Любилъ, да повинулъ:
А послѣе таво онъ, да разбесовѣстный,
Въ глаза насмѣялся.
Что и судъ даетъ грозный губернаторъ,
Судъ даетъ по правдѣ,
Даетъ по закону:
Безъ зари-то зари, безъ ясной зари
Солнышко не всходитъ,
Безъ прилуки молодецъ къ красной дѣвушкѣ,
Къ дѣвушкѣ не ходитъ.
Что сама ли сама, красна дѣвушка,
Сама виновата.

Тульской Губ.

Поѣхалъ королевичъ
На разгуляньице,
Оставилъ онъ королевну
На гореваньице.
Пускалъ своего добра коня
Въ зеленые луга,
А самъ пошелъ королевичъ
На круту гору.
На крутенькой на горушкѣ
Раскинулъ бѣлъ шатеръ,
Ложился спать королевичъ
Подъ бѣлымъ шатромъ.
Пригрезился королевичу
Дивнехонекъ сонъ:
Изъ-подъ правой изъ-подъ ручки
Соколикъ вылетѣлъ,
Изъ-подъ лѣвой изъ-подъ бѣлой
Сѣрая утушка.

Пойду, пойду, королевичь,
Ко старушенькѣ;
„Скажи, скажи, старушенька,
Про мой дивной сонъ“.
„Твоя жена, королева,
Сына родила,
На утренней на зорюшкѣ
Сама померла“.
Ворочался королевичь
Къ своему двору;
Не дошедши до своего двора,
Тяжело вздохнулъ.
Широкія воротички
Растворены стоятъ.
Щеколдчаты окошечки
Повыставлены.
Всѣ солдаты, офицеры
Въ черномъ платицѣ.
Королева, моя жена,
Въ бѣломъ убрана.
Пойду, пойду королевичь,
Въ нову горенку,
Вдарюсь, вдарюсь, королевичь,
Объ дубовый столъ.
Бывало, ты дубовый столъ,
Приубранный стоишь,
А нынѣ ты, дубовый столъ,
Разубранный стоишь.

Поѣхалъ королевичь на полеваныце,
Оставилъ королеву на гореваныце.
Не доѣхавши королевичь, ложился онъ спать,
Привидѣлся корѡлюшкѣ нерадостный сонъ:
Изъ-подъ правой то ли изъ-подъ рученьки
Сѣрая утица.
Встамши-то, корѡлюшко къ старушенькѣ пошелъ...
„Баба ты, отгадай ты, мой сонъ отгадай“.

— Королюшко, ты батюшко, твой сонъ нехорошъ.
Поѣзжай ты, королюшко, къ своему двору:
Жена твоя, Марусенька, сына родила,
Порода сына, Марусенька, сама померла“.

Исходилъ я, молодець, день до вечера,
Никакой я охоты не нахаживалъ,
Что нашель я, набрёлъ на рябинушку;
Что безъ вѣтру рябинушка мается,
Но безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
Я пришелъ домой, сѣлъ на лавочку,
Ужь я сталъ своей матери рассказывать:
Что безъ вѣтру рябинушка да шатается
И безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
„Ты бери, сынъ, топоръ, ты бѣги туда,
Ты руби, сынъ, рябинушку кудрявою.“
Ужь я разъ сѣкнулъ — руда пошла,
Другой сѣкнулъ — она охнула;
Ужь я третій сѣкнулъ — слово молвила:
„Не рябинушку рубишь ты — свою жену“.
Я пришелъ то домой, сѣлъ на лавочку:
„Охъ ты сѣбла меня, мать, погубила меня, мать:
Не рябинушку рубилъ я — жену свою“.

Какъ у насъ было цѣ воскресенье день,
Какъ свекровь пошла ко заутренѣ,
Сноху послала во чисто поле:
„Ты стань, своха, тамъ рябиною —
Тамъ рябиною, да кудрявою,
Отростками — малы дѣтушки“.
На ту пору мужъ отъ службы шель,
Пришелъ домой, сталъ ошъ сказывать:
„Ужь и свекро я ни хаживалъ,
Такой дѣвушки не нахаживалъ!“

Ужь и что это за рябинушка,
За рябинушка, за кудрявая!
Что безъ вѣтру она да качается,
Ко сырой землѣ преклоняется».
„Ахъ ты сынъ ты мой, сынъ возлюбленный!
Ты возьми свою саблю острую,
Сруби эту ты рябинушку“.
Онъ разъ сѣкнулъ — она вздрогнула;
Онъ другой тюкнулъ — кровь ли брызнула;
Онъ третій тюкнулъ — слово молвила:
„Не рябину сѣчешь ты — молодую жену,
Не кудрявую — съ малыи дѣтками.»
Пришелъ домой, сталъ онъ спрашивать:
«А гдѣ моя молода жена?»
„Твоя жена, она гулять пошла“.
„А гдѣ мои малы дѣтушки?“
„Малыхъ дѣтушекъ съ собой взяла“.
«Не мать ты мнѣ, не рѣдная,
Змѣя ты мнѣ — змѣя лютая,
Ты мышъ ли, мышъ подвопенная!»

Дрозково. Малоарх. Уѣзда. Зап. М. А. Стаховичъ.

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою,
Надъ долиною, надъ широкою,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ...
Какъ повыше-то было села Юркина,
Какъ пониже-то было села Лыскова,
Протекала тамъ рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, славна Стерженка.
Что никто по ней не проѣзживалъ,
Никто слѣдику не прокладывалъ.
Что плыла косна лодочка,
Косна лодочка, все разбойничья.
На носу-то стоитъ эсауль съ багромъ,

На кормѣ-то стоитъ атаманъ съ ружьемъ,
Посередѣ лодки бѣль тонкой шатеръ,
Подъ шатромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица,
Говоритъ она таково слово:
„Ужь какъ мнѣ, молодой, мало спалося,
„Мало спалося, много видѣлось;
„Нехорошъ-то мнѣ сонъ пригрезился:
„Атаману-то быть повѣшену,
Эсауду-то быть застрѣлену,
Вамъ-то, молодцамъ, всѣмъ въ тюрьмахъ сидѣть,
Мнѣ-то дѣвушкамъ быть на волюшкѣ.

Изъ-подъ камушка
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
Ахъ, да вода чистая!
Какъ по той рѣчкѣ плыла лодочка,
Хорошо лодка изукрашена,
Свинцомъ, порохомъ изунизана.
Какъ на той лодочкѣ девять молодець,
А десятая красна дѣвица,
Атаманова любовница,
Что родимаго-то брата душегубница:
Что зарѣзала своего брата,
На ножѣ сердце вонъ повинула,
На ножѣ сердце встрепенулося —
Красна дѣвица усмѣхнулася,
Усмѣхнувшись, она слезно всплакнула.
Атаманъ дѣвку уговаривалъ,
Уговаривалъ — самъ обманывалъ:
„Ты не плачь, дѣвка, не тужи красна,
„Я свезу-то тебя къ отцу, къ матери,
„Ко всему-то твоему роду-племени“.

Изъ падъ Питера
Изъ падъ горада
Пратекала рѣчка,
Рѣчка быстрая.
Какъ на той рѣчкѣ,
Тамъ судно плыветь.
Харашо было судно изукрашена,
Маладцами все усажена;
На ванцѣ лодки
Сидить атаманушка;
Пасирѣдъ лодки —
Красная дѣвушка;
На вармѣ стаять
Часовой салдаты.
„Охъ вы, други май,
Вы, таварищи!
Я видѣла сонъ:
Расплеталася
Мая коса русая,
Выпадала мая
Лента алая,
Разсыпался мой
Залотъ перстень“.
„Атаманушки быть
Убитаму;
Краснай дѣвушки
Быть павѣшенной;
Чесавому салдату
Быть зарѣзану“.

Орловской. Губернш.

Какъ поѣхалъ князь Михайло во царскую во службу,
Во царскую во службу, на великую нужду,
Покидалъ свою княгиню, молодую Катерину;
Онъ приказывалъ княгинѣ, своей матушкѣ родной:
„Охъ, ты матушка родна, береги молодую княгиню,
Береги ты мою княгиню, молодую Катерину.“

Ты корми мою княгиню крупичатыми калачами,
Ты пон мою княгиню сытѡю медовою“.
Не успѣлъ князь со двора съѣхать, его добрый конь спотынулся,
Съ него бархатная шапочка свалилась;
Ужъ какъ тутъ-то князь Михайло, онъ вспомнилъ,
Какъ вспомнилъ ли, горько князь восплакнулъ:
„Ахти! дома у меня нездорово,
Моей матушки родной не стало,
Либо моей молодой княгини —
Молодой княгини, Катерины“.
Его матушка родная
Жарку банюшку топила,
Горючь камень разжигала,
Молодую княгиню погубила::
Бѣлы груди ей разрѣзала,
Молоденца вынимала,
На горючий камень клала.
Какъ пріѣхалъ князь Михайло, его матушка встрѣчаетъ,
Его матушка встрѣчаетъ, за бѣлы руки примааетъ,
За дубовый столъ сажаетъ:
„Ахъ ты, матушка моя родима,
Гдѣ моя молодая княгиня?“
„Молодая твоя княгиня пошла Богу молиться“.

Ужъ вы горы, горы крутыя!
Ничего въ горахъ ни породило,
Только породило кустъ ракитовый.
Ужъ на этомъ кустѣ сидитъ младъ сизѡй орелъ;
У когтяхъ держитъ чернова ворона,
Онъ бить не бьетъ, только спрашиваетъ:
„Гдѣ воронъ былъ, гдѣ черный былъ?...“
„Я былъ, побывалъ на саратовскихъ степяхъ,
Я видѣлъ *чуду диокую*: тамъ лежитъ тѣло бѣлое,
Никто въ тѣлу не пристунается... пристунались три *пташки*:
Первая *пташечка* — родная матушка,
Вторая *пташечка* — родная сестрица,

Третья пташечка — молода жена.
Гдѣ мать плачетъ — тамъ рѣчка прошла,
Гдѣ сестра плачетъ — тамъ колодези,
Гдѣ жена — тамъ роса стоитъ.
Солнышко взойдетъ — роса опадѣтъ“.

Не взвивайся, мой голубчикъ,
Выше краснова окна,
Вотъ хрустальнова стекла.
Мнѣ такъ тошно,
Мнѣ такъ грустно
Жить дѣвушкѣ сиротой,
При дорожкѣ при большой,
Безъ матушки безъ родной...
Звала, звала дѣвка парня
Во чисто поле гулять;
„Пойдемъ, пойдемъ, мой голубчикъ,
„Во чисто поле съ тобой.
„Бери, бери, мой голубчикъ,
„Свой тонкой бѣлой шатеръ;
„Раскинь, мой голубчикъ,
„По чистомъ полю шатеръ.
„Приляжь, приляжь, мой голубчикъ —
„Я въ головѣ поищу
Русы кудри расчешу.
Стала кудерки часать,
Сталъ малодчикъ засыпать.
Засни, засни, мой голубчикъ,
У дѣвушки на рукѣ,
На кисейномъ рукавѣ
Да на златомъ перстенѣ,
На персидскомъ на коврѣ.
Какъ проснулся, пробудился
Во русы кудри хватился —
Нѣтъ ни русыхъ ни кудрей,
Ни дѣвушки, ни шатра,
Ни кисейнова рукава,

Ни золота перстена,
Ни персидскова ковра,
Нѣтъ ни ворона ко́ня,
Ни черкаскова сѣдла.

Ужъ ты день, ты мой денѣчикъ,
День прекрасный дорогой,
Проходи день поскорѣе,
Унеси мою тоску...
Охъ! да ужъ я съ той тоски,
Со кручины пойду въ темные лѣса;
Охъ! да ужъ я вскрикну своимъ
Громкимъ, тонкимъ голосомъ своимъ:
Охъ! да ужъ, вы лѣсы, вы дубравы,
Наклоняйтесь ко мнѣ!
Охъ! да ужъ вы пташки, вы пернаты,
Всѣ слетайтесь ко мнѣ;
Охъ! да ужъ вы звѣри, вы люте,
Собирайтесь ко мнѣ!
Охъ! да вы терзайте мое тѣло
И дѣлите по частямъ.
Охъ! да вы оставьте во мнѣ, звѣри,
Ретиво сердце одно.
Охъ! да вы несите мое сердце,
Ково я вѣрно люблю;
Охъ! да пусть мой
Миленькой галубчикъ
Пожалѣетъ обо мнѣ.

У воротъ сосна раскачалася,
Ай люли, люли, раскачалася.
Бѣлая Дунюшка разыгралася.
Какъ боярскій сынъ на крыльцѣ стоитъ,
Какъ боярскій сынъ Дунѣ рѣчь говорить:
„Поиграй, Дунюшка, поиграй бѣлая,

Я тебя, Дунюшка, жить къ себѣ возьму.
Бѣлая Дунюшка испужалася;
Какъ со вечера голова болить,
Ко полупочи — она пона просить,
Ко бѣлу свѣту — нѣту Дунюшки.
Какъ въ Москвѣ звонять ко обѣденѣ,
Бѣлую Дунюшку хоронить несутъ.

На что жъ меня матушка
На горе родила,
Не собравшись съ разумомъ
Замужъ отдала?
Чужая сторонюшка
Безъ вѣтру сушить,
Чужой отецъ съ матерью
Безъ вины журуютъ.
Свинусь я, младшенька,
Горькою пташкою,
Я горькою птапечкой,
Я кукушечкой,
Полечу я младшенька,
На свою сторону,
На свою, млада, сторонюшку —
Къ батюшкѣ въ садокъ;
Сяду жъ я на яблоньку
На гудрявенькую,
Заваю кукушечкой —
Весь садъ заглушу;
Горючѣй слезой, матушка,
Весь садъ затоплю.
Увидала ли матушка
Съ висока терема:
„Родимья дѣтушки!
Что за птапечка?
Да что то за птапечка
Въ зеленѣмъ саду?

А и братецъ говоритъ:

„Пойду застрѣлю“.

А сестрица говоритъ:

— „Пойду посмотрю,

Не наша ли горькая

Съ чужой стороны?“

Орловской Губ. Малоархангельскаго Уѣзда.

—
Калина съ малиною раннѣмъ-рано распвѣла,
На ту пору мѡлоду меня мать родила;
Не собравшись съ разумомъ, въ чужи люди отдала;
Велѣла мнѣ матушка семь лѣтъ не бывать;
Родимый-то батюшка — хоть вѣкъ не видать.
Годочикъ я прѡжила, другой прожила,
А третій годочикъ во слезахъ провела.
А вскинулся пташечкой — кукушечкою,
Полечу на батюшкину на сторонку,
Сяду я на яблоньку въ зеленомъ саду,
Запою на яблонькѣ жалкимъ голосомъ.
„Что эта за пташечка у насъ во саду?“
Большой то братъ говоритъ: „Семь я поймаю“,
Средній братъ говоритъ: „Семь я застрѣлю“,
Меньшой то братъ говоритъ: „Семь я посмотрю“.
„Не наша ли горькая съ чужой дальней стороны?“
Большому ли брату-то — во солдатахъ быть,
Среднему ль брату-то — во разбойникахъ,
Меньшому ли брату-то со мной домомъ жить“.

—
Что мнѣ, маменька, тошненько,
Государыня, родимая, тяжеленько !
На роду жь таковое не бывало:
Мнѣ *идчесь* тоска нападала,
Нападала тоска-печаль не мала
На мою ль же побѣдну головку,
На мое ль же ретивое сердечко

Архангельск. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

Ни сиди-тко, Дунюшка, поздно съ вечера,
Ты ни жги ль, Дунюшка, огня до бѣлова дня,
Что до бѣльничкова до денѣчка, до краснова солнышка.
Что на утриній-та зарѣ Дунюшка притомилася.
На тесовенькую кровать спать Дуня лажилася.
Что повидѣлся Дунюшки сонъ, сонъ нерадостянь,
Ни про батюшка Дунюшки сонъ, ни про роднѹя матушку,
Што повидѣлся Дуни сонъ про милѹ дружка,
Про милянѣгаго дружка Дуни, только пра Иванушка.
Вотъ сказали только про него во даляхъ живеть,
Во даляхъ живя, только въ Новгородѣ,
Ни работушку работатъ, работу тяжелаю,
Да ни въ Питерѣ жилъ, ни въ славной Москвѣ,
Что живеть-то, мой милой, въ Новгородѣ,
Ни въ работникахъ работатъ работу тяжелую.
Ни въ работникахъ жила — самъ хозяиномъ.
Ставить миленькай, ставить дома каменны.
Прислалъ-то миленькай пѣсьмо онъ, посылочку,
Ёнъ прислалъ ко мнѣ посылочку — розову косыничку,
Ёнъ не новую прислалъ: старую совсѣмъ поношена.
Вотъ велѣлъ миленькой носить, прежде вымати,
Ни въ рѣчной-то воды мыть, ни въ колодешной.
Ёнъ велѣлъ, родименькой-то, смыть въ горячихъ-то слезахъ.

8 декабря. Спасо-Пископецъ. Пѣлъ ловець Леонтій Ивановъ.
Новгородск. Уѣзда.

Ужъ ты Дуня, Дунюшка,
Дуня прежняя любушка,
Не сиди-ка ты, Дуня,
Долго вечеромъ
Ужъ не дуйка ты, Дуня, огня
До бѣлова дня,
До краснаго что до солнушка.
Когда солнушко взойдетъ —
Роса высохнетъ.
Ужъ ложилаь Дуня спать
На бѣлой-то зарѣ

Спать ложилася.
Ужъ приснился Дунѣ сонъ
Ни про батюшку, ни про матушку,
Про мила-то дружка, дружка про Иванушку :
Какъ мой-то Иванъ, Иванъ во далѣ живеть,
Работу что работаетъ, работу тяжелую.

Ты подуѣ, подуѣ погодушка,
Немаленькая,
Ты раздуй, раздуй рябинушку
Кудрявинькую.
Поилъ, кормилъ свою любушку
Прочилъ за себя;
Доставалась моя любушка
Иному, не мнѣ.

Тверь (пѣли бурлаки).

Охъ, ты воля, моя воля, воля дорогая,
Ты воля дорогая—дѣвка молодая!
Во Москвѣ дѣвка гуляла, красоту теряла,
Красоту дѣвка теряла, въ неволю попала.
Скучно, грустно красной дѣвкѣ въ неволѣ сидѣти,
Въ неволюшкѣ сидѣти, въ окошко глядѣти.
Мимо этого окошка лежитъ путь-дорожка;
Какъ по этой по дорожкѣ мой миленькой ѣдетъ.

Сабурово. Малоарх. уѣзда.

Ужь ты воля моя, воля, воля дорогая,
Ужь ты воля дорогая, дѣвка молодая!
Дѣвка по торгу гуляла, красоту теряла,
Красоту дѣвка теряла, въ острогъ жить попала.

Тошно, грустно красной дѣвкѣ въ острогѣ сидѣти,
А еще того тошнѣе въ окошко глядѣти.
Мимо этого окошка лежала дорожка;
Какъ по этой по дорожкѣ много идутъ, ѣдутъ,
Моего дружка, Ванюши, его слѣду нѣту.
За быстрою за рѣкою Ванюша гуляетъ,
Тамъ мой Ванюшка гуляетъ, товаръ закупаетъ,
Товарѣ Ваня закупаетъ купеческой дочкѣ!
Ужъ и то-то мнѣ досадно, хоть была бы лучше;
Развѣ тѣмъ-то она лучше, что коса длиннѣе,
Что коса у ней длиннѣе и брови чернѣе.

Въ Москвѣ. Записана Т. И. Филипповымъ.

Ты не пой, не пой, соловьюшко, не пой рано весной,
Не давай-то мнѣ надзолушки сердцу моему:
И такъ мое сердечушко изныло во мнѣ.
Изъ-подъ бережка, изъ-подъ крутаго вода не течетъ,
Изъ-подъ камушка, изъ подъ бѣлаго вода ключомъ бьетъ.
За рѣченкой за быстрою зелень садъ растетъ;
Во этомъ ли во садикѣ черень цвѣтетъ,
Несозрѣлую, непоспѣлую нельзя заломать,
Не сосватавшись красну дѣвицу нельзя замужъ взять.
Я повыгляжу, да повысмотрю — я тогда возьму...
Съ того крыльца ведутъ къ вѣнцу красну дѣвицу,
Одинъ ведетъ за рученьку, другой за другую,
Третій стоитъ, слезы ронитъ: любилъ да не взялъ.
Досталася сударушка другому, не мнѣ.
„Красавица-забавница, простимся со мной“.
— Я рада бы простилась — кони не стоятъ,
Извознички коломенски не смогутъ держать.
„Красавица-забавница, взгляни на меня“.
— Я рада бы взглянула бы — глаза не глядятъ.
„Красавица-забавница, платочкомъ махни“.
— Я рада бы махнула бы — платка въ рукахъ нѣтъ!

Ахъ, что есть ли въ полѣ за травушка,
За муравушка.

Она день ли цвѣтеть — ночь алѣется,
По чисту-то полю разстиляется...

Что по мнѣ мой милой дружокъ сокрушается...

Что за милый другъ — да что за душа моя...

Искушилъ-то милой меня суше травушки;

Ужъ какъ той ли травы — травки подпошенинкой.

Не спалось-то мнѣ, молодой, ночь темную.

На бѣлой-то я на зарѣ, млада, чуть забылася.

Не хорошъ-то мнѣ сонъ — мнѣ сонъ во снѣ видѣлся:

Будто мой высокъ теремъ — теремъ растворень стоитъ;

Всѣ окошечки — окна вонъ повынуты,

Всѣ окошечки — окна распечатаны.

Ужъ какъ тѣ ли милой сидитъ собирается:

„Ты куда, милой, собираешься?“

Во какую путь-дороженьку, милой, отправляешься?“

Пойду, молода, тишкомъ лужкомъ,

Тишкомъ, лужкомъ, бережечкомъ;

Нарву, молода, я цвѣточковъ,

Я цвѣточковъ — василѣчковъ,

Совью, молода, я вѣночкѣ,

Пойду, млада, къ быстрой рѣчкѣ,

Брошу вѣнокъ вдоль по рѣчкѣ,

Позадумаю про милаго:

Какъ любить ли меня милый?

Мой вѣночикъ тонеть, тонеть,

Мое сердце поеть, поеть.

Сталъ вѣночикъ потопати —

Мое сердце замрати,

Сталъ милый другъ повидати.

Ой ты дѣвушка, дѣвченка!

Лицомъ бѣла, хороша;

Только жизнь моя несчастна,

Что влюбился я въ тебя.

Я несчастья не желалъ бы,

Свилъ бы брылышки себѣ,

Узвися я, полетѣлъ бы
На сторонку на еѣ;
Сѣлъ бы, палъ бы я къ дѣвченкѣ
На ея лѣво плечо,
Посмотрѣлъ бы на дѣвченку
На ея бѣло лицо.
„Что жъ ты, дѣвушка, дѣвченка,
Измѣнилась изъ лица?“
— „Небойсь парень, бойсь бравый,
Я до вѣку не смѣнюсь;
Кого люблю, любить буду —
На другихъ не посмотрю“.

Елецъ. Зап. М. А. Стаховичъ.

Соловьишко, соловей,
Молоденькой, маленькой,
Голосочикъ тоненькой!
Не пой тонкимъ, не пой звонкимъ,
Не пой рано по зарѣ
Въ своемъ зеленомъ саду.
Объ чемъ тошно, объ чемъ грустно? —
Жаль сударушку свою.
Сударушка, дѣвушка,
Отдѣлилась, отбрела,
За двѣнадцать городовъ,
За двѣнадцать, за тринадцать,
За четыре ровно ста;
За четыре, за пятьсотъ,
За матушку, за Москву.
По Москвѣ мальчикъ гулялъ,
Самъ во скрипочку игралъ,
Солдатушковъ забавлялъ,
Солдатушковъ забавлялъ,
Тужилъ, плагалъ, горевалъ,
Извозничковъ нанималъ,
Извозничка не нашелъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ,

Ко товарищу зашелъ.
„Ты, товарищъ, ты товарищъ,
Ты, товарищъ, родный братъ,
Сядь, подумаемъ со мной.
Подумаемъ, погадаемъ,
Котораго бы послать
Ко сударушкѣ моей:
Стараго ли спосылать —
Онъ до дома не дойдетъ;
Молодова ли послать —
Онъ не знаетъ что сказать“.

Ой ты, черной, чернобровый,
Молодецъ хороший,
Сложилъ мысли,
Сврѣпилъ сердце.
Не знаю какъ быть —
Про дружка забыть.
Милаго не забывать —
Могу написать.
Съ письмомъ пошлю человѣка:
Велю воротиться.
Воротиться негодится.
Авось умлится —
Заѣдетъ проститься.
Шелъ Ванюша въ полуночь,
Онъ искалъ слѣдочку,
Не нашелъ Ваня слѣдочка —
Онъ сталъ ко тыночку,
Простоялъ всю ночь.
Злы собаки набѣжали,
Ваню испугали;
Ваня сторонился,
Назадъ воротился.
Стоитъ Поля на крылечкѣ:
Не вытерпѣло сердечко —
Молвила словечко...

По шелковой по муравушкѣ
Торный слѣдъ пробить въ могильничку,
Пробивала слѣдъ тотъ дѣвушка,
Протоптала дѣвка красная.
Не къ отцу, да что не къ матери:
Тамъ, лежитъ путекъ-дороженька
Къ разудалу, добру молодцу,
Ко могилушкѣ мила дружка.
Ходить, ходить туда дѣвушка,
Полетъ, полетъ тамъ крапивушку,
Земляничку со клубничкою,
Поливаетъ все слезой своей.
Ахъ, расти, расти ты ягода,
Земляничка со клубничкою
Вокругъ камня, вокругъ бѣлаго,
На могилѣ друга милаго!
Ахъ, скажи ты ему, ягода,
Что взростила тебя мать земля,
Полила тебя слезою я,
Слезой горькой, слезой дѣвичей!
Вспомни, вспомни, другъ, въ сырой землѣ
Про свою сударку милую.
Встань ты, встань, другъ, изъ могилушки,
Глянь на ягоды на красныя,
На свою ты разсударушку,
На мое лицо на бѣлое.
Ахъ, не встать тебѣ, сердечный другъ!...
Разступись же ты, сыра земля,
Дай хоть глянуть мнѣ на милаго,
На его кости, на бѣлыя.

Зап. А. А. Григорьевъ.

Что у насъ-то было, братцы, въ рощицѣ,
Что ходилъ-то, гулялъ добрый молодецъ со всѣми приборами,
Что съ оружьецемъ, со саблею, съ большимъ мушкетантомъ;
Что со вечера, со полуночи поздно спать ложился,
По утру-то ранымъ-ранешенько ужъ онъ поднимался;
Умывался-то, добрый молодецъ, холодной росою,

Утирался-то онъ, добрый молодецъ, черною тѣткою.
Что пришелъ-то онъ, добрый молодецъ, къ братьямъ, къ товарищамъ:

„Вы здорово ли, братья-товарищи, спали-ночевали?
А какъ мнѣ-то, доброму молодцу, нынче не спалось,
Нынѣ-то мнѣ, доброму молодцу, много грезилъся:
Что ходилъ-то, гулялъ добрый молодецъ, да вдоль по лужку,
Что по кругу, по бѣлому берегу,
Что вкруг берега, братцы-товарищи, будто обвалился,
Уж и я-то ли, добрый молодецъ, будто бы скатился,
Что за горькую, за безчастную осину схватился,
Оттого я, братцы-товарищи, пробудился“.

Соловьишко, соловей, соловьишко молодой,
Чернобровый, черный, дорогой,
Не летай же далеко,
Не садися высоко,
Не пой рано на зарѣ,
По утренней по росѣ.
Не пой пѣсни жалобной —
И такъ тошно,
И такъ грустно молодцу,
Ни по матери, по отцу,
Я самъ знаю по чему;
Все потому по ней,
По сударушкѣ своей.
Сударушка, дѣвушка,
Лебедушка бѣлая,
Въ саду гуляла,
Со всѣхъ травъ цвѣты рвала,
Вѣночъ милому плела;
Не успѣла вѣнка сплести,
Вонъ изъ садика пошла.

Ахъ ты стой, моя сосенушка, ты стой не шатнись,
Не шатайся же, милая, не печалься,

Когда стошнится, взрустнется, напиши ко мнѣ письмо.
Я сама писать не умѣю, писарямъ не вѣрю;
Сама вздумаю, взгадаю, сама побываю.
Въ чистомъ полѣ, при долинѣ, стояло древо,
Стояло тутъ дерево, берѣзушка бѣлая,
Что тонкая, высокая, листомъ широкая.
Какъ на этой на берѣзѣ сидѣлъ сизъ голубчикъ :
Онъ ни самъ сизой голубчикъ, удалой молодчикъ;
Передъ молодцомъ дѣвица стоитъ, слезно плачетъ.
Молодецъ красну дѣвицу плавать унимаетъ :
„Не плачь дѣвка, не плачь, красна, не плачь дура глупа;
Если будешь тужить-плакать, больно бита будешь,
При мирѣ, при народѣ, въ большомъ хороводѣ“.

Не велятъ Машѣ на улицу ходить,
Не велятъ Машѣ молодчика любить,
Ей молодчика молоденькаго,
Неженатаго, холостенькаго.
Холостой парень — любитель дорогой,
Онъ не чувствуетъ любви, злодѣй, никакой.
Такова любовь на свѣтѣ горяча,
Горяча любовь — слезами она облита.
Какъ у Машеньки заплаканы глаза,
У красавицы затерто бѣлое лицо.
Вечоръ милый другъ гуляли съ тобой,
На другой вечеръ прибили меня за тебя,
За тебя ли, удалаго молодца.
Ужь я съ-гѣхъ-порѣ во постеляшку слегла,
Во постели три недѣли лежала,
На четвертую выздоравливать стала,
Я на патую во зеленый садъ пошла.
Мимо рощи, мимо зелена сада,
Пролежала путь-дороженька торна,
Что торна-торна, пробита она до песка.
Ужь и кто жь эту дорожку проторилъ —
Холостой парень ко дѣвушкамъ ходилъ,
Много злата, много сѣребра носилъ,

Безъ разсчета золотой казной дарилъ,
Какъ за это его батюшка бранилъ,
Какъ за эти за худыя за дѣла,
Какъ за эти за поздныя вечера.

Дѣвушки недруженьки, подруженьки вы мои,
Приходите вы ко мнѣ посидите у меня.
Спросите у батюшки вы меня въ гости въ себя,
Тамъ сидѣть отъ матушки, во велемый садъ гулять.
Въ саду негодюшка — все листья шумять,
На вѣточкахъ пташечки промежь собой говорятъ.
Летѣлъ здѣсь соловьюшко, летѣлъ молодой.
Спрошу у соловьюшки, тужить ли по мнѣ милой,
Тужить ли, душа моя — а я по немъ завсегда.

Не хмѣль мою головушку влонитъ,
Хмѣлинушка въ головушку бродитъ,
Бродитъ-бродитъ да вонъ не выходитъ.
Пойду молода я вдоль долиноу,
Сломлю, молода, калину съ мадиноу.
На встрѣчу мнѣ казаченъко съ Дону.
Спрошу, спрошу у казака молодого:
Куда эта дороженька шла,
Куда шла, куды продегала?
Иль во темный лѣсъ, иль во чистое поле?
Въ темномъ лѣсѣ все день да колода,
Въ чистомъ полѣ, бѣлоярова ищеница,
Во шпенушкѣ, ракитовый кустикъ,
На кустикѣ соловьюшка свищетъ,
Меня молоду домой свекоръ влечетъ:
Хоть влечь, не влечь, я домой не буду;
Буду ль, нѣтъ ли, а завтра поутру.

Эй вы, камарики, вы сударики маи,
Вы за што, пашто вы кусаетя мие?
Ять кусаньца грудь, галовушка баять,
Ять галовушки я уся стала баяна,
Я баяна, баяна, вы настелюшки саягла,
Три нидѣли вы настели лаяла,
На читвертую въздаравливать стала,
Я на пятаю во зиленой садѣ нанла,
Въ зилиномѣ я дароженьку нашла,
Знаю, знаю, хто дарожку пратарилъ:
Маладой паринь, да онъ ка дѣушки хадилъ,
Многа злата, многа серибра насилъ
Бизъ расчету залатой казнои дарилъ,
Своей душички онъ тальянъ платокъ купилъ
А на шеюшку да ципочку съ земчужкомъ,
А на ручушку да онъ золать перстенекъ

Собурово. Мадарх. у. сент. 1858 г.

Зелено вино въ бармацѣ,
Сахаръ во бумацѣ:
Зелено вино шельгъ
Сахаръ на залуску.
Промежду собой братьяи
Жеребей метали:
Кому деньги, кому чдалье,
Кому красна дѣва?
Доставались деньги Мишицѣ,
Цвѣтно платье Гришкѣ,
Удалому, холостому,
Красна дѣвица.
Знать у милаго
Два сада зеленыхъ:
Во первомъ саду-садочку
Поеть птица яванка,
Спишу пташинъ голосочикъ
На тонкѣй листочикъ,
Что на тоненькой листочекъ

На бѣлу бумажку,
Отошлю ли листочикъ
Въ дальный городочикъ.
Въ дальный, дальный городочикъ
Къ своему милому.
«Ты велишь ли, моя радость,
Хорошо ходити?»
„Ходи, ходи, любезная,
Ходи хорошенько!
Не ходи, моя милая,
Къ сосѣду въ бесѣду:
У сосѣда во бесѣдѣ
Всѣ сидятъ холосты.
У холостыхъ глаза востры,
Сами завидуши.
Холостъ ходитъ — глаза взводятъ,
Изъ ума выводитъ;
Черны брови надымаетъ —
На дворъ вызываетъ.
На дворъ, на дворъ вызываетъ
Подарокъ даетъ,
Онъ подарочекъ даетъ —
Персидской платочекъ;
Во платочкѣ въ узелочкѣ
Золото колечко
Золотое, навитое,
На праву на ручку,
Что на правую на ручку
На середній пальчикъ.

Шингелъ. Запис. С. В. Максимовъ.

Какъ у нашего сосѣда
Собрана была бесѣда
Очень хороша,
Весьма пригожа.
Мнѣ случилось идти,
Я не могъ мимо пройти,

Сталъ да постоялъ,
У окошка постоялъ.
Дѣвка бросилась въ окно,
Отвѣчала за одно,
Съ кѣмъ же ты стоишь,
Съ кѣмъ же говоришь?

Пшяга. Зап. С. В. Максимовъ.

Первый день понедѣльникъ,
Развеселый овторникъ,
Сива, сива среда
Полевой день четвертокъ,
Соловая была пятница!
Горожанка была дѣвица,
Въ городу дѣвка родилася,
На посадѣ была сроцена,
Калачами была скормленая,
Въ деревню замужъ выданная,
Въ деревеньку, во пустыньку,
За крестьянина богатеньбаго,
За дѣтинушку тороватеньбаго.

Арх. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

Отдавала меня матушка молодую замужъ,
Охъ-охъ-охъ-охъ-охъ-охъ-охъ-охъ!
Молоду больно замужъ и не въ малую семью,
Охъ...
Не въ малую семью — не въ согласную.
Охъ...
Какъ свекоръ, да свекровь, да четыре деверья,
Охъ...
Три золовушки, да двѣ тѣтушки.
Охъ...
Какъ свекоръ говоритъ: вотъ медвѣдицу ведутъ.
Охъ...

Какъ свекр овъ говоритъ: вотъ люта-то змѣю.

Охъ...

Деверья-то говорятъ: вотъ не тѣжу ведутъ.

Охъ...

А золовки говорятъ: вотъ не пряжу ведутъ.

Охъ...

Двѣ тетки стоятъ, все меня младу бранятъ.

Охъ...

Прикажи-ко, свекоръ батюшко, по горенкѣ пройтить,

Охъ...

По горенкѣ пройтить, слово выговорить:

Охъ...

Какъ медвѣдица — то, батюшко, въ темномъ лѣсу живетъ,

Охъ...

А люта-то змѣя — то свекровь-то моя,

Охъ...

Деверья-кобеля у васъ жены таковы,

Охъ...

А золовки, вы плутовки, вамъ самимъ замужь пойтить.

Охъ...

Двѣ тетушки — двѣ лебедушки,

Охъ...

Я поставлю на порогъ, да въ три шен до воротъ:

Охъ...

Вамъ нечего въ чужой семьѣ указывать.

Охъ...

Какъ свекоръ на печи, что кобель на цѣпи,

Охъ...

А свекровь-то на палатяхъ, словно сука,

Охъ...

Мужъ на лавкѣ сидитъ, на меня косо глядитъ:

Охъ...

Хоть косись, не косись, не боюсь я тебя.

Охъ...

Мужъ руку отвелъ, по щекѣ меня оплегъ,

Охъ...

А я руку отвела, по всей харѣ оплегла!

Охъ...

Молодка, молодка, молодая,
Разлапушка свѣтикъ-свѣтикъ дорогая!
Перестань ты, молодка, по улицѣ ходить,
Перестань ты, молодка, черну грязь топтать,
Какъ же мнѣ, молодкѣ, мимо не ходить,
Такого милаго еще не нажити:
Хорошъ, прихожъ милый милый уродился,
Онъ ростомъ-дородствомъ, своей красотой,
Своей молодецкою, мой милый, поступкой.
Вечеръ-то я съ милымъ, съ милымъ побранилась;
Побранка была съ нимъ у насъ небольшая,
А только крупная была поговорка:
Разсукинымъ сыномъ его называла.
Ужъ какъ бы мнѣ съ милымъ, съ милымъ помириться?
Самой покориться — словно не годится,
Людей засылать будто мнѣ не кстаети;
Дождусь я, молодка, дождусь поры-время,
Я той поры-время, самой темной ночи;
Самой, темной ночи, ночи полуночи,
Сама я въ милому дружку побываю,
Самъ я милому въ глаза попеню:
Не слушайся, милый, разума чужаго,
Разума чужаго, чужихъ наговоровъ;
Чужи люди, милый, только насъ смущаютъ,
Съ тобою насъ, милый, они разлучаютъ.

Знаменитѣе въ Москвѣ.

У Пелькова у купца
Была дочь хороша,
Свѣтъ Дуняша хороша.
Какъ повалилась Дуняша
Въ особливой спальнѣ спать,
Съ одной нянюшкою
Съ Татьянушкою,
Со Пелькова со двора
Младой принцъ пріѣзжалъ,
Штофикъ рому привозилъ,

Авдотьюшку угостилъ,
Онъ съ собой гулять возилъ.
Родной батюшка хватался,
По всѣмъ горницамъ бросался,
У сосѣдей колотился:
Вы сосѣди, вы сосѣди,
«Вы сосѣдушки мои!
Не видали ли, сосѣди,
Вы Дуняши моей?» —
— Мы видать-то не видали,
Только слышали про ней:
Спать у принца на рукѣ,
На суконномъ рукавѣ.»
Родной батюшка идетъ,
Вдоль по улицѣ ведетъ,
По бѣлому лицу бьетъ,
Приговариваетъ:
«Ты не будь такова,
Какъ моя прежняя жена,
Твоя матушка родна».

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

Ахъ по мосту, мосту по калиновому,
Ай люли, ай люли, да по калиновому,
Тамъ и шелъ прошелъ дѣтинка
Голубой на немъ кафтанъ.
Ай люли...
Голубой, съ галуномъ, поны машутся на немъ;
Поны машутся, раздуваются.
Подъ косящетымъ окошечкомъ
Ровняется бурлакъ;
Подъ косящетымъ окномъ полотно
Дѣвка ткала и катала,
За окошко отпускала:
«Погъзай, милой, въ окно —
«Не сорвется полотно!»
У сосѣда изъ окна

Увидали молодца.
Не купеческій отецъ
По ночамъ въ окошко дѣзъ;
У него денегъ на маѣ—
Одинъ рубличекъ въ карманѣ.
Рубля денегъ не берутъ,
Къ городничему ведутъ.
Городничій господинъ
За столомъ сидитъ одинъ,
Онъ все судитъ, онъ все рядитъ...
Вину на дѣвицу кладетъ.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимова.

Трубка вилася, вилася
Вывела сестру приголубку,
Садилася голубка на лавку,
На лавочку подъ окошко.
Прилетѣлъ голубокъ на окошко,
Началъ голубокъ ворковати,
Всякими съ сыками (зыками),
Молодецкими словесами.

Ахъ, тоненькая,
Высокая моя,
Фигурная, мизирная моя
Пришпахтирна
Натуральненькая!
Ты какъ золото
Катаешься!
Скатень жемжугъ
Разсыпается...

Ты воспой, воспой младъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.

Сидитъ молодецъ въ темной тѣмницѣ,
Въ темной тѣмницѣ — заключеньицѣ;
Пишетъ онъ грамотку къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ.
Охъ ты матушка, родной батюшко!
Выкупи, выручи добраго молодца,
Добраго молодца изъ темной тѣмницы;
Какъ отецъ-то и мать отказалися,
Всѣ сродники отступаются.
Ты воспой, воспой, милъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Сидитъ молодецъ въ темной тѣмницѣ
Въ темной тѣмницѣ въ заключеньицѣ,
Пишетъ грамотку къ красной дѣвицѣ,
Къ красной дѣвицѣ — прежней полюбовицѣ:
„Выкупи, выкупи добраго молодца,
Ахъ ты душичка, красная дѣвица,
Ты прежняя моя полюбовница!“
Красная дѣвица горько всплакнула,
Горько всплакнула, слово молвила:
„Охъ, вы нянюшки, мои мамушки!
Вы берите скорѣй золоты ключи,
Отпирайте вы кованы ларцы,
Вы берите казны сколько надобно,
Выкупайте добраго молодца,
Добраго молодца изъ темной тѣмницы,
Изъ темной тѣмницы — заключеньица“.

Соловьишка маленькой,
Голосочикъ тоненькой,
Ни пой тонко, ни пой звонко
Въ моемъ зеленомъ саду.
Ни такъ тошно, ни такъ грустно
По сударушкѣ своей.
Сударушка дѣвушка
Удаллася, отепла
За четыре равно ста,
За четыре, за пятьсотъ,

За двѣнадцать городовъ,
За двѣнадцать, за тринадцать
Въ славный городъ Петербургъ.
По Москвѣ мальчикъ гулялъ ли,
Извозничковъ нанималъ.
«Извозничекъ, братецъ мой,
Сядь подумаемъ со мной.
Ну, и какъ же, братцы, быть,
Ково жь дѣвушкѣ послать:
Если старова послать —
Онъ ни дойдетъ до двора;
Если малова послать ли,
Онъ ни знаетъ, что снзавать;
Еслибъ ровнюшку послать ли —
Онъ сямъ охочъ гулять.

Сабурово. Малозрх. Уѣзд. сент. 1858.

Ужь ты Ванюшка, Ванюша,
Ваня, миленькой дружочикъ,
Ай ляй, ай, ляли
Али ляли, али ляли.
Что ты въ гостюшки не ходишь,
Па рублю денегъ не носишь,
Па червонцу золотому?
«Я бъ радъ, душа, ходити,
По рублю денегъ носить,
Да ворота скрипчивы
А сабаки брехливы,
А семья-то бранчива». «Мы сему дѣлу поможемъ:
Мы калинь мостикъ положимъ;
Въ подворотню ставанъ масла,
А сабакамъ полоть мяса,
На семью-то сонъ напустимъ».

Сабур. Малозрх. у. сент. 1858.

По мосту, мосточку,
По калиновому,
По калинову мосточку,
По малиновому,
Туды шель прошелъ дѣтина,
Голубой на немъ кафтанъ,
Полы машутся;
Что грязетовый камзольчикъ
Раздымается.
На немъ миткальная рубашечка
Бѣлается;
Околь шеечки платокъ
Будто аденькій цвѣтокъ,
Во карманѣ-то другой —
Тотъ альянской дорогой.
Во правой-то рукѣ стросточка
Серебряная.
Околь стросточки ленточка
Пакетовая.
Онъ стросточкой подпирается,
Пакетовой лентой похваляется:
Эта лента, эта лента,
Эта ленточка ала —
Мнѣ любезная дала;
Чтой дала, дала любезна,
Пожаловала.
Спустила сухоту
По моему животу.
Разбѣяла печаль
По моимъ яснымъ очамъ.
Заставила ходить
Меня по ночамъ;
Приневолила любить
Чужу — мужную жену.
Чтой чужа — мужная жена
То разлапушка моя
Что и своя — мужная жена
Осока да мурава
Въ полѣ горькая трава,

Бѣла рѣпица росла;
Безъ цвѣточиковъ цвѣла.

Устьцымля, Мезенск. у. зап. С. В. Максимовъ.

Какъ болить то ли болить у мужа головка,
На чужихъ то ли глядя на женъ на хорошихъ,
Что на дѣвокъ то ли, дѣвокъ на пригожихъ.
У меня то ли жена, жена некорыстна,
Не корыстная жена, ахъ да не по мыслямъ.
Куда поплешь то жену — ее не доплешься;
Хоть доплешься то жену — ее не дождешься.
Какъ придетъ то ли жена да правды не скажетъ,
Она стелеть постелюшку — сама слезно плачетъ,
Во зголовнице кладетъ — она возрыдаетъ,
Свово прежняго дружка она вспоминаетъ!

Добрый молодець похаживаетъ,
Калену стрѣлу навязываетъ...
Ты лети, лети калинова стрѣла
Выше лѣсу по поднебесью,
Ниже солнца, по сырой землѣ,
Ты убей, убей калинова стрѣла
На полетѣ — яснаго сокола,
На походѣ удалаго молодца,
Сѣру утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
Сиза голубя на каменной стѣнѣ,
Красну дѣвицу въ высокомъ теремѣ.
Сѣра утица — ѣства моя,
Красна дѣвица — невѣста моя,
Сизый голубь — забавушка моя,
Доброй молодець — досадушка моя.

Сказали про молодца, что онъ не живъ, не здоровъ,
Сказали про удалаго, что онъ безъ вѣсти пропалъ.
Вечоръ, вечеръ молодець, вдоль онъ улицы прошелъ,
Любимую пѣсенку, шибко, громко просвисталъ,
Ко мнѣ, красной дѣвицѣ, въ теремъ голосъ подавалъ,
Чтобъ я красна дѣвица, не дремала бѣ, не спала,
Ждала бѣ, дожидалася къ себѣ милаго дружка.
Хотѣлъ придти милый другъ во двѣнадцатомъ часу,
Пришелъ, пришелъ молодець, онъ на утренней зарѣ.
Стучить, гремитъ молодець, подъ косящетымъ окномъ.
„Ахъ, спишь ли ты, дѣвица, или такъ съ горя лежишь?“
— Ахъ, что же ты, милый другъ, вечеръ долго не бывалъ?
„Затѣмъ, за сѣмъ дѣвушка, позамѣшался въ дому,
Съ худою женою-то у насъ побраночка была,
Бранила она, бестія, тебя мой другъ, и меня:
Тебя красную дѣвицу, очень дурно назвала.
Ужь я то и билъ шельму — чуть живу на свѣтъ пустилъ“.
— Не бей, не бей, молодець, ты свою худую жену!
Съ худою женою-то тебѣ вѣкъ съ ней вѣковать,
Со мной, съ красной дѣвушкой, одну ночьку ночевать.
Сѣдай, сѣдай, молодець, свою вѣрона коня,
Сѣзжай, сѣзжай, молодець, со широкаго двора!...
Сама жъ ему красна дѣвица насмѣялася въ глаза.

Ахъ женитьба ты моя, женитьба несчастная!
Что взялъ-то, я взялъ жену некорыстную,
Некорыстную жену, охъ, да не помислять:
Не велить-то мнѣ жена ходить на улицу,
А сама ли со вечеру собирается,
Со полуночи гулять отправляется,
Ко бѣлу свѣту домой возвращается...

Ахъ, матушка, тошно мнѣ — голова болитъ,
Сударыня, грустно мнѣ — сердечко ноетъ...
Болитъ моя головушка — не знаю какъ быть.
Сяду я на лавочку, погляжу ль въ окно,

Погляжуль въ окошечко — на улицѣ дождь,
На улицѣ дождичикъ, во полѣ туманъ,
Во полѣ большой туманъ — туманъ затуманился,
А мой-то любезный другъ припечалился,
Припечалился, душа моя, призадумался.
Вечоръ вечеръ милый другъ у дѣвушекъ былъ,
У дѣвушекъ былъ, про меня забылъ.
Привель съ собой душечку онъ лучше меня,
Забылъ совсѣмъ милый другъ, забылъ про меня.

Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить,
Пришло времечко начало мое сердце крушить:
Жаль не вижу любезнаго дружка своего,
Которой день его вижу — вижу, молода,
Тотъ денечикъ — очень весело млада хожу,
А не вижу я — во постелюшкѣ съ горя лежу,
Всѣ подушечки слезами, млада, ободлю,
Изголовьице объ стѣнку млада разобью...
Какъ у насъ было во нынѣшнемъ году
Уродилось много ягодъ — ягодъ во бору.
Заблудилась красная дѣвушка въ темномъ дѣсу.
Выходила ли на Дунай быстру рѣку,
Становилась на крутенькомъ она берегу,
Вынимала сладкой водки, водки полуштофъ
Она кликала перевозчика парня къ себѣ:
„Перевозчикъ, перевозчикъ, парень молодой,
Перевези меня на ту сторону домой,
На ту сторону, на батюшкину.“
„Красна дѣвица — перевозъ мой будетъ дорогой“.
„Добрый молодецъ, что ты хочешь то бери“.
„Красна дѣвица, поди замужъ замужъ за меня.“
„Добрый молодецъ, это воля, воля не моя,
Это воля — воля батюшки.
Я одна дома у батюшки своєю была
Во всемъ городѣ красавицей млада слыла“.

Какъ у молодца разудалаго — печаль тоска небывала
Молодая его хозяйшка — она захворала:
„Ты хворай хворай жена потрудиѣ,
Ты умри умри, жена, поскорѣ:
Я пойду то пойду въ рощу сосновѹю
Я срублю срублю-то горенку новѹю,
Я сложу сложу печку муравѹю,
Я возьму возьму жену молодѹю,
Малымъ дѣтушка мачиху лихѹю.
Какъ расплачутся дѣтушки малыя.
Ты сгори сгори горенка новѹя,
Распалися ты печка муравѹя,
Ты умри умри мачиха лихаа,
Ужъ ты встань очнись матушка родная.

Не бѣлая-та заря зорюшка занималася,
Не краснѹ-та солнышко высоко взошло.
Летать-та соколъ, соколикъ онъ вылѣтывалъ
У иво крылушки примахалися,
Рябья перья, перушки яво распутлялися
На моемъ-то миломъ кудерки завивалися,
Что на эти вудри дѣвушки дивовалися.
Какъ одной дѣвушки замужъ-то захотѣлося.

20 июля 1858. Елец. Уѣзд.

РУССКІЯ ПѢСНИ

ИЗЪ СОБРАНІЯ

П. П. ЯКУШКИНА.

III.

ЛИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Ужь ты гулюшка, голубокъ,
Гуля, сизинькой воркунокъ;
Не летай, гуля, во поле,
Не залетывай далеко,
Не замахивай слѣдочку.
Ужь ты Ванюшка, Ванюша;
Ваня, миленькой дружочекъ.
Проторилъ Ваня дорожку,
Черезъ рѣченьку на горку;
Ко настасьиному подворью,
Ко Настасьи-то къ окошку;
Ужь ты, Настинька, Настасья,
Ты открой, душа, окошко!
Я бы рада бы открыла:
Въ маво батюшки есть гости,
Въ моей матушки старушки,
У большой *сестрь* подружки.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858 г.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садку зеленаго,
Выходила туча грозная,
А другая не погожая,
Со дождями со морозами,
Со снѣгами, со глубовими.
Дочь у матери въ гостяхъ была;
Дочь отъ матери поѣхала,
Поѣхала не простилася,
Середъ лѣса становилася,
Середъ лѣса, середъ темнаго,
Противъ кустива равитова,
Съ соловьями думу думала,
Съ молодыми рѣчь говорила:
Ты лети-ко мой солдовьюшекъ,
На родимую на сторону,
Сважи батюшекъ низкѣй поклонъ,
А матушкѣ человетьнице:
Чтобы матушка не плакала,
На чужихъ то дѣтей гляючи,
Ко своимъ примѣняючи,
То-то матушка неволюшка,
Чужа дальняя сторонущка,
Безъ вѣтру сушить — крушить,
Какъ чужой то отецъ съ матерью,
Безъ вины журить — бранить.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садку зеленаго,
Заходила туча грозная,
А другая непогожая,
Со дождями, со морозами,
Со снѣгами со глубовими.
Собиралась дочка къ матери,
Поѣхала, не доѣхала,
Среди лѣсу становилася,
Съ соловьями думу думала,

Съ молодыми думу крѣпкую:
«Соловей ты, мой саловьюшко,
Полети жь ты мой соловьюшко,
На мою ли на старонушку,
Ты скажи ли моей матушки,
Ты скажи ли ей низкѣй поклонъ:
То-то матушка неволюшка,
Государыня боярской домъ,
Посылають меня молоду,
Во полуночь одну по воду,
И разутую и раздѣтую,
И холодную, и голодную.
На мое горе на несчастьице,
Налетѣли гуси сѣрые,
Возмутили воду свѣжую.
Ужь той ли я воды часъ ждала,
А другой я часъ проплакала.

Сабурово. Малозарх. Уѣз. 1858 г. Сент.

Ахъ не одна то ль, не одна во полѣ дороженька —
Одна пролегала;
Она ельничкомъ, мелкіимъ березничкомъ —
Она заростала,
Она частымъ ли, частымъ, горькимъ осинничкомъ
Ее застигала...
Ахъ что нельзя-то ли мнѣ, нельзя мнѣ къ сударушкѣ,
Нельзя въ гости ѣхать;
Такъ поѣду ли я къ любезной сударушкѣ
Да все стороною:
Ахъ ты прости, прощай милъ сердечный другъ,
Прощай, будь здорова!...
Коди лучше ты меня найдешь, меня позабудешь,
Коди хуже ты меня найдешь, меня вспомняешь!

Головушка горькая — прошла ночь темная,
Прошла ночь темная — осенняя, долгая.

Не съ кѣмъ ночку ночевать — осеннюю коротать,
Одна лягу спать, боюся — товарица со мной пѣтъ,
Нѣту милаго дружка, Иванушки сокола.
Иванушка соколъ мой, показался разумъ твой,
Показался разумъ твой, весь обычай дорогой.
Бѣгу въ темные лѣса, гдѣ травушка зелена,
Гдѣ травушка зелена, гдѣ я съ милымъ гуляла,
Гдѣ я съ милымъ гуляла, со травы цвѣты рвала;
Со травы цвѣты рвала, вѣнокъ милому плела,
Вѣнокъ милому плела, на головку надѣла.
На дорожку выхожу, на широкой становлюсь,
На широкой становлюсь, никого я не боюсь.
Ни барина, ни вунца, ни удала молодца,
Одного только боюсь — свово милаго дружка.

Привяжу я козлика
Ко бѣлой берѣзкѣ.
Стой мой козликъ,
Стой не бодайся.
Бѣлая берѣзка,
Стой не качайся!
Красная дѣвица,
Ходи не ломайся.
Мово любезнаго
Да передъ окошкомъ,
Да передъ окошкомъ
Озеро бѣлде —
Свѣжей рыбы много.
Дайте-подайте
Шелковъ неводъ,
Уловлю, заловлю
Свѣжую рыбку!
Съ кѣмъ мнѣ будетъ
Свѣжу рыбу ѣсти?
Ѣсть ли, не ѣсть ли мнѣ
Съ миленькимъ дружечкомъ.
„Ѣшь, мой дружечикъ,

Вшь, мой другъ,
Да не скушай вдругъ.“

Архангел. Губ. Зап. С. В. Мамонновъ.

Скоро бѣлый снѣжокъ палъ,
Молодецъ съ коня упалъ!
Онъ упалъ, упалъ, лежитъ,
Никто къ нему не бѣжитъ!
Его прежняя милая
Скорешенько подбѣжала,
За бѣлы руки держала,
Посадила на коня,
Черну шляпу подала,
Низкой повлонъ отдала.
„Ты поѣдешь, другъ, жениться,
Заверни ко мнѣ проститься;
Ты поѣдешь, другъ, гулять,
Заверни ко мнѣ во садъ:
Въ саду яблочки висятъ!“

Дрозново. Малозарх. Уфа. Зап. М. А. Стаховичъ.

Не хмѣлюшко по полю гуляетъ,
Еще самъ себя хмѣль выхваляетъ,
Что и нѣтъ-то меня, хмѣлюшки, лучше,
Что и нѣтъ, хмѣля, меня веселѣе...
Что безъ хмѣлюшки свадьбушку не играютъ,
Что журятся и бранятся все во хмѣлю,
И дерутся и мирятся все въ хмѣлю.
Только есть на меня мутенъ садовникъ,
Онъ широкия борозды копаешь,
Далеко ль меня, хмѣля, зарываетъ,
Въ ретиво сердце тычинушку вбиваетъ.
Да какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался,
По тычинушкѣ вверху увивался:
Раскидалъ свои яровы шишки.

Красны дѣвушки хмѣлюшку щипали,
Во рогожны кули зашивали,
На овинѣ меня, хмѣлюшку, сушили,
На базарѣ меня, хмѣля, вывозили,
Что богаты-ль мужики покупали,
И во суслицѣ хмѣлюшку топили,
По дубовымъ бочкамъ разливали.
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, разгулялся,
По уторамъ я, хмѣль, расходился.
Отсмѣю жь я садовнику насмѣшку,
Я и сдѣлаю его сатанюю,
Я ударю его въ тынъ головою,
Я и въ самую-то грязь бородою.

Исходила младенька всѣ луга и болота,
Всѣ луга и болота, всѣ сѣнные покосы.
Пристигала младеньку меня темная ночка!
Ахъ, ахъ-ти горевати, гдѣ мнѣ ночь коротати?
Мнѣ на умъ-то запало про роднаго братца;
Ужъ я стукъ подѣ окошко, ужъ я брякъ во колечко:
„Дома ль, дома ли, братецъ, дома ль бѣдный голубчикъ?“
„Дома, дома, сестрица, дома, бѣла голубка.“
— Ты укрой меня, братецъ, да отъ темныя ночи,
Что отъ темныя ночи и отъ лютаго звѣра.
„Ахъ, сестрица-голубка, да свѣтлая ноченька,
Свѣтлая ноченька и своя ли семейка.“
Выходила невѣстка, выходила злодѣйка,
Выпускала собаки, все собаки лихія,
„А сю-сю вы схватите, а ту-ту разорвите,
Чтобы эта да гостыя не по часту ходила,
Не по часту ходила, не по долгу гостила.“
Какъ пошла-то сестрица залилася слезами.

Зан. А. Н. Островскимъ.

Ужъ ты рощица зеленая,
Со чево рощица позасохла,
Зеленешинька вся поблекла,
Не дождавши поры-время,

Пору-время теплова лѣта,
Теплова лѣта, яснава солнца,
Яснава солнца, сильнова дождю,
Сидьнова дождю, лютова марозу?
Ни пора ли ой да съ поля ѣхать,
Хоть поѣду ль я въ гости ни заѣду,
Хоть заѣду ль я, начевать не останусь.

Сабурово. Малосарх. Уѣзда. Сент. 1838.

Не свѣтель мѣсяць зашолъ,
Ко мнѣ миленькій пришолъ.
Свѣтель мѣсяць закатился,
Со мной миленькой протился!
Что не пташицы *косаки*,
Въ зеленомъ саду поють:
Добры молодцы бурлаки,
Со бесѣдушки идутъ,
Веселы пѣсни поють,
Въ теремъ голосъ подаютъ,
Чтобы я, красна дѣвица,
Не дремала, не спала,
Въ гости милова ждала.
Не успѣла сѣсть на лавку,
Милой стугъ у огня,
У окошка постучался,
Ульянушкой взвеличалъ:
„Ульянушка, Ульяна,
Ульяна Васильевна!
Пойди-вйди на крылечко,
Взвесели мое сердечко!
Ужь ты ясны кудряшки,
Ты кудрявый молодець!
Не садико-сь, Яшенька, возлѣ меня,
Ты не воздѣ, не рядомъ, не насупротивъ.
Не про насъ съ тобой, Яшенька,
Люди говорятъ,
Про насъ люди говорятъ,

Всѣ сосѣдушки бранять,
Любить Яшкѣ не велятъ!“

Омега. Зап. С. В. Максимова.

Научить ли те Ванюша
Какъ ко мнѣ ходить:
Ты не улицей ходи —
Переулочкомъ,
Ты не голосомъ кричи,
Соловьемъ свищи:
Чтобы я млада, младенька,
Догадалася,
Со бесѣдушки домой
Собиралася...
Ужь я батюшкѣ скажу,
Я родному ли скажу:
Голова болить,
Ужь я матушкѣ скажу,
Я родимой доложу:
Не здоровится,
Худо можется;
А къ милу дружку приду,
А къ любезному приду,
Здоровешенькой,
Веселешенькой!

Никакъ невозможно мнѣ безъ печали жить:
Любить дружка можно, нельзя по немъ не тужить.
Вздумаю про милаго — не милъ дѣвкѣ бѣлый свѣтъ,
Не милъ, не милъ бѣлый свѣтъ, бѣжала бъ я въ лѣсъ,
Во лѣсу пользы нѣту мнѣ, все листья шумять;
Шумять, шумять, листья ли пошумливають,
А намъ съ тобой, миленькій, разлуку они даютъ,
Разлука, разлучница чужа дальняя сторона,
Ходилъ-гулялъ молодець по темнымъ по лѣсамъ,
Стрѣлялъ разбудаленный по частымъ по кустамъ,

Застрѣлилъ онъ дѣвицу въ ретивое во сердце!
Не опасайся, дѣвушка, любя тебя застрѣлилъ:
Не стой, не стой, красная, подь частымъ подь кустомъ,
Подь частымъ подь кустомъ съ инымъ молодцомъ.
И не тошно, и не тошно, что ты со инымъ стоишь,
А больше досадно, про что говоришь,
Клялася ему, божилася, право ево не люблю,
Право не люблю — за тебя замужъ пойду.

Куревушка, курева
Закутила, замела,
Замутила, замутила
Всѣ дорожки, всѣ пути:
Нельзя къ милому идти!
Пошла отъ двора —
Съ милымъ свидѣлася.
На ключъ по воду пошла —
Поздоровалася:
„Здравствуй, миленькой дружокъ!
Ко мнѣ въ гости гости,
Да подальше садись:
Ужь какъ нынѣшніе люди
Догадливые, перевадливые:
Намутать, намутать,
Съ тобой, милый, разлучать.

Архан. Губ. Холмогоры. Зап. С. В. Мацешковъ.

Ужь ты зимушка-зима
Закурила да замела
Всѣ дорожки, всѣ лужки;
Негдѣ Соничкѣ пройтись:
Ишла Соня стороной,
За ней парень молодой,
Кричить: „Соничка, постой,
А Софьюшка подожди!“
„Съ стороны на насъ глядятъ,
Меня дѣвушку бранятъ.

Ваши ласковны
Распріятныя да къ сердцу слова!
Безъ огня да огня
Мое сердце изожгли,
Что безъ вѣтеру
Мои мысли разнесли;
Разнесли вы мысли —
Ахъ! все по чистымъ
Чистымъ полямъ.
По полямъ, что чистымъ полямъ —
По зеленымъ, зеленымъ лугамъ!
По лугамъ!
Кто бы, кто бы, ахъ! моему горю
Пособиль?
Кто бы, ахъ! со дорожки,
Ахъ! дружка воротца!
Воротися — ахъ! воротися, мой любезный,
Дружечикъ назадъ.
Да назадъ! Наглядятся очи ясныя
На дружка въ запасъ!
Я ложила бѣлой грудью — ахъ! грудью
Грудью на окно —
Я ронила-то, ронила горячія слезы
Слезы за окно!

Месива. Зап. Н. М. Бялковскій.

Ахъ, ты ночь же, ночь —
Ночка темная,
Осенняя, долгая!
Молодка, молодка —
Молоденькая;
Головка твоя
Побѣдненькая!
Съ кѣмъ же тебѣ, молодка,
Ночь спать-ночевать,
Ночку спать-ночевать,
Осеннюю коротать?
Лагу спать одна,

Безъ мила дружка;
Безъ мила дружка
Обуяла грусть-тоска.
Грусть-тоска беретъ :
Далеко милѡй живеть,
Далече-далече —
На той сторонѣ,
На той сторонѣ,
Неблизко ко мнѣ.
Ходить мой милѡй
Тою стороной.
Машеть мой милѡй
Правою рукою,
Ручкой правою,
Шляпой черною —
Перейди, сударушка,
На мою сторонушку.
Я бы рада перешла,
Переходу не нашла;
Переходъ нашла —
Рѣчка глубока,
Рѣчка глубока,
Жердочка тонка,
Тонка-тонка, гнется —
Боюсь переломится.
Знать, тамъ мой милѡй
Съ иной водится,
Съ иной водится —
Съ красной дѣвицей.

Записана А. А. Григорьевымъ.

Во лужяхъ, во лужяхъ зеленыхъ, во лужяхъ
Выростала трава шолковая,
Расцвѣли цвѣты лазоревые.
Ужь я той травой выкормлю коня,
Выкормлю, выглажу его;
Поведу коня къ батюшку.
„Охъ ты, батюшко, родный мой!

Ты примай слово ласковое,
 Полюби слово пріятливое:
 Не давай меня за стараго замужь!
 Со старымъ мужемъ гулять не йду,
 Про стара мужа постѣлю постѣлю:
 Въ три ряда каменя накладу,
 Во четвертый рядъ крапивы настѣлю...“
 „Со каменяца бока мои болятъ,
 Со крапивы бока спрыщевали“.

Устьцымляна. Мезен. Уѣзда. Зап. С. В. Максимовъ.

Скрою, скрою я окошко,
 Скрою, скрою я немножко,
 Взгляну, взгляну за окошко:
 Бѣжитъ легонькой дѣтинка;
 Онъ не въ модѣ, ни въ снарадѣ:
 Въ тонкой бѣленькой рубашкѣ,
 Въ рукахъ несетъ сыповку,
 На плечѣ несетъ винтовку,
 Во карманѣ несетъ гусли.
 „Не супай, моя сыповка,
 Не винтуй, моя винтовка,
 Не играйте, мои гусли!
 Не берите, парня, мысли —
 На старой бабѣ жениться:
 Стара баба — стара база,
 Стара баба низкоглаза,
 Низкоглаза — нѣту глаза.
 Рѣдкозуба — нѣту зуба!“

Устьцымляна. Мезен. Уѣзда. Зап. С. В. Максимовъ.

Подговаривалъ Иванъ
 Къ себѣ Дуню ноцевать:
 „Ты ночуй, ночуй, Дуняша,
 Погости, голубушка!
 Ты ночуешь и учуешь...
 Подарю, Дуня, тебѣ,

Подарю Дунѣ сережки серебряныя,
Я вторыя золотыя со подвѣсочками!^а
На то Дуня соглашалась,
Ночевать съ Ваней осталась.
Ложилася Дуня спать
На Иванову кровать.
Дунѣ мало спалось,
Много во снахъ видѣлось;
Привидѣлся Дунѣ сонъ:
Мой-отъ миленькой идетъ,
Мой-отъ миленькой идетъ,
Какъ ясенъ соколъ летитъ;
Съ горенки во горенку похаживаетъ,
Онъ сапогъ о сапогъ поколачиваетъ,
Онъ къ дунашиной кровати приворачиваетъ,
Изъ окошка въ окошко посматриваетъ.
Каленкоровы завѣски раздергиваетъ.
Не будите молодую рано-рано поутру,
Разбудите молодую, когда солнышко взойдетъ.

Дерев. Березнякъ. Мезенск. Уѣзда. Зап. С. В. Маломогъ.

Бражка ты, бражка моя,
Да-и-и-ихъ-и!
Дорога бражка поссучена была,
Да-и-и-ихъ-и!
На ручью-то бражка смоченая,
Да-и-и-ихъ-и
На полатахъ разсоложенная!
Да-и-и-ихъ-и!
Да на эту бражку нѣту питуховъ,
Да-и-и-ихъ-и
Нѣтъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ у насъ!
Да-и-и-ихъ-и!
Я послѣ мужа во честномъ пиру была.
Да-и-и-ихъ-и!
Со боярами стольничала!
Да-и-и-ихъ-и!

Сопротиву холостаго сидѣла,

Да-и-и-ихъ-и!

Супротиву на скамеечкѣ!

Да-и-и-ихъ-и!

Ужь я пьяная-непьяная была:

Да-и-и-ихъ-и!

Да я не помню, какъ домбй сошла

Да-и-и-ихъ-и!

Я кокошничекъ въ рукахъ несла,

Да-и-и-ихъ-и!

Подзатыльникъ подь поясомъ.

Да-и-и-ихъ-и!

С. Малошуйское. Онежск. Уѣзда. Зап. волостной писарь Баевъ.

Вы раздайтесь, разступитесь, добры люди,

Вы на всѣ ли на четыре на стороны,

Покуть батюшко меня замужъ не выдасть,

За того ли за дѣтинку, за невѣжу.

Во кобакъ иде невѣжа — скаче, пляшетъ,

Съ кабака иде невѣжа — кричить-вопить,

Къ широку двору приходитъ — кричить-голчить,

За колечушко беретса — воскричаеть:

„Еще въ домѣ ли жена да молодая?

Отпирала бы широкія ворота!“

Поскорешеньку съ постелюшки вставала.

Я покрѣпче ворота запирала,

Посмѣлѣ съ невѣжей говорила:

„Ты ночуй, ночуй, невѣжа, за воротами;

Тебѣ мягкая постель — бѣлая пороха,

Высоко тебѣ згололье — подворотня,

Шитой-браной положекъ — буйный вѣтерочекъ.

Я тогда же у невѣжи поспросила:

„Каково же тебѣ, невѣжа, за воротами?

Таково же мнѣ, молодой, и за тобою,

За такую за дурацкой головою.“

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкой, славной, долгой!
Стоялъ теремъ, теремочикъ
Со крутымъ, краснымъ крылечкомъ,
Со *косячатымъ* окошкомъ;
И въ томъ ли теремочкѣ,
Сидѣлъ душечка молодчикъ;
Ото сну ли онъ пробужался,
Ключевой водой умывался,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцомъ утирался,
Въ чистомъ зеркальцѣ смотрѣлся,
Красотѣ ль своей дивился:
Красота ли моя, красотка,
Красота ли моя молодецкая!
Что единымъ я только погубился —
Молодешенѣкъ женился!
Ужь я взялъ же жену упрямую,
Что я упрямую жену, угрюмую,
Куды пошлешь — ей не дождешь,
Хоша дождешь — не доспросишь,
Хоша скажеть — все неправду,
Все неправду — все не сушу.

Устьцильма. Мезенск. Уѣзда. С. В. Максимовъ.

Легѣлъ голубь,
Легѣлъ сизой
Со голубушкою.
Шелъ удалецъ-молодецъ
Съ красной дѣвицею.
Позади идутъ товарищи, высматриваютъ,
Высматриваютъ, приговариваютъ:
Какъ бы эта бы голубушка
У голубя была,
Какъ бы эта да голубушка
Подъ голубя легла.
Ахъ, шипъ! голубь не мой,
Полетай, голубь, домой,
Ко голубушкѣ своей

Своей голубь ворковалъ
Голубушку цаловалъ.
Голубушка ворковала
Голубчика цаловала.

(Полгородная Арханг. въ Кетъ-островѣ).

Въ саду, саду
Въ зеленомъ саду
Соловей свищетъ,
Молодой чокъ-чокъ.
Еще охти мнѣ
Гореваньце,
Доброму молодцу
Неженатому
Кудреватому.
Еслибъ были у меня
Молодца крылушки,
Да сизы перушки
Полетѣлъ бы я
Подъ высокъ теремъ,
Подъ окошечко.
Посмотрѣлъ бы я
Какъ дѣвушки плачуть
Замужъ идучи
За стараго мужа.
Какъ и старый мужъ,
Погубитель мой,
Погубилъ мою
Буйную голову,
Косу русую
Золотой коснигъ
Съ алыми лентами
Съ прозументами.

Сабурово. Малоарх. У. Сент. 1858 г.

На горѣ растеть калина,
Подъ горою малина.

Молодая дѣвчоноча
Молодчика любила;
Взяла его за рученьку
Всю ночьку водпла
Всю ночьку до свѣточку.
На дворѣ бѣлая заря,
На дворѣ бѣлая заря
Дѣвчоночки спать пора.
Выходила красная дѣвка
На свое новое крыльцо;
Простужала красна дѣвка
Свое бѣлое лицо.
Хорошо тебѣ, дѣвица,
По горенкѣ ходити
Да и мнѣ ли, молодчику,
На морозѣ стоимчи;
Ко морозу ножки стынуть.
Снѣжокъ бѣлый выпадаѣ,
Снѣжокъ бѣлый выпадаѣ,
Дороженьку заметаѣ.

Сабурово. Малосарх. Уѣзда. Сент. 1858.

На горушки калина
На горушки люба, люба калина,
Подъ горою малина.
Тамъ дѣвушка ходила,
Калинушку ломала,
Во пучочки вязала,
На дорожку бросала,
Въ казаба попала.
«Казаченька молодой,
«Куда ѣдешь во походъ?
Возьми меня съ собою,
Зови меня женою,
А я тебѣ угожу:
Коня тваво напою
Овса, сѣна заложу;
Еще тебѣ угожу:
Постелюшку постелю,

Взголовьице положу,
Поцалую, обойму.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858.

«Для кого жь ты, моя расхорошая, очень-модно ходишь?
Для котораго, моя расхорошая, ты лицо наводишь?»
«Я лицо ли наводила, майора любила —
Я майора, дѣвушка, любила, парня молодова;
Со которымъ я прежде водилась, вечеръ разбранилась:
Разбраночка была небольшая, во глаза ругала,
Я во глазунки дружка ругала, подлымъ называла —
Ужъ ты *подлый* и разнегодный, злое твое сердце;
Ужъ ты злое, злое, ретивое у маво милова.
Сижу я, дѣвка, съ ночи до полночи до втораго часу;
Сижу я, дѣвка, дѣвка, сиротою, залилася слезою,
Залилася дѣвушка слезою — ко мнѣ милъ ногою.
Восходило солнышко высоко — живетъ милъ далеко;
Восходило солнышко пониже — живетъ милъ поближе.

Сабурово. Малоарх. У. Сент. 1858.

Подъ горою вѣтеръ вѣть,
Дѣвчоньчва ржицу сѣить,
Она сѣить высѣваетъ, драгунѣ дѣвку умоляетъ:
Пойдемъ, дѣвка, пойдемъ съ нами, съ молодыми драгунами,
Будемъ жити поживати, съ отцомъ-матерью шинковати,
Твоя мати чиривница, а сестрица разлунница:
Разлунчила насъ съ мидою, вабъ рыбицу со водою,
Вѣлуетъ шуку со окунцами, красную дѣвку съ молодцами.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858.

Дѣвица садочкомъ шла,
Раскрасавица зелененькимъ,
Въ правой рукѣ розовый цвѣтокъ,
Во лѣвой рукѣ нѣмецкой иверокъ (вѣеръ).
• Дѣвка иверомъ помахиваетъ
На ней молодецъ поглядываетъ,

Изъ рѣчей выговариваетъ:
„Ахъ, ты нѣжна, манерна моя,
Старопрежна любезна была,
Красота неучсенная твоя!
Ужь семь я бесѣдъ испрошолъ,
Тебя лучше и краше не пашелъ!
Хоша лучше и краше тебя есть,
На моемъ сердцѣ желанной такой нѣтъ!
По тебѣ ли, моя любушка,
По тебѣ, моя любушка,
Душа красная дѣвушка!“

Устьцымань. Мезенск. У. Зап. С. В. Максимовъ.

Заходилъ бы я, загулялъ бы я
По три дни, по три ночи по рынку:
Занскалъ бы я красну дѣвицу ягоднику,
Даровалъ я опояску шведскаго
Вархату нѣмецкаго.
Упадала, припадала,
По карманамъ полагала;
Нашъ-отъ милъ
Почему жь онъ былъ
Чистаго желтаго шелку.
Желтыя кудри завивались,
Красны дѣвицы разыгрались,
Тѣмъ кудрямъ дивовались
Тѣмъ кудрямъ молодецкимъ,
Тѣмъ старикамъ заонежскимъ,
Тѣмъ креполамъ-разнополамъ.

Архангел. Губ. Записалъ С. В. Максимовъ.

Ходила дѣвушка по берегу,
Сажала дѣвушка ярый хмѣль,
Сажала она, приговаривала:
Рости хмѣль по тычинкѣ вверхъ,
Везъ тебя брагушки не водится,
Добрые молодцы не женятся,

Красныя дѣвицы замужъ не йдутъ.
Вздумала Дуныша — замужъ пошла.
Теща про зятя пирогъ спекла,
Соли да муки на четыре рубли,
Сахару, изюму на восемь рублей,
Стоилъ прогъ во двѣнадцать рублей.
Зять-то былъ смѣлъ, за присѣсть его съѣлъ.
Теща по горенкѣ похаживала,
Часто на зятя поглядывала.
«Какъ тебя, зятюшко, не розорвало?»
— Зачѣмъ меня, матушка, подчивала?
Придешь ко мнѣ, матушка, я честь отдамъ
Въ четыре дубины березовыя,
Пятый кнутъ, по забору гнутъ...
Рвалась, рвалась, насилу вырвалась,
Бѣжала, бѣжала, насилу ушла.
Зять-то у воротъ съ поклономъ зоветъ.
«Скажите, ребята, со вчерашняго пьяна,
Съ пива да съ вина, болитъ спина-голова,
Съ сладкаго меду-то я вся больна.»

Я по дѣвицу пошелъ,
Я по красную пошелъ,
Зайду съ бочка,
Погляжу съ личка,
Быть не яблочка,
Кая дѣвица хороша,
Кая истонка-высока,
Кая избѣла-бѣла
Безъ румянецъ румяна,
Безъ платя толста,
Безъ башмаковъ висока.
Тую я возьму,
За собой поведу,
Я своей назову.

Арханг. Губ. Записки С. В. Максимовъ.

Отъѣзжаетъ любезный въ дорожечку,
Хоть не въ дальнюю, да въ печальную.
Не далешенько, да, жаль, тошнешенько.
Не воротисься—я помру съ тоски;
Надорвется мое сердце плачучись —
Все тебя, мой другъ, вспоминаячи
Изъ дорожечки да дожпдаючи.
Вспомяни, мой любезный! во дороженькѣ
Живучись на дальней на стороншкѣ —
Ужь какъ я тебя вспомяну всегда,
Ужь я вспомню ласки дружка милаго,
Ласковы слова, къ сердцу пріятныя.
Не сиди-ко, дѣвушка, поздно вечеромъ;
Поздно вечеромъ одна
Не просиживай до полуночи,
Ты не жги-ко, не жги свѣчи сальныя;
Вовторыхъ-то не тай воску яраго.
Я не гость пришелъ, не гостить къ тебѣ:
Пришелъ, душечка, къ тебѣ проститися,
За любовь твою да поклонитися:
Позволь, душечка, мнѣ женитися.
„Ты женись-ко, женись, дуракъ безсовѣстный!
Ты возьми-ко, возьми, ково я велю,
Ково я велю, ково я люблю:
Ты возьми-тко мою подруженьку
Сестру названую!“
“Мнѣ подружку взять —
Будешь гнѣвъ держать,
Будешь гнѣваться.
Мнѣ-ко взять, не взять
Самое тебя,
Самое тебя, мою подруженьку.»

Кемская. С. В. Максимовъ.

Какъ во полѣ могилушка стоитъ,
На могилушкѣ тѣло бѣлое лежитъ,
Все солдатское.
Тамъ лежитъ же, тамъ убитый лежитъ,
Онъ убитый, весь израненный,
Изрубленный, изстрѣленный.

Ноги, руки — на четыре штуки,
Во головушкѣ стоитъ крестъ златой;
Во рукахъ-то держитъ книжечку,
Во ногахъ-то стоитъ добрый конь.
Конь копытами землю бьетъ,
Охъ, да и бьетъ же, добивается,
Своего пана добужается:
Охъ, да ты устань, устань, нашъ панъ!
Хотя встать ты не встанешь,
Хоть головушку подними,
Своему коню дорожку уважи.
Ахъ, да панъ устать-то не всталъ,
А головушку поднялъ,
Своему коню дорожку указалъ,
„Ты бѣги, конь, все дорогою, все широкою,
Прибѣги, конь, ты ко новымъ воротамъ;
Охъ, ты бей копытами ворота.
Охъ, да и выдетъ къ тебѣ
Старая барыня,
Моя мать родная;
Охъ, да возьметъ тебя за шелковы повода,
Поведетъ тебѣ во конюшеньку,
Дастъ тебѣ сѣна и овса,
Потомъ станетъ тебя спрашивать:
Гдѣ ты былъ, побывалъ,
Охъ, да гдѣ свою пана убилъ?
Онъ не убитый тамъ лежитъ
Среди поля при поляночкѣ,
Панъ нашелъ себѣ земляночку.

Во теремѣ дѣвица сидитъ,
Ожерельице жемчужное садитъ.
Разсыпала ожерельице
По всему высокому терему
Не собрать, не собрать жемчужку,
Ни батюшкѣ, ни матушкѣ,
Ни братцамъ, яснымъ соколамъ,
Ни сестрицамъ, бѣлымъ лебедямъ.
Собереть, собереть жемчугъ

Удалой добрый молодецъ
Съ душой красной дѣвицей.

Архангел. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

Спится мнѣ молодой, дремлется
Клонить, клонить головушку на подушку спать.
Свекоръ идетъ по новымъ сѣнямъ
И стучить и грючить и кропочится:
..... ты, невѣстница,
Сонливая, дремливая, неурядливая.
Спится мнѣ, молодой дремлется
Клонить, клонить головушку на подушку спать.
Батюшка идетъ по новымъ сѣничкамъ
Тихохонько, смиреншенько, рахманешенько.
Дятяtko мое милое
Занужено, позагнано во чужихъ людяхъ.

Собурово. Малоарх. У.

Цвѣтики, цвѣточки,
Лазуревы мои!
Что же вы не вседо,
Цвѣтнки цвѣли?
Или вамъ дожди-то
Были очень малы,
Лютые морозки
Крѣпко студены?
На эти на цвѣтны .
Палъ мѣленькій дождь.
Не дали со мненькимъ
Подольше гулять,
Подольше гулять,
Рѣчей поговорить,
Личному любезному
Въ очи напѣнять:
Что долго не женишься,
Мненькій дружокъ?
Меня раскрасавицу

Замужъ не берешь?
„Дѣвица, красавица,
Душенька моя!
Жизнь наша нетлѣнная,
Во свѣтѣ красота:
И радъ бы я женился,
Удалой молодецъ,
Мнѣ волюшка не даетъ,
Мать благословеньица
Вовсе не сулитъ;
Всей родней-породой
Молодца бравятъ;
Тебя, раскрасавицу,
Взять-то не велятъ!
Приложу старанье,
Любезна, для тебя:
Возьму черезъ лѣтико
Замужъ за себя.“
Рошица зеленая,
Кудрявая моя!
Во этой во рошицѣ
Горенка стоитъ;
Во этой во горенкѣ
Дѣвушка сидитъ,
Сидитъ раскрасавица,
Пѣсенки поетъ,
Жалобно, любезная,
Причитываетъ:
„Что пошли за годки,
Пошли времена!
Сушатъ, крушатъ дѣвицу
Дальны города;
Паче раскрасавицу,
Прежни друговья:
Судился мой миленькій
До вѣку любить,
До вѣку, до жизни,
До смертнаго часу:
Ноньче, мой миленькій,
Бросилъ, позабылъ;

Бросивши, забывши,
Иную полюбилъ.

Бѣлое Морѣ. ЗМ. С. В. Максимовъ.

Кому счастьеце, кому, братцы, два,
А мнѣ, молодцу, нѣту ни (о)дного.
Что приходитъ ли почка темная,
Ночка темная, время долгое.
Ляжу, ляжу я, ляжу ни усну,
А устану я рано поутру.
Выйду, выйду я, выйду за ворота.
Подымались вѣтры буйные,
Взволновались тучи грозныя.
Изъ-подъ тѣхъ подъ тучъ три младца идутъ;
Первый молодець, онъ парадъ несетъ;
Другой молодець, онъ коня ведетъ;
Третій молодець, онъ ружье несетъ.
Перходили они чрезъ Дунай рѣку,
Чрезъ Дунай рѣку, на круту гору.
На круту гору, къ широку двору,
Ко широкому двору, къ самому царю.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858.

Вы сады ль, мои садочки,
Цвѣли яблонь да въ саду цвѣточкѣ!
Цвѣли алы, стали вялы.
Я по садику съ дружкой гуляла;
Цвѣты алы сорывала,
Я вѣночигъ завивала,
На головку дружку надѣвала;
Сама дѣвка слезно воздыкала.
„Ну, чего же ты, дѣвка, плачешь?“
„Ну, да какъ же мнѣ дѣвкѣ не плакать :
Жили съ милымъ дружкой тайно —
На народѣ стало явно.
Ну, да кто жь милой выноситъ,
Отцу съ матерью доноситъ,
Или милый, или ба постылой,

Или милова шельма женщца,
Или ближняя шельма сосѣдка.“

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858.

Не свивайся, не свивайся трава съ повеликой!
Не свивайся, не свивайся молодець съ дѣвицей.
Хорошо было свиваться, тошно разставаться.
Въ чистомъ полѣ при долини стояло тамъ древо,
Это древо, это древо — березушка бѣла.
Она тонка и высока, листикомъ шпрока;
А на той ли на березѣ сидѣль спизъ голубчикъ,
А ни сизенькой голубчикъ, завадой молодчикъ.
Передъ молодцомъ дѣвица стоитъ, слезно плачетъ.
Парень дѣвку унимаетъ, слезы утираетъ.
Не плачь дѣвка, не плачь красна, не плачь, расканицья!
Буду дѣвку, буду больно бити при міру-народу,
При всемъ міру при народѣ, въ большомъ хороводѣ.
Тебѣ дѣвкѣ будетъ стыдно, а мнѣ, младцу, обидно;
А другиѣ дѣвкѣ наука, намъ съ тобой разлука.
Разлучила насъ неволя — чужая сторона
Чужа-дальняя сторона, замужня жонка.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда.

Голова ль, моя головушка,
Голова ль ты моя игриливая,
Игриливая и шутивая.
У моей головушки, да нѣту заботушки
Да нѣту заботушки
Нивакой родни
Ни родной сестры;
Только есть у меня
Одинъ милый другъ
Да милая ладушка
Да бѣлая ластушка.
Онъ ложился спать
Ко мнѣ на кровать
Не по людскому,
По дурацкому :

Ко стѣнѣ лицомъ,
Ко мнѣ спинкою,
Поясницею.
„Ужь ты милый другъ,
Обернись ко мнѣ!
Семъ обнимемся,
Поцалуемся,
Побалаваемъ
Про тебя, про меня,
Про твою-то:
У твоей
Суровый подоль,
А у меня молодой
Аллиной (*) подоль
Еще строченный,
Шить бумагою
Да синими нитками;
Косы люшками
И съ дробнущами.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда.

Калинушка съ малинушкой лазуревый цвѣтъ,
Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшко пьеть.
Онъ пить не пьеть, голубчикъ мой, за мной молодой плеть.
А я млада-младешенька замѣшкалася
За утками, за гусями, за лебедами,
За мелкою за пташечкой, за журушкою.
Какъ журушка-та по берегу похаживаетъ,
Шелковую онъ травушку пощипливаетъ.
Студеною водницею захлебываетъ.
За рѣкою за быстрою четыре двора:
Въ этпхъ-то во дворивахъ четыре кумы.
Вы кумушки-голубушки, подружки мои.
Кумитесь, любитесь, любите меня...
Пойдете вы въ зеленый садъ — возьмите меня,
Вы станете цвѣточки рвать — нарвите и мнѣ,
Вы станете вѣночки плести — сплетите и мнѣ,
Пойдете вы на рѣченьку — возьмите меня,
Вы станете вѣнки бросать — вы бросьте и мой;

(*) Лиловой.

Какъ всѣ вѣнки поверхъ воды, а мой потонулъ!
Какъ всѣ дружки домой пришли, а мой не бывалъ!

Поиграйте вы, дѣвушки,
Повеселитесь, голубушки,
Во своей волѣ у бабушки,
Что во нѣгѣ у матушки,
Во прохладѣ у братцевоу!
Неравно замужь выйдется,
Неравенъ чортъ навяжется,
Не ровенъ накачается:
Либо старое уродливое,
Либо молодое спѣсивое,
Либо вровню упрячливое!
У меня, молодой, старый мужъ
Поперегъ постели лежатъ
Во супорѣ со мной рѣчь говорить,
Раздѣвать, разувать велить,
Балахонъ съ плечь стягивати
И оборы разматывати!
Что не та въ полѣ ягода цвѣла,
Не того отца дочь была,
Не тою была у матушки,
Чтобъ мнѣ стараго разувать!
У меня руки бѣлыя —
У него ноги грязныя;
На рукахъ перстни злеченныя —
Что мои ручки загрязнятся,
Перстенки поломаются!
Я пойду, млада, въ торгъ торговати
По обычаю товара купити:
Я за кемешекъ три денежки дала,
За цѣпочку цѣлый алтынъ;
Навяжу стару на воротъ,
Я спущу стару на воду,
А сама взыду на гору,
Посмотрю на стару старика,
Каково старый плаваетъ:
Се рука, се нога вверху,

А буйной головой ко дну!
Да какъ взмолился, старшй мужъ:
„Ужь ты, душка, женушка,
Перейми старика изъ воды!
Ужь я радъ на тебя работать,
По три утра сырой ржи молоть,
По три дни не завтракать,
По четыре не обѣдывать,
Ужь я радъ годовалые житницы вѣсть,
Троеденную кашу хлебать“.

Изъ-подъ камушка быстра рѣчка течеть,
По бережку добрый молодець идетъ;
Онъ садился на ворона коня,
Уронилъ онъ черну шляпу съ головы...
„Подними ты, моя милая жена.“
„Мнѣ поднять шляпу не хочется,
Покориться охоты нѣтъ.“
Пойду млада во зеленый садъ гулять,
Спрошу ль я младаго соловья:
„Ты скажи, молодой соловей:
Кому воля, кому нѣтъ волн гулять?“
Какъ сказала молодой соловей:
„Воля, воля краснымъ дѣвцамъ гулять,
Молодушкамъ мнновалася гульба!
Погулять тебѣ, дѣвица,
У роднаго батюшки“.

Ой вы сѣстрицы ли, вы подружки,
Вы не знаете маво горя,
Горюшка моего велпкаго,
Про моего про дружка про милова
Про сердечнаго, дарагова.
Ну, да кто кого вѣрно любить,
Черезъ три поля гулять ходить,
Во бесѣдушку милъ заходить.
Бесѣдушка была веселая,
Хозяюшка была молодая,
Душа красная все дивчонка;
Во дѣвчонокѣ черны брови,

Во молодца ли кудри вьются,
Во дѣвчоночки слезы льются:

Сабурово. Малоарх. Уѣзда.

Сторона ль ты моя, сторонушка, сторона чужая!
Незнакомая дальняя сторонушка! не самъ я заѣхалъ:
Занесла меня, раздобраго молодца, занесла неволя,
Что неволя ль, неволя большая, красная дѣвка,
Что зашолъ, зашолъ, заѣхалъ я, зашелъ воспроситься:
„Ты позволишь, моя разлюбезная, позволи мнѣ жениться.“
Ты женись, женись, разбестя, женись, чортъ съ тобою!“
Ты бери, бери, разбестя, бери себѣ ровню,
Со которою мою подруженькой я гулять ходила.“

Сабурово. Малоарх. Уѣзда.

Коровать ты моя, короватушка!
Запустила коровать безъ мила дружка,
Безъ мила-то дружка, безъ сердешнова.
„Ну, куда жь ты мой другъ собираешься?
Во новые сапоги обуваешься,
Во зеленъ ты каганъ одѣваешься,
Ну со мной со маладой не прашаешься.
Провожу жь я дружка черезъ три поля,
Черезъ три-то поля, поля чистыя
Черезъ три-то моря, моря синія.
Какъ и вся-то Москва вздывовалася:
Ну да кто жь тамъ въ саду распроцается?
Или мужъ-то съ женой, или братъ съ сестрой,
Или молодець ли съ красной дѣвушкой?“

Сабурово. Малоарх. Уѣзда.

Ты сударушка моя,
Вечоръ былъ я у тебя,
Не узнала ты меня,
Не узнала — опознала,
Отъ себя прочь отсылала!
Какъ мое сердце болить,
Отойти прочь не велить,
Не велить прочь отойти,
Велить дѣвицу любить,
• Во деревнюшку ходить.

Что деревня отъ деревни
 Не подалеча стоитъ,
 Промежду рѣчка бѣжитъ,
 Только жердочка лежитъ.
 Я по жердочкѣ шла,
 Я по тоненькой, по словенькой.
 Тонка жердочка гнется,
 Да не сломится.
 Хорошо съ милымъ водиться,
 Да не стошнитса;
 Хошь и стошнитса,
 Разгуляюся пойду!
 Пойду выйду, молода,
 За новыя ворота,
 За новыя вленовыя,
 За рѣшетчатыя.
 Выпускала сокола
 Изъ правова рукава;
 На полетикѣ соколику наказывала:
 „Ой лети, лети соколъ,
 Высоко и далеко
 На родиму сторону;
 На родимой на сторонкѣ
 Грозенъ батюшка живетъ,
 Онъ грозенъ, сударь, грозенъ
 Да немилостивъ:
 Не вѣдитъ молодой ходить
 Поздно вечеромъ одной.
 Я не слушала отца,
 Спотѣшала молодца,
 Я за то его спотѣшу,
 Что одинъ сынъ у отца,
 Зародился въ молодца;
 Завутъ Ванюшкой
 Пивоварушкой.
 Пивоваръ пиво варитъ,
 Зелено вино куритъ,
 Красныхъ дѣвушекъ манилъ:
 «Вы пожалуйте, дѣвицы,
 «Во пивоварню во мою:
 «На моей пивоварнѣ
 «Пиво пьяно на ходу,
 «Сладка вода на меду.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

РУССКІЯ ПѢСНИ

ИЗЪ СОБРАНІЯ

Ш. И. ЯКУШНИКОВА.

III.

ЛИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Разнесчастная Дунюшка зародилась,
Что тоска-печаль Дунюшкѣ приключилась.
Куда Дунюшка ни пойдетъ, все горе за ней;
Куда Дунюшка ни пойдетъ, все журять-бранять,
Что журять-бранять Дунюшку все плакать велятъ.
Что поплачь, поплачь, Дунюшка, по своемъ горѣ,
По своемъ горѣ, Дунюшка, по миломъ дружкѣ,
По миломъ дружкѣ, Дунюшка, по Иванушкѣ.
Ты, Иванушка, душечка, задушевный другъ,
Задушевный другъ Дунюшки, во неволюшки.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858 г.

Иванушко травку косилъ —
Косы поломалися,
Во кусты бросали.
Не подай, Боже, погоды
Изъ-за темна лѣса!
Что свазали про дѣвицу
Небыль-небылицу:
Будто я, красна дѣвица,
По молодцѣ тужу...

«Не тужи, красна дѣвица,
Тебя не забуду:
Случай будетъ въ Питеръ ѣхать —
Привезу подарокъ: —
Золото колечко,
Золото ли то колечко —
Ко красну крылечку;
Пойдешь-выйдешь на крылечко —
Брякнешь во колечко;
Стукнешь, брякнешь во колечко
Растоскуется сердечко,
Заплетешь тоску-кручину
Конку въ сиву гриву;
Сивой-ивой конь подбнется —
Грива растрехнется,
Сива грива растрехнется —
Тоска распадется!
Разойдись тоска-кручина
По чистому полю!
Заростай тоска-кручина
Травой-муравою,
Травой, травой муравою
Разными цвѣтами.
На улицѣ три молодца
Совѣтъ совѣтали,
Совѣтъ, совѣтъ совѣтали
Жеребій метали:
Кому деньги, кому платье,
Кому красна дѣвка.
Доставались деньги Мишгѣ,
Цвѣтно платье Гришгѣ,
Доставалась красна дѣвка
Дружку Иванушгѣ.
Пошелъ Гришка, осердился,
Съ Мишкой не простился;
А Ванюша удалой
Пошолъ, веселился.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

Горва ты, горка,
Горушка крутая,
Трава шелковая.
Да по той ли по горкѣ
Удалой молодецъ ходитъ
Во скрипку играетъ,
Короля забавляетъ.
Послушайте, люди,
Что въ городѣ баютъ:
Ребятъ продавають
Кушцы закупають,
Девять на денежку
Десятаго на придачу.
Горва, ты горка,
Горушка крутая,
Трава шелковая
Да по той ли по горкѣ
Удалой молодецъ ходитъ.
Во скрипку играетъ,
Короля забавляетъ.
Послушайте люди,
Что въ городѣ баютъ:
Дѣвокъ продавають
Куппы закупають,
Дѣвка по сту рублей
Коса по тысячи,
Косники — смѣты нѣту.
На ребятъ смерти нѣту,
На бабъ погибели,
Чтобъ онѣ погинули.
Мужья останутся,
Они намъ достанутся.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858 г.

Ой Дунюшка
Фомина
По бережку
Ходила,

Правой ногой
Дуня топнула;
У Дунюшки,
У Дунюшки
Сердечушко ёкнуло.
Звали Дуню
На базаръ
Покупочки
Покупать.
Куплю Дунѣ
Сарафанъ
Носи Дуня.
Не марай,
Въ коробочку
Замыгай.
Раскурвинъ сынъ
Тараканъ
Сточилъ дунинъ
Сарафанъ.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Септ. 1858 г.

Шли молодцы изъ Новагорода,
Дѣвица на улицѣ встрѣтилася;
Всѣмъ молодцамъ по повлону роздала,
Одному молодцу пониже всѣхъ,
Для того пониже, что удалой молодецъ.
Сталъ молодецъ дѣвкѣ спрашивать:
«Какъ тебя, дѣвица, по имени зовутъ,
Какъ взвеличаютъ по отчеству?»
«Меня батюшка засѣялъ,
Родна мать родила,
Меня попъ крестилъ,
Окулина имя далъ!»
— «Дѣвушка, Окулинушка!
Нейдешь ли, дѣвушка, замужъ за меня?
Есть у меня горенка нова,
Во горенкѣ во новой

Стоитъ столикъ дубовой,
Рюмочки наливаются хотять,
Рюмочки похода говорятъ!
На сѣняхъ, на сѣняхъ молода вдова живетъ,
Вдовушка по сѣнюшкамъ похаживаетъ,
Пяла на рученьбахъ понашиваетъ;
Шила, вышивала тонко бѣло полотно,
Вышила рубашку — косою воротокъ,
Вышила рубашку, ко батюшкѣ пришла:
«Что батюшка родной, ты подумай-погадай:
Замужъ ли идти, во вдовахъ ли мнѣ сидѣть?»
— «Дитятко, дитя, дитя милое мое,
Замужъ не ходи, во вдовахъ не сиди.
Поди, поди, дитятко, въ дѣвичій монастырь».
— «Что батюшко родной, ты подумай-погадай:
Въ келью взойду — всѣ кельи разорю,
Старыхъ-то старушекъ вонъ повыгоню,
Молодыхъ молодокъ въ свою вѣру возьму,
Красныхъ дѣвицъ на игрища спущу!»
Сватался на вдовушкѣ изъ-за моря кунецъ,
Сказывалъ житя-бытя пятьсотъ кораблей.
Думаю-подумаю за этого пойду,
Умъ-разумъ раскину: не быть дѣлу такъ!
Сватался за Дунюшку съ посада молодецъ,
Сказывалъ житя-бытя пятьсотъ голея (*)
Думала-подумала — пойду за него,
Умъ-разумъ раскину: не быть дѣлу такъ!
Сватался на Дунюшкѣ веселый скоморохъ,
Сказывалъ житя-бытя: свирѣль да гудокъ!
Думаю-подумаю: нейду за него;
Умъ-разумъ раскину — все быть дѣлу такъ:
Когда я сыта, я не сыта, завсегда я весела:
Кто это идетъ? «Скоморохова жена!»

Мезенскаго Уѣзда. Деревня Березникъ зап. С. В. Максимовъ.

(*) То-есть гольемъ — чистыми деньгами рублей.

Чеботной, чеботной, чеботной молодой,
Ты сошей бошмачки не малы, не велички околь ножечки.
Чего малой не достанеть,
Чеботной зубамъ натянетъ.

Березникъ. Мезенск. У. Зап. С. В. Максимовъ.

Хотите ли, братцы, старину скажу,
Старину скажу, скажу да стародавнюю,
Стародавнюю, да небывалую,
Небывалую, да неслыханную...
Я хотѣлъ сказать, да нечево:
Оглянусь назадъ — да слушать некому.
По синю морю да мужечки орутъ,
По чисту полю да корабли бѣжать,
По запольицу они да ѣзки бьютъ,
Ѣзки бьютъ, да хотять рыбъ ловить,
Осетровъ ловять да борадатныхъ,
Сороженекъ да онѣ съ рожками
Углеенокъ (*) да его поцѣлоцъгахъ (**).
Соволь идетъ, да пѣшь дорогою;
Медвѣдь летитъ да по поднебесью,
Во когтяхъ да онѣ *несетъ коровушку*
Чернопеструю да бѣлохвостую.
Во бору кобыла, да бѣлку злаяла,
Въ осѣлку овца да яйцо снесла,
На дубу свинья, да гнздо свила,
Гнздо свила, да дѣтей вывела,
Малыхъ дѣточекъ, да поросяточекъ:
По сучкамъ сидять, да ускочить хотять,
Подъ верхъ глядять, да улетѣть хотять.
Ай за славнымъ городомъ за Жорновомъ
Разыгрался мелинъ (***) да съ хлопотомъ! (****).
Ужъ ты хлопотъ, хлопотъ, хлопотушницъ,

(*) Соложенки и углеенки—мелкія рыбки.

(**) Дѣвчья подвязка.

(***) Рукоять у ручной мельницы:

(****) Сверчокъ.

Въ высокпхъ горахъ, да на печи въ дровахъ,
На печи въ дровахъ да сидитъ богатырь:
Онъ *хринь* да рѣдечку повыломалъ,
Бѣлу капусту повырубилъ,
Пироги да шаньги онъ полками бралъ,
Ай сказали блины, что въ печи каша есть,
И молочная да наволочная (*)
Какъ за славнымъ городомъ за Ступою,
Толкутъ тутъ бабы стувають;
И пошла у нихъ стрѣльба-пальба,
Стрѣльба-пальба да веретенная
На выручку да поваренкима.
Ай пошелъ у нихъ да рукопашный бой
Рукопашный бой да издирихима (**)
Изподѣлали шпаги да все лучинныя;
У нихъ тутъ пошелъ да кровопролитной бой!..

Шенкурскъ. Зап. г. Заринскій.

За дворомъ лужокъ зеленешенець,
У меня дружокъ молодешенець:
Молодешенець-милъ милешенець,
Мы пойдемъ во лужокъ, заведемъ кружокъ;
Милый съ гуслими — а я съ пѣснями
Не придуть гусли противъ пѣсенокъ,
Не придетъ свекоръ противъ батюшки.
Мой-то батюшка — слово вѣрное.
Моя матушка — дума крѣпкая.

Сапа, барыня моя,
Не гнѣвайся на меня,
Что я не былъ у тебя.
Ужь я былъ-побывалъ
Въ Новѣгородѣ гулялъ,
Тужилъ, плакалъ, горевалъ

(*) Покрытая пѣнкою.
(**) Повойникъ.

Купецкую любилъ дочь
Любилъ ее до поры...
Дунулъ вѣтеръ со горы
Со московской стороны
На купецкіе дворы.
Во купецкихъ во дворахъ
Тамъ дѣвушка хороша
Сашечка душа.

Шло, шло солнышко вдоль по залѣсью,
Катилось красное по затемному
Шла, шла дѣвушка вдоль по застолю,
Роняла слезы на бѣлую скатерть,
Была руки объ дубовый столъ,
Бросила ключи она вдоль стола;
На тебѣ, батюшка, золотые ключи;
Я тебѣ, батюшка, я не ключница,
Я тебѣ родимой не ларечница,
Ключница, ларечница я лютому свекру,
Лютому свекру да лютой свекровьюшкѣ,
Вѣрный посолъ я дружку своему.

Молодушка молода
Черноброва хороша. Ай ну, ай ну, ай ну.
Черной бровью повела
Съ молодцемъ любовь вела. Ай ну...
Въ такую во любовь
Въ горенку повела. Ай...
Изъ горенки въ комнатку,
Изъ комнатки во вродатку. Ай...
Посадила на кровать.
Стала дружка паловать. Ай...
Ужь, другъ ты милдой,
Поживи, радость, со мной. Ай...
Съ одинокою женой. Ай...
Одинокая жена

Во одиночествѣ жила. Ай...
Много горя видѣла
Цаловала миловала дружка, спрашивала.
Млада хату затопила,
Сама по воду пошла,
Какъ по воду, воду,
На Самару на рѣку.
На Самарѣ, на рѣкѣ
Гуси лебеди сидятъ,
Воду свѣжую мутятъ,
Постояла молода,
Устоялася вода.
Размахнула широко,
Почерпнула глубоко.
Ведерушки подняла,
Зашаталася, пошла.
Скоро на гору взошла.
Какъ на этой на горѣ
Солучилася бѣда :
Загорѣлась слобода.
Ужь на этотъ на пожаръ
Соѣзжались господа,
Дивовалися пожару,
Ужь чтой-то за пожаръ?
Онъ нежарко горитъ
Выше города полить.

Шель Ваня слободою,
Вель Дуню за собой.
Дуна рѣчи говорить,
Нарядиться велить :
Нарядися, мой милой,
Нарядися дорогой.
Носи шляпу на кудряхъ,
Перчаточки на рукахъ.
И я чаяла почаяла,
Я со миденъимъ пожить.

Хорошъ милой уродился,
Онъ не долго поводился,
Разставаться, шельма, сталъ,
Чужу сторону спозналъ.
Чужая сторона
Со миленькимъ мила,
Ай мила, мила, мила
Тамъ сударушка жила,
Сударушка дѣвушка,
Лебедушка бѣлая,
Коса вудриная, бѣлокудриная.
Уже кто вудри вудрилъ —
Я того бы полюбилъ.
Во Казань городъ вступилъ
Плису, бархату купилъ,
И я плису и атласу
Тесову кровать украсу.

Вы туманы, разосенніе часты дожди,
Не пора ли вамъ, туманы, со синя моря долой?
Не пора ли вамъ, ребята, съ разгуляница домой?
Прошло лѣто, лѣто дорогое, прошла красна вся весна,
Всѣ празднички на проходѣ, ко мнѣ милой не бывалъ:
Знать-то мой другъ разлюбезный, знать, иную любить сталъ,
Знать иную, размилую Машутку у вдовѣ.
Ты, Машутка, ты шельма Машутка, ты разлучница шельма моя:
Не дала, шельма Машутка, во любовь съ милымъ пожить.

Какъ родила меня мать недоростка,
Какъ пустила меня мать недоростка,
Какъ жена-то меня, курва, не влюбила,
Она въ лѣсъ за калиной заманула
Ко сырѣму-то къ дубу привязала:
Она девять денѣчковъ не бывала,
На десятый день приходила.
«Ты здорово ль, недоростокъ, тутъ пируешь?»

—«Государыня жена! не до пиру;
Комарики головушку источили,
Всѣ дубовыя мвѣ корочки приѣлись
Вся болотная водица припилася».
«Ужь ты будешь ли, недоростокъ, пуцать въ гости?»
—«Государыня жена, ступай вовсе».
«Ужь и будешь ли, недоростокъ, провожати?»
—«Государыня жена, хоть до дому».
«Ужь ты будешь ли, недоростокъ, кормить хлѣбомъ»
—«Государыня жена, калачами».
«Ужь ты будешь ли, недоростокъ, поить квасомъ?»
—«Государыня жена, хоть сытою!»

Ахъ ты, вѣрная манерная,
Сударушка моя!
 Ахъ люли, да ахъ люли,
 Сударушка моя!
Ахъ да ты ль, моя сударушка,
 Повысушила...
Безъ морозу, безъ лютаго
 Сердце вызнобила.
Присушила русы кудри
 Ко буйной головѣ.
Ай люли, да ай люли,
 Ко буйной головѣ
Ты разсыпала печаль
По моимъ яснымъ очамъ;
Ты заставила ходить
По чужой сторонѣ;
Ты заставила любить
Чужу мужнюю жену.
Какъ чужая-то жена —
Лебедушка бѣлая;
А моя, курва, жена —
Полынь-горькая трава.
Полынь горькая трава
Во чистомъ полѣ росла,

Во ржи на межи,
На широкомъ рубежи.
Изъ ржицы во пшеницу
Перепелочка летить,
Что летить она летить,
Перепархиваетъ.
Какъ изъ терема въ теремъ
Красна дѣвица бѣжить,
 Ай люли, да ай люли,
 Красна дѣвица бѣжить,
Что бѣжить она, бѣжить
Все поглядываетъ
 Ай люли, да ай люли,
 Все поглядываетъ.

Чтой-то мнѣ
Матушка спалось,
Много во снѣ видѣлось,
Будто меня конь разносилъ.
Конь разносилъ,
Вороной разомчалъ;
Шапочка свалилась
Съ буйной головы;
Лучёкъ оборвался
Съ правой стороны,
Стрѣлушки посыпались
По сырой землѣ.
«Дѣтушка милая!
Сонъ раскажу,
Тебѣ разслезю
Себѣ догрублю (въ скорбь введу)
Конь разносилъ,
Вороной разомчалъ,
То тебѣ, дитятко,
Въ службѣ быть»;
«Шапочка свалилась
Съ буйной головы:

То тебѣ, дятятко,
Убиту быть;
Лучекъ оборвался
Съ правой стороны:
То твоей жонущкѣ
Вдовущкѣ быть;
Стрѣлушки посыпались
По сырой землѣ:
То твоимъ дѣтушкамъ
Сиротушкамъ быть.

Охъ да вянетъ, вянетъ
Въ полѣ бѣдная трава,
Она вянетъ безъ дождя
Силенъ дожжичекъ памочить,
Бѣдная трава отдохнетъ
Охъ да безъ того ли сердце ноетъ,
Оно ноетъ каждый часъ
То заноетъ, али то застонетъ
И вздохнетъ въ послѣдній разъ.
Пойду я съ горя въ чистое поле.
Разгуляюся али во лѣсу.
Охъ да ничего въ лѣсу не вижу,
Кромѣ стадичка овецъ;
Охъ да всѣ овечушки папарно
Бродятъ во лѣсу одни.
Охъ да я горькая несчастная
Одна въ горести живу.
Пойду я въ садикъ,
Разгуляюсь я во саду.
Охъ да ничего въ саду не вижу,
Кромѣ вишеня цвѣтуть;
Охъ да цвѣтуть вишеня едрены,
Всѣ слезами облиты,
Охъ да тамъ и листьа были милы
Гдѣ я съ милымъ гуляла,
Охъ да гдѣ я съ миленькимъ гуляла,

Много пташечекъ поють...
Канаренка моя любезная
Пріутѣшь хоть ты меня.
Охъ да отворю я тебѣ клѣтку —
Лити въ другу моему,
Охъ да прилетай и садь на вѣтку,
Пропой пѣсенку мою ему.

А въ теремѣ
А въ высокомъ:
Молодецъ дѣвицу
Подговаривалъ:
«Мы пойдёмъ, дѣвица,
А въ Казань городъ.
Нашъ Казань городъ
На горѣ стоитъ —
На всей красотѣ,
По горамъ, горамъ
А все каменные,
Разноцвѣтныя.
Казанка рѣка
Мѣдомъ протекла,
Малыя ручейки —
Бѣлымъ сахаромъ;
По лугамъ, лугамъ
А все травушка,
Все муравушка,
Все шелковая.
— «Ахъ бездушной ты!
Добрый молодецъ,
Халаушная
Твоя голова!
Я сама знаю,
Сама вѣдаю
Нашъ Казань городъ
На горѣ стоитъ, на всей пропасти»,
Казанка рѣка

Кровью протекла,
Малые ручейчки —
Кровь горячая;
По лугамъ, лугамъ
Ни травушка,
Ни шелковая
Молодецкая».

Зародила Ваню мать
На все горя, на печаль,
Чужихъ людей докучать.
Надокучилъ Ваня, надоѣлъ
Ваня родненькимъ своимъ,
Истрепалъ Ваня сапожки
Ко Дуняшѣ ходючи,
Изодралъ Ваня сюртукъъ
По заборамъ лазючи
Па заборамъ, па плетнямъ,
По дѣвчичимъ по клѣтамъ,
Истеръ Ваня перчатки.
За колушки держучи,
Згноилъ Ваня картузику
Подъ капелями стоячи,
Капелюшки капали —
По немъ дѣвки плакали,
Молддушки рыдали.
Старушеньки ругали,
За что Ванюшку поймали,
Больно на крѣпко связали,
Въ новы сани посадили,
Къ заставѣ падвозили,
Въ ново стуло посадили,
Русы кудри подобрили,
Во пучечки вязали
Ко Дуняшѣ отсылали.

Пошла Варя на задоръ
Раззаборила заборъ.
Приходилъ Егоръ на дворъ,
Егоръ нюхаетъ табакъ.
Советъ Варю во кабатъ
«Ужь ты пей-ко, Варя, чай,
Забывай свою печаль.»
—«Я чаю не хочу
И печали не ищу,
Я печали не ищу
Любить тебя не хочу.»

Шла Маша изъ лѣсочку,
Гнала стадо лебедей;
На встрѣчь Машенькѣ, Машуткѣ
Шель парнишка молодой.
«Здравствуй Машенька, Машутка.
Я давно тебя не видалъ.
Мы пойдемъ душа, Машенька,
Во питейный домъ гулять,
Во питейномъ во домочкѣ
Чаемъ, кофеемъ напою,
Сладкой водкой угощу,
Я словами улещу.»
—«Ты не льсти меня словами.
Не обманывай въ глаза.
Ты почувствуй другъ, Ванюша,
Я за что тебя люблю:
Черезъ тебя, мой другъ Ваня,
Всѣ я горести терплю
Всѣ я горести терпѣла,
Всѣ досады перенесла.
Я пятнадцать лѣтъ дѣвчонка,
На долинѣ я выросла;
Я отъ солнца, я отъ жара
Лица бѣлость сберегла;
Я отъ вѣтру и отъ бурн
Подъ закрытіемъ была,

Отъ худой я славы.
Я не вѣрила подружкамъ,
Что милова дружка жаль;
Я теперьча имъ повѣрю:
Я сама дружка люблю;
Я до тѣхъ поръ любить стану,
Когда скроются глаза,
Какъ закроютъ мои очн
Тонкимъ бѣлымъ полотномъ
Какъ засыплютъ мое тѣло
Желтымъ крупнымъ пескомъ,
Заростай моя могилка
Все травкою муравой
И польньюкой зеленой;
Ты забудь, забудь милой,
Заводи любовь съ пной.

Полоса ль моя полосынька,
Полоса ль моя непаханая,
Полоса ль моя непаханая,
Не пахана, не барнована.
Заросла моя полосынька
Чистымъ ельничкомъ-березничкомъ,
Молодымъ горькимъ осинничкомъ.
Я по ельничку рыжички брала,
По березничку березовы грибки;
Я брала, брала, аувалася:
Отливались пастушки, мои дружки,
Моего батюшки работнички,
Моей матушки помощнички...

На улицѣ, на улицѣ,
На улицѣ бѣлъ козелъ
Бѣлъ козелъ, бѣлъ козелъ.
Скочилъ козелъ въ огородъ,
Въ огородъ, въ огородъ!
Стопталъ козелъ лукъ-чеснокъ,

Одной травки не стопталъ,
Одной травки — муравой.
Шла дѣвица за водой,
За холодной ключевой;
Брала козла за рога:
Поведу я на базаръ,
Промѣняю на товаръ,
На алыя румяна,
На бѣлыя бѣдила...
«Отчего же ты ала?» —
— «Сударь, печку тошила,
Противъ печки стояла,
Жаромъ щечки нажгла!»
«Отчего же ты бѣла
Бѣлешенька бѣла?»
— «Муку, сударь, сѣяла!»

● Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—
Полно миленькій крушиться
Жалкимъ сердцемъ обо мнѣ;
Не теряй красы напрасно,
Не томись, пріятель мой.
Время кратко на проходѣ
Всѣ прошли драгіе дни,
Всѣ денечки на проходѣ,
Ручеечки протекли
Протекали ручеечки
Во зеленые лужки,
Изъ лужечковъ ручеечки,
Во темные во лѣса.
Во лѣсу красы не вижу,
Съ деревъ листочки опадутъ
Припали съ деревъ листочки,
Съ милымъ нѣжность отошла.
Отойдетъ съ милымъ гулянье,
Не свидаться никогда;
Развѣ въ тѣ поры увижу
У сосѣда ввечеру.

У сосѣда на бесѣдѣ
Замѣчаютъ и глядятъ,
Замѣчаютъ и смѣются,
Любить друга не велятъ!
Любить стану, не отстану!
До чужой до стороны,
До чужой дальней сторонки,
До злодѣя своего,
До злодѣя-лиходѣя,
До проклятаго житья!
Распроклятое замужье!
Молода замужъ пошла,
Молоденька замужъ вышла
За стараго старика.

Холмогоры. Зап С. В. Максимовъ.

Молодой Соломинка
Задумалъ жениться.
Онъ беретъ, онъ беретъ ли
Женку Либазинку
Онъ цалуеъ, онъ милуеъ,
Что голубъ голубку.
Да вотъ поидеть мужъ съ поля,
Назадъ поглядить;
Да вотъ дома ль моя жонка,
Дома ль Либазинка?
Эй, эй гобъ, гобъ, гобъ,
Гордей, Гордей, цобъ цобъ!
Дома ль Либазинка?

Сабурово. Малоарх. У. Сент. 1858.

Ахъ веселый день воскресенье!
Ой и ляли, ляли воскресенье!
Что сегодня меня батюшка просваталъ
За того ли за недоростка,
Недоростокъ по Волгѣ гуляетъ,
Со полуночи домой приѣзжая,

Поперегъ кроватишки ложится,
Что нельзя-то къ нему приступиться.
Разстегиваться не дается
Распоясываться не велится.
Ахъ ты курвинъ сынъ, недоростокъ!
Не тебѣ надо мной надругаться,
Не тебѣ надо мной насмѣхаться.
Насмѣхаться было офицеру,
Надругаться было молодому,

Дроздово, Малоарх. У. Записал. М. А. Стаховичъ.

Вы комарники, сударники, мои
Вы не дали всю почку проспать.
Часть заснула — дружка видѣла во снѣ
Будто, будто ко мнѣ миленькій приполъ.
Не слыхала, какъ во спаленку взошелъ
Чистой браной положечекъ размахнулъ
Онъ сѣдился на тесовую кровать
Онъ звалъ меня во чисто полѣ гулять,
Ревнивый мужъ не пускаетъ нигуда,
Хотя пустить, самъ во слѣдъ за мной поидеть.
Пойду, пойду я на мужа попрошу,
Велю, велю во полицу залучить,
Велю, велю хорошенько проучить,
Велю, велю ручки ножки перломать :
Мнѣ тогда будетъ своя воля гулять.
Не моя воля, вола бабушкина
А нѣга все матушкина.
Я по бережку похаживала
Гусей-лебедей заганивала
Тега, тега, гуси-лебеди домой,
Вы уже ли, вы наплавалися,
А я, глядя, наплакалася.
Приду домой догадаются
Съ чего лицо разгорантсѣ:
Или съ винца, или съ полпивца,
Или съ сладкой водочки.

Сабурово. Малоарх. Сегг. 1858.

Я разсѣю лебеду по переду,
Сама пойду съ офицеромъ по воду.
Нѣту ли, нѣту не дрягина, ни коня!
Загорѣлся зеленъ садикъ безъ огня!
Я одна-то дочь у батюшка была,
Одинѣшенька у матушки росла,
Выходила я на улицу гулять,
Выходила я на шіроку гулять,
Съ конопѣлушковъ воробушка имать
Я ничала съ воробушки —
Все бурлацкія головушки!
Внизъ по улицѣ дѣвица идетъ,
Внизъ по широкой красавица идетъ,
Она любиму свою пѣсню поетъ,
Поетъ, поетъ насвистываетъ:
«Подай, мати, жениха, жениха!
«Со царева со питѣва кабака...
«Подай, матушка, грамотничка —
«Подорожнаго писаря!
«Ты коровушку продай-таки, продай!
«Жениха мнѣ-ка подай-таки подай!

Мезенской У. д. Березникъ. Зап. С. В. Максимовъ.

Ходить нашъ хозяинъ по ярморочкѣ
Своимъ гуртоправамъ указывая:
Ужь вы, братцы, гуртоправы,
Выгоняйте вы гурты,
Выгоняйте скотину во широкія поля!
Какъ выходитъ нашъ хозяинъ на высокій на курганъ,
Онъ скотинушку любуя, самъ съ собою говоритъ:
«Ахъ ты скоть-моя скотина, безсловесная скотà,
Что и нѣтъ намъ, братцы, доли-то скотинушку водить,
Только есть намъ, братцы, доля
Да по Сашамъ ходить,
Злато серебро носить.»

С. Пальна. Записалъ М. А. Стаховичъ.

По морю карабличекъ бѣжалъ-тави, бѣжалъ,
Ай люли, ай люли, онъ бѣжалъ.
Во кораблюнкѣ Василій гулялъ, таки-гулялъ
Ай люли и проч.

Поиграйте гусли мысли вы теперича при мнѣ,
Вы теперича при мнѣ, при Васильѣ молодомъ.
Васильева мать Ирина таки рѣчи говорить:
«Шолно, Вася, ты гулять — ко вдовуникѣ не бывай:
У вдовушки дочь хорошая — люби таки люби!»
— «Родимая мать, тебѣ меня не унять,
Тебѣ меня не унять за быстру рѣчку гулять,
За быстру рѣчку гулять, ко вдовушкѣ побывать:
У вдовушки дочь хорошую любить, таки любить
Брови соболины, очи соколины,
Ей походочка павлина, тиха рѣчь лебедина.
Она баеть-разсынаеть; сверхъ погодой посынаеть
Хошь погодой посынаеть, Ванѣ мать не ютаваеть.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

Не пора ли домой ко двору?
Али дома нѣтъ никого?
Одинъ у меня постылый мужъ,
Онъ одинъ поперегъ коровати лежитъ,
Поперечныя рѣчи говорить:
Не велить мнѣ на улицу ходить.
Я на улицу не хаживала,
Я съ ребятишками не игрывала,
Съ молодыми я не шутивала.
Два я, дѣвушка, ребенка родила,
Отцу матери безчестье принесла,
Роду племени покоръ головы
А мнѣ младой вѣкъ позоръ нажила.
Я поѣду ли во торгъ торговать.
Да и гдѣ въ торгу полюбится,
Полюбилась въ торгу люлечка
Моему дитю вочулечка.
Я за люлечку три грошника,

За ключечки три копечки,
За подцѣпочки три денежки.
Ужь повѣшу ль я люлечку
Середь улицы на углушку,
Сама сяду я на лавочку,
А ноженьки на подцѣпочку.
Баю, баю мое дитятко,
Баю мое первоученко,
А мнѣ младой надокученко.
Умри, умри, мое дитятко,
Умри, умри, мое милое,
Опростаю мою голову,
Ты пусти гулять мѳлоду.

Пальна. Зап. М. А. Стаховичъ.

Какъ по мосту, мосточку калиновому,
По калиновому мосточку, по мадиновому
Туда шель-прошелъ дѣтинка уборненькій,
Уборненькій дѣтинка сварадивый:
Голубой на немъ кафтанъ — поды машутся,
Грязетовой камзолъ раздувается,
Екипажеца рубашка, аласть воротогъ,
Околъ шеечки длатогъ, словно розовой цвѣтокъ,
Во карманѣ второй — персидской дорогой.
Во правой рукѣ тросточка камыщевая,
Околѣ тросточки ленточка букетовая.
Молодецъ тростью подпирается,
Алорозовой лентой похваляется:
«Эта лента, эта лента, эта ленточка ала
Ала, ала, ала, мнѣ сударушка дала,
Сударыня, боярыня пожаловала.
Изъ-за этой изъ-за ленты изсушила молодца,
Присушила желты кудри ко буйной головѣ,
Заставила ходить по чужой сторонѣ
Приневолила любить чужу мужнюю жену.
Чужая жена — лебедь бѣлая моя,
А своя курва-жена — въ полѣ горькая трава,

Въ полѣ горькая трава, на межи въ полѣ росла
Косой выкошена, изъ зародъ вынесена
Ужъ я травку бы рвалъ, подъ себя бы склалъ.
А что мягко стлать, когда не съ кѣмъ спать,
А что хорошо ходить, когда не кого любить,
А что бѣло умываться, когда не съ кѣмъ разгуляться?
Я со той тоски на голой доскѣ,
На голой бѣдной дощенкѣ на палатишкахъ,
Кладу въ голову кручину, подъ бока кладу печаль.»

Арханг. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

Ахъ ты Люба, ты Люба моя,
Люба бѣлая хорошая моя!
Посмотри-ко да ты Люба на меня,
Какова жъ я зимою была:
Я зимою бѣла, румяна
Словно кралечка написаная,
Во бѣломъ лицѣ кровь-то горить.
Я по берегу похаживала,
Чернобыль-траву заламливала,
Гусей-лебедей заганивала.
Тега, тега, гуси-лебеди мои,
Да ужо ли жъ вы наплавалися,
Какъ и я млада наплакалася,
Я, наплакавшись, домой пошла,
Да на встрѣчу удалой молодець.
Ты удалый добрый молодець,
Разудалая головушка!
Не хватай меня за бѣлое лицо:
Мое личико разгарчивато,
Разгорится, не уймется,
Приду домой — догадаются,
Съ чего лицо разгорается:
Либо съ пива, либо съ зелена вина,
Съ сладкой водочки анисовой,
Съ короватупки тесовенькой.

Орловской губ. Малоархангельск. У.

Я по берегу похаживала,
Чернобыль-траву заламливала,
Гусей-лебедей заганивала,
Тега, тега, гуси сѣрне домой,
Не пора ли вамъ наплаватися?
Я, на вась глядя, наплакалася,
Я наплакалася, домой пошла,
Мнѣ на встрѣчу шель молодчикѣ молодой,
Ужъ онъ сталъ со мной заигрывать,
За бѣло лицо похватывать.
Не хватай меня за бѣлое лицо:
Мое личико разгарчивое,
Моя матушка догадливая.
Приду домой — догадается,
Съ чего лицо разгорается:
Или съ пива, или съ зѣлена вина (*),
Или съ крѣпкой, сладкой водочки.

Али розы, розы, розы расцвѣли.
Проѣзжали двѣ дѣвицы въ маскарадѣ,
Что на тѣхъ ли на новыхъ, на лаковыхъ саняхъ,
На военныхъ, на прекрасныхъ лошадяхъ.
Здравствуй милая, хорошая моя,
Чернобровая похожа на меня!
Будто кралечка написаная,
Бѣломъ лицомъ кровь горитъ.
Разгорится — не уймется.
Со милымъ любовь минуется,
Со милымъ любовь минуется,
Приду домой догадаются.

Архангельск Зап. С. В. Максимовъ.

По сумской по нивѣ
Гуляетъ милой на конѣ.
Сидитъ Машенька въ окнѣ.
Маша правой ручкой машеть;

(*) Или съ вина, или съ поливица.

Приворачивай, милой,
На широкой дворъ;
Станови своего добра коня;
Среди широкова двора,
Привязывай коня
Ко точеному столбу,
Ко точеному столбу,
Къ золоченому вольцу.
Пожалуй-ко, надежда,
Во высокой тереможъ.
Ты садись, моя надежда,
На тесовую кровать,
На тесовую кровать —
Въ уста буду цаловать
Въ уста буду цаловать,
Стану спрашивати:
Чѣмъ я, чѣмъ я,
Милой, огорчила,
Ты скажи, любезной мой?
Или тѣмъ, что вѣрно полюбила,
Потеряла свой покой?
Я спокою, право, не здорова
Не желала бы для васъ.
Слышу, вижу; тяжело вздыхаешь,
Есть иная у тебя,
Есть иная, милая, любезная,
Красна дѣвица-душа,
Есть разумница моя!
Горе, горе у дѣвушки сердце,
Разгорайся въ лицѣ кровь!
Гасни, гасни любовь наша страстна,
Наливайся бѣла грудь!
Смѣйся, смѣйся, любезный, надо мною,
Когда буду слезы лить,
Тогда васъ буду любить.
Я любила любезнаго смертельно
По желанью своему,
Что не столько милой меня любить,
Сколько я его люблю:
Много горестей терплю,

Вдвое слезъ по немъ роню.
Ужь вы кудри, мои кудри,
Свѣтлорусыя мои!
Не попржнему мои кудерушки
По плечикамъ лежать,
Сами развиться хотять.
Завивала эти кудри
Красна дѣвица душа;
Развивала свѣтлорусы
Чужа дальняя сторона.

Бѣлое Море. Запис. С. В. Максимовъ

Что жъ ты, Ванюшка, не весель,
Буйну голову повѣсилъ,
Черной шляпой накрылся,
Гарючѣй слезѣй залился,
Шелковѣмъ платкомъ утѣрся.
Шелкавый платокъ съ орлами
Носилъ Ванюшка въ карманѣ,
Торилъ Ванюшка дорожку,
Черезъ рѣченьку на горку,
Ко большой избѣ, къ окошку,
Ко татьянину дворочку.
Таня, Татьяна, открой окошко,
Хоть маленьчко немпожко:
Я въ гости пришолю,
Дорогой подарокъ принесъ —
Кумачу да китайки.

Я маленьенька дѣвушка была,
Не спознала молодецкаго дѣвка ума,
Каковъ умъ-разумъ, обычай у мила дружка.
Выходила я за широки новы ворота,
Я стояла со любезнымъ дружкомъ одинъ часъ,
Я ронила горячи слезы изъ глазъ
Во свой тоненькій, кисейный, во бѣлой во платокъ.
У милова слезы катятся ручьемъ изъ глазъ.

Говорилъ милѡй такія рѣчи-слова:
«Что ты, лапушка, худа стала, очень блѣдна,
Изъ ясныхъ очей не очень стала весела?
Или тужишь, или плачешь, радость, обо мнѣ?»
— «Все я, все я по тебѣ, миленькой, тужу,
Чуть, насилу по бѣлу свѣту хожу-брожу,
Съ принужденьцемъ на бѣлый свѣтъ, млада, гляжу.
Приди, миленькій, на ночку ко мнѣ ночевать:
У меня ли въ домѣ теперь нѣту никого;
Одинъ маленькой мальчишечко спить со мной,
Вотъ онъ крѣпко спить, не пробудится во всю темну ночь,
Хошь пробудится — не знаетъ парень ничего.
Хоша знаетъ — онъ не скажетъ, парень, никому;
Хоша скажетъ — не повѣрятъ парню малому,
Хошь повѣрятъ — не повѣсятъ меня за него.

Кола. Зап. С. В. Максимовъ.

Ваня Катеньку любилъ,
Ей подарокъ подарилъ,
Подарочекъ дорогой —
Перстенёчекъ золотой.
Перстенекъ буду носить —
Станетъ маменька бранить;
Запродать, промѣнять —
Будетъ Ванюшка пѣнять.
Пойду-выйду на Двину
Я на самую глубину,
Сама выйду на гору,
Посмотрю я на Двину:
На водѣ перстень не тонетъ —
У катюши сердце ноетъ,
Сердце ноетъ и болитъ,
Ванюшку любить велитъ.
Перстенекъ пошелъ ко дну —
Знать, любилъ Ванька одну.

Пинега. Зап. С. В. Максимовъ.

Можно ль, можно душѣ красной дѣвкѣ
Можно ль, въ рошѣ, въ рошѣ разгуляться.
Разгуляю свою грусть-тоску,
Пойду я съ горя на синее море.
Саду я, саду на круть бережокъ.
Что не одна я, дѣвушка, сидѣла, вижу,
Я вижу тѣнь на водѣ.
Тѣнь сухая, тѣнь моя пустая, тѣнь
Холодная въ рѣчкѣ вода.
Спрошу я у быстрой у рѣчки:
Не бывалъ ли мой милой здѣсь?
Быстрая рѣчка ему отвѣчала при мнѣ :
Нѣтъ здѣсь, нѣтъ здѣсь никого.
Вечоръ поздно, поздно изъ лѣсочку
Милъ на тройкѣ ко мнѣ выѣзжалъ.

Шель мой миленькій лужечкомъ, бережкомъ.
Машетъ миленькій платочкомъ, правою рукой.
Воротися, миленькій, назадъ: я забыла что сказать.
Я забыть дружка не забыла, проходило лѣтечко, весна,
Наступило время грозно — холодная зима.
Зима рѣченьки заморозила, ручеечки не бѣгутъ.
Въ полюшки травушка завяла и цвѣточки не цвѣтутъ.
Что на этихъ на цвѣточкахъ мелки пташечки не поютъ.
Какъ-то одна пташечка жалобнехонько поетъ,
Цташка жалобно, грусть надзолуш ку сердцу даетъ.

Размолоденькій дѣтинушка,
Мальчигъ молодой!
Ты не стой-ко, не дожидай,
Любезный, у воротъ;
Не давай-ко тоски-кручинушки
Сердцу моему!
Мнѣ не то ль было тошнѣшенько,
Дѣвицѣ одной;
Растошнехонько, тяжелешенько,
Любезный мой!

Живучись-то мнѣ
На чужой дальней сторонѣ
Намъ приходитъ весна красная,
Съ милымъ весновать;
Наступаетъ лѣтико теплое
Съ миленькимъ въ саду гулять.
Значить, дѣвушкѣ
Не гуливать съ дружкой въ саду;
Мнѣ не сиживать возлѣ рѣчки
Въ садикѣ съ дружкой;
Мнѣ не считать
Мелкихъ пташечекъ на лету,
Мелки пташечки
Соловюшки въ саду одни;
Съ куста на кустъ пташки перелетывали
Съ саду на садъ
Пташки перелетывали,
Вѣсти, письма къ дѣвушкѣ перенасивали.
Одной дѣвушкѣ
Нерадостно пришло письмо.
Я со тѣмъ ли письмомъ
Заплакала, прочь пошла.
Распечатала письмо,
И въ постелечку легла,
Всю перинушку боками дѣвушка обдела;
Все зголовнице слезами, красна, облила,
Своего ль дружка
Забыть не могла!
Такого дружка мнѣ во вѣки не забыть.
Мнѣ не возрастомъ, ни ростомъ дѣва красотой
И молодецкой его поступи,
Модной, щегольской.

Бѣлое Море. Зап. С. В. Максимовъ.

Люди добрые скажите, какъ мнѣ горе горевать,
Вы скажите, научите, какъ мнѣ милова забыть.
Влюблена въ дружка смертельно, знаю, что любитъ меня.
Мы предъ Богомъ обѣщались, чтобъ другъ друга любить.

Вѣрной клятвой мы поклялись, чтобъ бракъ свой совершить.
Вострастная сила не захотѣла нашего счастья обвинять.
Предъ послѣдней кончиной сынъ у матери ручку бралъ,
Сынъ у матери ручку бравши, ливши слезы и сказалъ:
Позволь, маменька родная, позволь взять ее за себѣ.
Вотъ-позволила родная-отъ онъ близокъ къ смерти былъ,
Вспомнивши ея имя, онъ навѣкъ глаза закрылъ.

Сабурово. Малоарх. Сейт. 1858 г.

Соловешко премилый,
Ты вездѣ можешь летать.
Подетай въ страны веселы,
Въ славный городъ лети Ярославль.
Тамъ взыщи-ко дружка милова,
Сядь поближе ты, голубь, къ дружкѣ;
Ты скажи-ко дружкѣ милому
Отъ меня ты скажи низкій поклонъ.
Вовторыхъ, скажи любезному,
Про несчастье, скажи, про мое,
Что великое мое несчастье:
Сашу замужъ отдають.
Отдають ли то Сашеньку замужъ
Не за милаго за дружка,
А за стараго Сашу старика.
У стараго-то было и сѣдаго
Трое дѣтокъ было у него:
Впервыхъ Саша, вторыхъ Маша,
Втретьихъ сынъ былъ Ванюшенька.
Не въ гостяхъ ли я, Сашенька, гостила,
Во бесѣдушкѣ Саша сидѣла,
Во бесѣдушкѣ со дружочкомъ;
На любезнаго дружка смотрѣла
Скажетъ мой-то милой хорошій,
Онъ до дѣвушекъ ласковъ былъ.
Свою прежнюю подружку
На колѣни онъ Сашу посадилъ,
Праву рученьку весьма крѣпко жатъ

Праву ручку со колечкомъ
Крѣпко въ сердцу прижимать.
Проявился у Саши въ лицѣ жаръ;
Вышла въ сѣни Саша простудится,
Чтобы жаръ съ лица согнать.
Не успѣла я выйти въ сѣни,
Частый дождичекъ пошелъ,
Милой съ рыночка пришелъ,
Милъ подарочекъ принесъ,
Подарочекъ дорогой,
Перстенечекъ золотой.
Не хочу я перстень носитьъ,
Хочу на воду перстень бросить
Во матушку во Двину
Я во саму глубину.

Въ Кеми. Архан. Губ.

У Макарья на лужку
Стоитъ бражка въ туезку;
Брага пьяна и хмѣльна,
.....
Ты приздынь да прогребни,
На гору не ходи;
На горѣ дѣвки живутъ,
Шельмы, обманчивыя
Онѣ брагой не поятъ,
Въ глаза, курвы, глядятъ.
Во горницѣ во новой,
Во свѣтлицѣ свѣтловой,
На кровати тесовой,
На перинѣ пуховой
Лежитъ коваль молодой.
Красна дѣвица по свѣтлицѣ
Похаживаетъ,
Молодаго коваля
Сама побуживаетъ.
«Ужь ты встань, душа коваль,
Пробудись молодой!
Ужь ты скуй, душа коваль,

Гвоздочки подъ башмачки,
Да трои золоты ключи!»
Ото сну душа коваль
Пробуждается...

Усть-Цыльма. Мезенск. У. Зап. С. В. Максимовъ.

Я не вѣрила подружкамъ о чемъ тужить, плакать,
А теперича повѣрю всякому злодѣю,
Я злодѣю-лиходѣю, да кто кого любитъ.
Любилъ парень дивчоночку до поры до время
До такова поры время, до теплаго лѣта.
Тепло лѣто на проходѣ — съ милымъ разставанье.
Разставался мой любезной съ крутыми горами.
А ты моя любезная съ черными бровями
Эти брови, эти черны иссушили парня.
Исушилъ парень дѣвчонку, что въ полѣ былинка
Что въ полѣ-та былинка въ саду польнинка.

Сабурово. Малоарх. Сент. 1888.

Сторона ль моя сторонка, несчастная сторона
На несчастной на сторонкѣ ковыль-трава не растетъ,
Ни травушка, ни ковыль, ни цвѣточки не цвѣтуть.
На цвѣточкахъ мелки птички не поютъ.
Я милому говорила, любезному своему,
Если тебѣ не по нраву, сошли въ свою сторону,
Возьми въ руки пистолетикъ, прострѣли жъ ты грудь мою:
Я тобой буду довольна, прекратишь ты жизнь мою.
Ты и сдѣлай, милый, гробикъ изъ чистаго хрусталя
Положи же, милый, надпись золотыя литеры
Золотыя литеры, что любила тебѣ я.

Сабурово. Малоарх. У. Сент. 1888 г.

Несчастливая дѣвка я на свѣтѣ рождена,
По несчастью своему всѣ любви призошла,
Полюбила душа я такова молодца,
Я такова удалова я Ванюшу браваго.

1/215

И Ванюша возвѣль, чужу сторону спозналъ
На чужой ли сторонѣ онъ иную полюбилъ,
А меня ли, красную дѣвку, на вѣкъ вѣчный погубилъ.
Вотъ заставилъ, варваръ, вѣкъ во дѣвушкахъ сидѣть.
Вѣкъ во дѣвушкахъ сидѣть худу славушку терпѣть.
Худа славушка пройдетъ — никто замужъ не возьметъ:
Да ни баринъ, ни купецъ, ни крестьянской мужичокъ.

Сабурово. Малоарх. У. Сент. 1858.

Не бѣла заря въ окошечко взошла,
Ко мнѣ милая сама въ гости пришла,
Въ окошечко бѣлу руку подала,
А другою привѣчала молодца;
Чернобровый, черноглазый милый мой,
Намъ не долго во любви съ тобой пожить,
Намъ не долго во саднѣ погулять;
Слышу-вижу мнѣ несчастье твое,
Слышу-вижу, что женить дружка хотять,
Тебя женють, меня замужъ отдадутъ.
Если женишься — займай въ гости ко мнѣ:
На прощаньице я платочекъ подарю.

Записана А. А. Григорьевымъ.

Скоро бѣлой снѣжокъ палъ,
Молодецъ съ коня упалъ,
Онъ упалъ, упалъ — лежитъ,
Никто къ нему не бѣжитъ.
Его прежняя милая
Скорехоньво подбѣжала,
За бѣлы руки держала,
Посадила на коня,
Черную шляпу подала
Низкой поклонъ отдала.
Ты поѣдешь, другъ, жениться,
Заверни ко мнѣ проститься;
Ты поѣдешь, другъ, гулять —

Заверни ко мнѣ во садъ:
Въ саду яблочки висятъ.

Елецк. У. Зап. М. А. Стаховичъ.

Какъ во братовской конторѣ
За убранными столами
Сидѣлъ молодець въ уборѣ.
Пришла дѣвица въ нарядѣ,
При кисейной бѣлой юбкѣ,
При голубомъ полшубкѣ;
Бѣла юбочка съ борами,
Полшубочекъ съ казами (*),
Околъ шеи шаль атласна,
На головушкѣ повязка,
Въ ухахъ серьги золотыя,
Золотыя, зерновыя.
Она кстилася-крстилася
На всѣ стороны челомъ,
Ему писарю повлонъ,
Ужъ онъ писарь не стерпѣлъ,
За дѣвицей посмотрѣлъ:
Бросилъ книги и бумаги,
Всѣ казенныя дѣла.
Встала дѣвушка мила,
Красавица дорога,
Праву рученьку дала,
За меня замужъ пошла.

Припѣвъ: «Ай люли»

Бѣлое Море. Зап. зап. С. В. Максимовъ.

Течетъ рѣчка по песку
Во матушку во Москву,
Во матушку во Москву
Ко фабричному двору.

(*) Хазы — золотой позументъ.

Ужь фабричныя ребята
Хоть малы да удалы:
Они сукна ткутъ
На двѣнадцать рукъ.
Они сукна перетгали,
На кафтаны перешпли;
Намъ недороги кафтаны,
Были бѣ денежки въ кармагнѣ!
Во полночь деньги гремятъ,
Во кабакъ идти гулять,
Мы приходимъ къ кабаку,
Да цѣловальникъ на боку.
Цѣловальникъ маритантъ!
Отпирай новыя кабакъ!
Отпирай кабакъ скорѣе,
Наливай меду полнѣе.
Мы возьмемъ вина восьмуху,
Наберемъ духу;
Мы ударимъ шельму въ уко
Сами вонъ поидемъ,
Мы на фабричекъ зайдёмъ.
Мы на фабричекъ живали
Коломингу работали,
Много денегъ получали,
На кабакъ скоро ступали,
Полведра вива купали
Ребятишекъ напоили:
Ребятишки сидя, здѣсь,
Они головы повѣся,
Опохмѣлиться хотять,
Опохмѣлки здѣсь нѣту
Веселое кричить здѣсь,
У насъ шуба нова еся,
Отдадимъ мы шубу въ дѣло,
Мы заложимъ въ кабаки
Да въ одномъ пятакѣ;
Пятака намъ не дають,
Только въ шею задають.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

Изъ-за краснаго носка
Выѣзжаютъ три карбаса:
Въ первомъ Русиновъ Иванъ,
Въ другомъ базарный Мартемьянъ;
А въ третьемъ повѣренной Щепинъ.
Мартемьянъ былъ холостой,
Сталъ ко вдовѣ на постой,
Книги, счета всѣ оставилъ,
Самоваръ на столъ поставилъ.
Ужъ какъ некому довѣрить
Мартемьяну вина мѣрять.
Въ день до вечера гуляли,
Безъ повойнпковъ плясали;
Не хватило мало дня,
Ночью двое безъ огня
На залѣтку (*) заложили,
Какъ могли расположились,
Идетъ пьяненькой Басинъ,
Съ носу капелька виситъ,
Идетъ пьяной, поскорѣе,
Дернулъ двери посмѣлѣе;
Сошли двери со крючка,
Заплясали казачка. (Некончена).

Архангельск. Губ. Зап. С. В. Максимовъ

Отчего сердце страдаетъ
Отчего пылаетъ кровь
Сердце чувствуетъ любовь.
Какъ любовь наша сердечна
Скорбь за скорбія зашла.
Я и сдѣлалась больна,
Я больнымъ больнымъ больна,
Во постелюшку слегла,
Во постели три недѣли лежала
На четвертую недѣлю
Выздоровливать стала
А на пятую недѣлю

(*) Задвижка у дверей.

Во зеленый садъ пошла.
Во зеленомъ во садочку
Распускаются древа,
На лужкахъ цвѣты цвѣтутъ
Кривъ далины ключи бьютъ,
Мелки пташечки поютъ;
Мелки пташечки запѣли,
Сидя въ рощѣ подъ кустомъ,
Подъ лавровымъ подъ листомъ.
Молодецъ въ гусли игралъ
Своей бѣлой рукой;
Къ нему дѣвка подходила
Начала его стыдить:
Если любишь такъ люби,
А не любишь — откажи.
Я любить же не люблю,
Откажется не могу,
Откажется не могу,
Я гулять съ тобой пойду.

Сабурово. Малоарх. У, Сент. 1858.

Бѣхаль поваръ на чумничѣ,
Двѣ кастрюли впереди!
Ай люли!
Наша печка со похмѣлья,
Угорѣло помело,
Всѣ ухваты станцовали,
Кочерга плясать пошла!
На Онѣвскомъ на прищептѣ
Со косушкой разсуждалъ:
Здравствуй, милая косушка,
Развеселый полуштофъ,
У Дружинихи калачъ
У Мартынихи табакъ.
Калача покушаю,
Табаву понюхаю.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

Боленъ, боленъ мой любезнай,
Очень крѣпко нездоровъ.
Говорятъ, что простудился
На гуляньи вечеръ былъ,
На гуляньи во бесѣдѣ
Парень дѣвушку обнялъ.
Дѣвчоночкѣ стыдно стало,
Стала плавать и рыдать.
Мальчоночки жалко стало,
Онъ сталъ дѣвку унимать:
«Ни плачь, дѣвка, ни плачь красна,
Я самъ холостъ, не женатъ:
Когда вздумаю жениться
Я посватаю тебѣ.»
«Ты бѣденъ, я богата
Не быть дѣвкѣ за тобой».
«Ты богата, а я бѣдный,
Я красавецъ передъ тобой».

Сабурово. Сент. 1858.

Ай матушка-кручина, государыня-печаль!
Не кручина засушила — печаль засушила;
Изушила-крушила дѣтинушка, молодчиѣ молодой.
Онъ во тоненькой рубашкѣ понравился дѣвкѣ Машкѣ.
Его матушка Арина ему рѣчи говорила:
«Полно, Ваня, перестань, прочь отъ дѣвушки отстань».
«Сударыня моя мать, тебѣ меня не унять,
Тебѣ меня не унять за охотою гулять,
За охотой, за такой, за дѣвичьей красотой.
Ужъ хоть быть-то я бывалъ, да довольно погулялъ,
Хоть и спинушка избита, да сударушка нажита;
Хоть спинушка износила, да сударушка мила.
Полили-то съ горъ потоки, стала мать потавать,
Стала мать потавать, стала сына посылать:
«Поди, Ваня, погуляй, у дѣвушки побывай».
У дѣвушки, у такой былъ хорошій упокой,
Упокой мой упокой, не разстался бъ я съ тобой».

Записана А. А. Григорьевымъ.

Какъ вечеръ, вечеръ Ванюшу
Родной батюшка бранилъ,
Родна матушка журила!
Ужь ты гдѣ, ты гдѣ Ванюша
Вечеръ долго пропадалъ?
— Пропадать не пропадалъ,
Я на улицѣ гулялъ,
Хороводы заводилъ;
Въ хороводахъ я плясалъ;
Красныхъ дѣвогъ цаловалъ:
Хорошую дважды,
Пригожую трижды.

Я худую хударьбу
Кругомъ семь разъ обойду,
Поцалую одинъ разъ,
И то ради славы
Чтобы люди знали.

Она вышла на улицу
Разсовинилась,
Расчуфырилась:
Какъ вечеръ-то меня дѣвушгу
Дѣтина цаловалъ,
Крѣпко къ сердцу прижималъ,
Разлапушкой называлъ.

Вспомни, вспомни моя любезная нашу прежнюю любовь:
Какъ мы съ тобой, моя любезная, погуливали,
Осенняя, долгая ночи прохаживали,
Любовная, тайная рѣчи говаривали:
Тебѣ мой другъ, мой другъ не жениться, мнѣ замужъ нейти.
Передумала красная дѣвица въ одну темную ночь;
Женись, женись, мой любезный, я сама замужъ пойду.
Въ чистомъ полѣ, полѣ при дорогѣ стоялъ новъ высокъ теремъ,
Какъ въ томъ ли въ новомъ теремочкѣ красная дѣвица поють,
Знать-то, знать-то мою любезную замужъ отдають!

За недѣлюшку мое сердце чую,
По зараннему же мое сердце испужалося.
Разыгралися дѣвки у чужихъ воротъ,
У чужихъ воротъ онѣ, у сосѣдовыхъ.
Одна ль дѣвушка, она глупо сдѣлала,
Что любить-то она любить Васю бросила!
Что за то его, за то любить бросила
Часто пьянаго она его видѣла.

При долинушгѣ калинушка стоитъ,
На калинѣ соловей-птица сидитъ,
Горьку ягоду калинушку клюетъ,
Онѣ калиною закусываетъ.
Прилетали къ соловью три соколѣ,
Звали-брали соловейку съ собой,
Посадили его въ вѣточку
За серебряну рѣшеточку,
Заставляли соловьюшку пѣсни пѣть.
Уж ты пой ли, распѣвай мой соловей,
При кручинѣ спотѣшай-ко молодца,
А при радости возвесели.
Соловей во всю ноченьку не спалъ;
Добрый молодецъ въ цинбалы проигралъ,
Душу красную дѣвицу спотѣшалъ;
А дѣвица выхваляла молодца:
Уж какъ нѣту такого молодца
Ни въ Казани, ни въ Астрахани,
Ни въ Питерѣ, ни въ Новѣгородѣ;
Проявился такой молодецъ
У Макарья на ярмонгѣ —
У Николи на желтыхъ пескахъ.

Какъ бы чарочку горѣлки —
Я бы пьяна напилася,
Любо, любо, любо, любо
Любо, любо, любо, любо!

Я бы пьяна напилася,
Вдоль по улицѣ прошлася
Любо...

Вдоль по улицѣ прошлася
Трое бѣ чоботовъ стоптала
Любо...

Чобѣ, чобѣ, чобѣ, чоботочки,
Здравствуй, милые дружечки,
Любо...

У насъ въ домѣ нездорово
Любо, любо нездорово
Любо...

Свекоръ съ печки свалился,
Подъ корыто завалился
Любо...

Кабы да я была
Я бѣ повыше подложила
Любо...

Я бѣ повыше подложила —
Свекру бѣ голову сломила.

РУССКІЯ ПѢСНИ

ИЗЪ СОБРАНІЯ

И. И. ЯКУШКИНА.

IV.

ОБРЯДОВЫЯ ПѢСНИ.

а) *Свадебныя.*

На горочѣ деревцо,
На горѣ кудреватое
Высоко, тонко выросло,
Кунями обдѣвлено.
Что подѣ тѣмъ было деревцомъ,
Подѣ тѣмъ подѣ кудрявымъ,
Тулилась, хоронилась
Душа красна дѣвица
Анисья Ивановна.
Сама она похваляется
Похвалой своей великою,
Красотой своей дѣвичьею.
Изъ-за этого деревца,
Изъ-за этого кудряваго,
Некому меня выкупить
Что не стоить, да не другіемъ,
Да не цѣлюю счетной тысячей,
Что слышала ту похвалу
Удалой доброй молодець

Сергѣи Васильевичъ:
«Не хвались, красна дѣвица,
«Анисья Ивановна!
«Я одинъ тебя выкуплю,
«Я безъ ста, да безъ другаго,
«Безъ цѣлой счетной тысячи:
«Съ единымъ я со *тысячкимъ*,
«Я со крестнымъ со батюшкой,
«Съ одною со сватьришкой
«Я со врестной со матушкой.

Архангельск. Губ. Зал. С. В. Максимовъ.

На высокомъ на курганѣ
Да Марьюшка траву жала
Васильевна шелковую
(О)на тѣмъ серпомъ серебрянымъ
(О)на той ручкой позлаченной.
Мимо ѣхалъ Иванъ, сударь,
Мимо ѣхалъ Ивановичъ.
«Богъ тѣ помочь траву жати,
Богъ тѣ помочь шелковую.»
— Отъѣзжай прочь, Иванъ сударь,
Отъѣзжай-косъ Ивановичъ;
Не велѣла мнѣ мати
Съ холостыми стоять,
Съ женатыми говорить». .
И шли дѣвки долиндію
Несли фонарь подъ полою;
Въ фонаречкѣ уголёчекъ
Уголёчекъ разгорался
Мой батюшко стосковался
По душѣ красной дѣвицѣ
Да по Марьюшкѣ сестрицѣ.

Сабурово. Малоярх. Уѣзд.

Какъ ударили два мороза, третій снѣгъ
Ай лой, лой, люли!
Третій снѣгъ

Четвертая холодная зимушка
Призобили сходатова свата на конѣ,
Приморозили бѣлыя рученьки ко водамъ,
Приморозили быстрыя ноженъки въ *струменахъ*.
Выходила свѣтъ Марьюшка изъ терема долой.
Выходила Васильевна съ висока долой,
Выносила кунью шубу на плечахъ.
«Ну и вотъ тебѣ, сходатай сватъ, одежда
Ну и вотъ тебѣ широкая дорога».

Сабурово. Малоарх. Уѣзд.

—
Растопись батюшка,
Разгорись сыра каменка,
Ты рассыпись крупенъ жемчугъ
Не по атласу, не по бархату,
По браной по скатерти,
По серебряному блюдечку!
Расплачься красная дѣвица
Передъ своимъ отцомъ, матерью:
«Государь мой батюшка,
На что хочешь пиво варить?
Иль ты хочешь сына женить,
Молоду сноху въ домъ принять?»
— «Ты дитя ль мое, дитятко,
Хочу тебя замужъ отдавать
Не за князя, не за барина
За своего, за крестьянина.»

—
Ты заря ль моя зорюшка
Зорюшка вечерняя,
Ай люли, люли лёли,
Зорюшка вечерняя!

Солнушко восхожес
Высоко восходило,
Далеко освѣтило —
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море.
Какъ на синемъ на морѣ
Тутъ лежала жордочка
Тонкая, кленовая,
Гибкая сосновая.
Тутъ никто не хаживалъ
Никого не важивалъ.
Переходилъ добрый молодецъ
Переводилъ — красну дѣвицу.
Переводилъ онъ ее
И цалуетъ и милуетъ:
Ты ходи — не обманывай,
Ты люби — не сравнивай. (*)
Другъ ты мой, красна дѣвица,
Ты роди-ка мнѣ сына
Бѣлаго сыра,
Ты роди-ка мнѣ
Бѣлую лебедушку.

Полечкомъ, полечкомъ
Уторена дорожка конечкомъ,
Уѣзжена широка поступчивымъ.
Кто эту дорожку уторилъ,
Кто эту широку уѣздилъ?
Уторилъ дорожку Иванъ господинъ,
Уѣздилъ широку Васильевичъ,
А все ходючи ко Лукерѣ своей,
А все ходючи ко Ивановнѣ,
А все носючи гостинцы.
Первой гостинецъ да изюмецъ,
Другой гостинецъ — пряничекъ,

(*) Или «не расгадывай» или «не расглядывай».

Третій гостинець — бѣль сахаръ,
Четвертый подарокъ — самъ на дворъ!
Не шелковая ленточка
Къ стѣнкѣ льнетъ:
Иванъ передъ батюшкой
Челомъ бьетъ.
Не тесанъ теремъ, да не скобленъ,
Только хорошо да раскрашенъ,
Всеякими красными да разноцвѣтными!
Неученъ Иванъ да не школенъ,
Только хорошо да снаряженъ!
Благослови, сударь батюшко, жениться
На душѣ на красной дѣвицѣ,
На молодой Лукерьѣ Ивановнѣ!

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

Ай сборы, сборы Лукерьюшкины,
Ай сборы, сборы Ивановны,
Собирала Лукерьюшка всѣхъ подругъ,
Собирала Ивановна всѣхъ своихъ,
Садила подруженекъ за свой столъ,
Сама садилась выше всѣхъ,
Клонила буйную голову ниже всѣхъ,
Думала крѣпкую думушку вѣщице всѣхъ:
Подружки, голубушки мои,
Придумайте мнѣ да пригадайте:
Какъ будетъ назвать люта свекра,
Какъ будетъ назвать свекровушку,
Какъ будетъ назвать деверьюшковъ,
Какъ будетъ назвать золовусекъ?
Мнѣ свекромъ назвать такъ безчестно
Батюшкой назвать не хочется.
Убавлю я спѣси-гордости,
Прибавлю смиренства-кротости:
Назову люта свекра батюшкой,
Назову свекровушку матушкой,

Назову деверьцовъ братьцами,
Назову золовущекъ сестрицами,
Назову Ивана-го душенькой,
Назову я Васильича — ягодою.

Холмогорн. Зап. С. В. Маскиновъ.

Не буйные вѣтры
Навѣяли,
Незваны гости
Наѣхали
Подломили
Сѣни новыя,
Подломили
Съ переходами,
Растушили
Чару золотую,
Выпустили
Соловья изъ саду.
Распачется, растужется
Агафьюшка,
Распачется, растужится
Свѣтъ Ивановна:
Мнѣ по вамъ, сѣни,
Не хаживати;
Мнѣ тобой, чара,
Не подхаживати;
Тебя, соловья,
Не видати будеть!
Кто меня станеть
По утру будить,
По утру будить,
Рано развеселить?
Сговорить, спромолвить
Александръ господинъ,
Сговорить, спромолвить
Михайловичъ свѣтъ:

Я тебѣ построю
Сѣни новыя,
Я тебѣ построю
Съ переходами;
Я тебѣ солью
Чару золотую;
Я у тебя
Соловей въ саду,
Я у тебя
Молодой въ зеленомъ.
Я тебя стану
Поутру будить,
Поутру будить
Рано развеселить.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

Мимо батюшковъ высокъ теремъ,
Мимо матушкинъ зеленый садъ,
Мимо дѣвицынъ зеленъ садъ,
Пролегала путь-дороженья,
Широка долга сироважена;
Что я по той ли по дорожкѣ,
Что я по той ли по широкой
Тамъ ѣдетъ-гуляетъ
Удалой доброй молодець
Иванъ-то Ивановичъ.
Онъ сворачивалъ съ дороженьки,
Приворачивалъ къ окошечку,
Колотился подъ окошечкомъ
Своей тростью натуральною.
«Ты душа ль моя, душенька,
Душа ль красная дѣвица
Да ты, Марья Ивановна!
Приотвори, душа, окошечко,
Приотдери занавѣсочку,
Покажи-ко лицо бѣлое,
Лицо бѣлое, румяное,
Будто порѣха — снѣгу бѣлаго!»

Будеть ты, душа, прилюбишься —
Я товарищу похваляю,
Своему брату крестовому». —
Прилюбилась красна дѣвица
Удалому добру молодцу
Ивану-то Ивановичу.

Арханг. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

На угорьшкѣ часовенька стояла,
Да стояла, да стояла, да стояла,
Черезъ рѣченьку черемушка лежала
Лежала и проч.
Что никто по той черемушкѣ не пройдетъ.
Двѣ ягодки переходятъ,
Двѣ наливныя переходятъ,
Да Ѳедоръ Катерину переводить:
«Ужь ты Катенька не свалися,
«За сибирочку удержиися,
«Чтобы Катенька не упала,
«Еще Ѳедору въ семью попала,
«Что во эту семью торовату,
«Во природушку во живату» (*).

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

Что не ключики-то брякнули,
Да не замочки-то застучали,
По рукамъ сваты ударили.
Государь кормилецъ батюшко,
Съ государыней со матушкой,
Я объ чемъ да васъ просить буду:
Не зажигай, кормилецъ батюшко
Да государыня матушка,

(*) Гостепрѣмную.

Ты свѣчи воску яраго,
Не отдавай-ко, сударь батюшко,
Ты меня во чужи люди
Ты ранымъ меня ранешенько,
Зеленымъ ты зеленешенько.
Чѣмъ же я, кормилецъ батюшко,
Съ государыней со матушкой,
Чѣмъ же я васъ распрогнѣвала?
Развѣ я вамъ не работница:
Я встаю-то всѣхъ ранешенько,
На работу красна дѣвица
Всѣхъ усерднѣй, всѣхъ припадчивѣй
Ты наймешь, кормилецъ батюшко,
Ты наймешь себѣ работницу
Ты лѣнливую-сонливую!
Разбудить, кормилецъ батюшко,
Разбудить васъ будетъ нѣкому,
Выходить-то во чисто поле
Вы позднымъ будетъ позднихонько.

Записана А. А. Григорьевымъ отъ череповицкой жительницы.

Богъ судья, кормилецъ батюшко,
Государыня матушка,
Не падкіе, не жалостливые:
Ты польстился, родной батюшко,
Съ государыней со матушкой
Ты на дружку на лестливаго,
А на свата на хвастливаго.
Знать, я хлѣба много выѣла,
Знать рѣву да воды выпила.

Ты кормилица родна матушка,
Ты сама да знаешь-вѣдаешь,
Каково жить во чужихъ людяхъ,
У чужаго отца-матери :

Надо жить-то тамъ умѣючи,
Говорить-то разумѣючи,
Держать голову поклончиву,
Ретивò сердце покорливо.

Прошу я, красна дѣвица,
Я кормильца-брата:
Ты кормилецъ братецъ миленькій,
Ты падкой ко мнѣ, жадостливый
Ты сидишь да братецъ миленькій
Какъ чужой ко мнѣ чуженинецъ,
Упроси-ко, братецъ миленькій,
Ты кормильца моего батюшка,
Съ государыней со матушкой,
Что ранымъ они ранехонько,
Зеленымъ да зеленехонько,
Отдаютъ да во чужи люди,
На чужую дальну сторону.

Не отъ вѣтра, не отъ вихоря,
Да не отъ Божьей милости,
Веревя пошатилася,
Ворота отворилися,
Широко размахнулись...
Не слыхала молодешеньна,
Какъ бояра на дворъ взѣхали,
Съ широка двора на новы сѣни,
Со новыхъ сѣней въ нову горницу.
Ужь я столько услышала,
Ужь я столько увидѣла,
Какъ Григорій зашелъ въ горницу,
Свѣтъ Ивановичъ во свѣтлицу...
Туть и я испугалася,
Туть и я перепалася,
Придроглося ретиво сердце
Прибѣлѣло лицо бѣло,
Рѣзвы ноги подломилися.

Бѣды ручки опустилися,
Изъ глазъ слезы прокатилися...
Во слезахъ я слово молвила,
Въ возрыданѣхъ рѣчь говорила:
«Вотъ идетъ погубитель мой,
«Вотъ идетъ разоритель мой,
«Вотъ идетъ *расплети-косу* ,
«Вотъ идетъ потеряй-красу !»
Тутъ спроговорить доброй молодець,
Да Григорій Ивановичъ свѣтъ:
«Ужь ты глѹпа, красна дѣвица,
«Неразумна, дочь отецяя!
«Что не я погубитель твой,
«Что не я разоритель твой:
«Погубитель-отъ твой батюшка ,
«Разорительница твоя матушка,
«Расплети-косу — сватьюшка,
«Потеряй-красу — друженька,
«Что два дружки хорошіе,
«Два удалыхъ добрыхъ молодца!»

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

(Стиховодничаетъ невѣста, посылая свою сестру по воду.)

Гдѣ-то ходитъ моя милая сестрица родимая?
Ужь послушай-ко милая сестрица родимая:
Сходи на крутой-то на красной на бережокъ,
По свѣжу водичку ключевую!
Мнѣ-ка есть вѣра-раденіе великое ,
Обмытъ горьки слезы горячія ,
Намытъ радости — веселья великаго!
Ужь послушай, милая сестрица родимая,
Что-то я скажу сиза носата голубушка:
Когда придешь на крутой на красной бережокъ
Первую струю пропусти внизъ по славной Дунай-рѣкѣ,
Другую струю пропусти внизъ по славной Дунай-рѣкѣ,
Изъ третьей-то почерпни, милая сестрица родимая .
Первой струей умывается разлучница злодѣйка неволя великая,

Другой струей — чужи-дальни, не сердечны богоданные родители.
Когда придешь ко частой ко ступенчатой лѣственки,
Поспѣси ниже, моя милая сестрица родимая!
Пусть же выростеть чаща роща непроходимая,
Чтобы нельзя было не пройти не проѣхати
Разлучими злодѣйви великія.

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. Волост.
писарь Баявъ; дост. С. В. Максимовъ.

(Жалобная, когда мать провожаетъ свою дочь къ вѣнцу).

По лугамъ весною
Разлилася вода весенняя,
Унесло
Три кораблика:
Первый корабль
Со перинами пуховыми,
Второй корабль
Со ларьцами коваными,
Третій корабль
Со душою красною дѣвушкою...
Выходила ея матушка
На крутой славный бережокъ.
Говорила: воротися
Мое дитятко!
Позабыло дитятко
Трое ключей золотыхъ.
Первые ключики
Отъ терема високаго;
Другіе ключики
Отъ ларьцовъ кованныхъ;
Третіи ключики
Отъ саду зеленаго.
Она на оборотъ говоритъ:
Я не забыла трое ключей.
Позабыла волю, волю
Батюшину,
Нѣгу, нѣгу
Матушину.

(Невѣста приглашаетъ отца, мать, подругъ и проч. въ баню, которую топили подруги).

Добро жаловать ласкотникъ желанной (*) родитель батюшко.
Въ парную мыльную баенку
Въ переди-то меня сизой косатой голубушки!

С. Малошуйское, Онежск. У. Зап. волост.
писарь. Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(Когда ведутъ невѣсту въ баню и изъ бани).

Я пошла молоденька
Во теплую во банюшку,
Съ кумами да со подружками,
Помыться да попариться.
Не смѣть бы мнѣ дѣвью красоту
Отъ роду мнѣ не впервые,
А въ дѣвией красотѣ вопослѣдніе!...
Тебѣ спасибо, теплая банюшка,
Я помылася въ тебѣ и попарилась
Со кумами да со подружками
Со душами да съ красными дѣвушками!...

Пермской губ.

(Невѣста благодарить за баню).

Спасибо тебѣ, парная мыльная баенка,
На храненьи да на береженьи,
Что хранила меня сизу касату голубушку;
Ужь чего-то мнѣ молить, сизой косатой голубушкѣ,
Что ль тебѣ же моя парная мыльная баенка?
Ужь раскатить тебя, парная мыльная баенка,
Съ верхняго бревешка до нижняго!
Глупа моя младая буйна головушка!
Раскатаю я парную мыльную баенку!
Пускай стоитъ парная мыльная баенка,

(*) Родна матушка, мила подруженьки, родный братецъ и т. д. смотря, кому поеть.

Пускай моются ласкотники желанные родители,
Послѣ меня-то сизой косатой голубушки.

С. Малошуйское, Онежск. У. Зап. волост.
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(Когда невѣста, послѣ бани, благодарить родителей).

Благодарствую, родной батюшка
Со родимою моею матушкой,
Что на банюшкѣ да на теплой.
Помылась я да попарилась
Отъ роду-то не впервые,
Въ дѣвѣей красотѣ да впоследствии.

Перм. Губ.

(Послѣ бани, невѣста просить у отца лошадей, гулять).

Послушай же, мое красно солнце угрѣвное!
Не жалѣй-ко хорошаго, рѣзваго наступчиваго конечна!
Пожалѣй-ко меня, сизу косату голубушку,
Мнѣ-ка есть вѣра-радѣнье погулять покрасоваться
По Дунай-рѣчкѣ быстрая,
Покрасоваться во честномъ во похвальномъ во дѣвничествѣ,
Во ангельскомъ чину, во архангельскомъ,
Проститься мнѣ со славной со гладкой со гороцкой,
Со хорошей, новошатровой колоколенкой.

С. Малошуйское, Онежск. У. Зап. волост.
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(Невѣста послѣ катанья, чувствуетъ *честныцѣ*, т. е. крестныхъ отца и мать жениха).

Сказали бы доносили милые подружки любовные,
Что изнашли да изнаѣхали честные гости небывалые
Во родительской домѣ тепловато гнѣздышко,
Гдѣ-то ходить ласкотница желанная матушка,
Ужъ послушай-ко моя ласкотница желанная родитель-матушка,
Разставлявай столы бѣлодубные,

Развертывай скатерти бѣльчатя,
Сади, чествуй милыхъ-то гостей небывалныхъ.

С. Малошуйское Онежск. Зап. Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(Стиховодичааетъ невѣста (поетъ), когда крестная мать приходитъ на вечеринку
и приноситъ натолокъ.)

Не во саду ли я бѣдна обидѣлася,
Не на садъ ли я бѣдна оглядѣлася,
Не на травку-муравку зеленую
Не на всяки цвѣточки лазуревые!
Не вода ли подо мной разливается
Не огонь ли подо мной разгорается
Сама-то я знаю, бѣдна да вѣдаю,
Что ни въ саду-то я бѣдна обидѣлася,
Не на садъ-то я бѣдна оглядѣлася,
Не на травку-муравку зеленую,
Не на всяки цвѣточки лазуревые,
Не вода подо мной разливается
Не огонь подо мной разгорается
Разгорается мое забдо сердце ретивое,
Разливаются мои горькія слезы горячіи,
По блеклому лицу нерумяному.
Что за чудо, за диво великое!
Прежде этой поры, прежде времени
Сидѣла я глупа косата голубушка,
Во собранныя своей тихія бесѣды смиренныя
Не бывала крестовая ласкова матушка,
Во собранной-то моей тихой бесѣды смиренныя
Со хорошей-то моей дорогой воли вольныя.

С. Малошуйское, Онежск. У. Зап. волост.
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(Когда невѣсту, накрывъ платкомъ, уводятъ съ вечеринки).

Послушайте, мои милыя подружки любовныя,
Пойдемте вонъ со тихія бесѣды смиренныя:
Пришли скорые послы да незастѣнчивые.

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. волост.
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(Когда ведутъ по улицѣ невѣсту съ вечеринки).

Говорила-то крестовая ласкова матушка,
Что съ полна печать красное солнце угрѣвное,
Во родительскомъ-то домѣ — тепломъ гнѣздышкѣ,
Во вкупѣ да во собраньи сидятъ мои милые ласковы братьяца,
Весь то родъ-племя приближенное!
Теперь слава тебѣ, Боже Господи!
Не бѣдная да не обидная,
Обрадѣло мое зяблое сердце ретивое,
Во вкупѣ да во собраньи сидитъ мое родъ-племя приближенное.

С. Малошуйское Онежск. Зап. волостной
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(Если у невѣсты есть кто-нибудь изъ братьевъ на чужой сторонѣ, прибавляютъ).

Собралися да сокатилися
Изо славныхъ-то петербургскихъ городовъ,
Со печальнаго синя солона моря!
(Если есть умершіе братья):
Со окать со горы со Микольскія (*).

(Вызываютъ мать невѣсты для встрѣчи, возвращаясь съ невѣстою съ вечеринки, у
лѣстницы):

Не несутъ-то мои ножи рѣзвыя
Во часту во ступенчату лѣствѣнку,
Какъ сегодня, да по сегодняшнему,
По тихому позднему вечеру
Безъ ласкотницы жаланной родной матушки!
Прежде этой поры, прежде времени,
Ходила-то я, сиза косата голубушка,
Со тихой полуночной вечериночкѣ,
Носили мои скорыя ножи рѣзвыя!

(По приходѣ матери):

Спасибо жаланная родимая матушка!
Выходишь на торну, на широкую улицу,
Подъ часту, подъ ступенчату лѣствѣнку,
Стрѣчаешь меня сизу-косату голубушку,

(*) На Микольской горѣ — кладбище.

Со тонкимъ-то звучнымъ со голосомъ
Со умильной-то, со горазной со причетью!

(Приходя въ сѣни):

Становись моя поневольная млада головушка
Середь новыхъ-то сѣней перённыхъ. (*)

(Снимая съ невѣсты платъ):

Теперь скину свои очи ясныя,
Оведу кругомъ новыя сѣни перёныя,
На которой стѣны-ограды бѣлокаменныя...
Прѣдучись со пути, со дорожки широкия!
Вы здорово, новы сѣни перенныя,
Кругомъ свѣтлыя окошки косячатся,
Кругомъ дубовыя бѣлыя лавочки!
Не убойтесь-ко, новы сѣни перёныя,
Что не тихая пришла, не смиренная,
Не по старому пришла не по прежнему,
Со тонкимъ, со звучнымъ голосомъ,
Со умильной, со горазной со причетью,
Со всѣми милыми подружками любовными!
Добро жаловать мои милыя подружки любовныя,
Во родительской домъ — тепло-витое гнѣздышко,
Впереди меня сизу косату голубушбу!

(Приходя въ домъ и садясь на лавку у печнаго угла):

Не пужайся: домъ тепловито гнѣздышко,
Не пужайся да не полохайсе, мое сердце ретивое
Не поддомитесь мои скорыя рѣзвыя ноженьки
Не блѣвни мое блеклое лицо нерумяное,
Не спѣшитесь-ко, прокатайтесь мои горькія слезы горячія
По блеклому лицу нерумяному,
Не смѣшайся рѣчисть языкъ
Во молодой во буйной головушкѣ!
Теперь дай Господи тонваго, звучнаго голоса
Со умильной со горозной со причетью!
Теперь благослови, Боже Господи,
Божья Мать, Пресвятая Богородица,
Свѣтъ сударь Никола многомилостивой;

(*) Перенныя сѣни — не мшоныя, а конопаченыя и обмазанныя глиною.

Попусти тонкой молодой незвучень голосъ!
Случалось слышать сизой косатой голубушкѣ
Отъ чужихъ-то ото младыхъ, отъ ясныхъ соколовъ,
Черезъ три губы синя солона моря,
Есть мощи — ты среди синя солона моря,
На зеленомъ-то высокомъ на островѣ
Стоитъ Божья церковь пресвященная!
Благовите же Соловецкіе преподобны чудотворцы много-
милостивы,
Попустись тонкой молодой незвучень голосъ,
По родительскому теплomu витому гнѣздушку.

С. Малошуйское, Онежск. Уѣзда. Зап. волост.
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(Послѣ вечеринки невѣста отцу).

Спасибо мое красное солнце угрѣвное
Ни вольные воли довольныя,
Воздавалъ мнѣ-ка, сизой голубушкѣ,
Многую вольную волю довольную,
Ходить-гулять сизой косатой голубушкѣ,
По гульбамъ, по прохладамъ,
По тихимъ сполуночнымъ вечериночкамъ.
Спасибо мое красное солнце угрѣвное
На покруты покрасы дѣвичія
Ужь не жалѣлъ особенной датной золотой казны:
Зоводилъ покруту, покрасу великую,
Лучше краше *всѣхъ* (?) милыхъ подруженекъ:
Дивовалися много народъ — люди добрые,
Завидовали мои милыя подружки любовныя.

С. Малошуйское, Онежск. У. Зап. волостной
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(Невѣста благословляется у родителей послѣ вечеринки, сиди на лавкѣ у печнаго угла).

Глупая младая буйная головушка,
Не прося пускаю свой тонкой молодой (голосъ?)
У ласкотниковъ желанныхъ родителей,
Чей домъ того вольная воля довольная;

Домъ ласкотниковъ желанныхъ сердечныхъ родителей!
Благослови-тко, ласкотникъ жаланной, родитель-батюшко,
Попустить тонкой молодой незвученъ голосоъ,
Какъ сегодня по сегодняшнему,
По тихому позднему вечеру,
По потухлыя зари поздновечерніе.

(Вставаа съ лавки, идетъ даватъ отцу добровъ):

Распатнитесь-во народъ, люди добрые,
Чужи бѣлыя хороши лебедочки!
Всѣ совѣтныя, милыя подружки любовныя,
Дайте немножечко пути-дорожки широкія,
Съ одну дубовую мостовиночку,
Пройти, проплыть сизой косатой голубушкѣ,
На родительское домъ-тепло-вытое гнѣздышко,
Передъ бѣлыя столы, передъ дубовые!
Могу ли усмотрѣть, дитя бѣдное,
Сквозь туманъ горьки слезы горячія,
На которой бѣлой брусовой на лавочкѣ
Пекеть красное солнце угрѣвное,
Сидятъ мои желанныя сердечны родители,
Думають сообча крѣпкую думу заединую
Что за чудо, за диво великое,
Что за гости сидятъ за торговые,
Торгуютъ товарами заморскими;
Выбирають желанныя сердечныя родители
Хорошее, дорогое платно цвѣтное,
По моему уму да по разуму!
Ужь послушайте желанныя сердечны родители,
Не въ пору схватились, не во время
Заводить хорошее дорогое платно цвѣтное!
Сама-то я знаю сиза косата голубушка,
Что не гости сидятъ не торговые,
Не торгуютъ товарами заморскими,
Не выбираютъ желанныя сердечныя родители
Хорошаго дорогаго платна цвѣтнаго:
Пособрано свое родъ-племя приближенное,
Честна дорога природа родительска
Сидятъ думають съобча крѣпкую думу заединую
Пьютъ горькое хмѣльно зелено вино,

Пропиваютъ меня сизу косату голубушку
Во злодѣйку неволю великую!
Послушай-ко, жалаанный родитель батюшка!
Ужь пощѣняю я, сиза косата голубушка,
Тебѣ же, мое красное солнце угрѣвное:
Ужь ты думай да не продумай,
Пей да не пропей мою младую буйную головушку
Во злодѣйку неволю великую!
Сама-то я знаю, сиза косата голубушка,
Видно думалъ да продумалъ!
Ужь послушайте, милья подруженьки любовныя,
Не держите врѣпкой надѣи
На ласкотничковъ желанныхъ родителей:
Они до поры добры до времени,
Не сулятся, а взополятся желанны сердечны родители!
Послушай-ко желанный родитель батюшко,
За каку вину онаду великую
Отдалъ да обневолилъ во злодѣйку неволю великую?
Развѣ не трудница была, не работница,
Не вѣрная слуга, не измѣнналъ?
Измѣняла тебѣ красное солнце угрѣвное —
У всякаго зелья работы тяжелья,
Не берея была краснымъ наливнымъ ягодкамъ
Не ловяя была свѣжія рыбы трепущія!
Развѣ укорять тебя стали, упрекать красное солнце угрѣвно,
При толпахъ тебя при артеляхъ великіе,
При славныхъ царевыхъ при кабакахъ!
Ты послушай мое красно солнце угрѣвное,
Что-то я скажу сиза косата голубушка,
Лучше найми меня сизу косату голубушку,
Во рабы, въ козачихи-нахлѣбницы,
Возьми собину счетную золоту казну,
Заплати-ко чужимъ яснымъ-то соголамъ
За проторы убытки великіе,
За довольное хмѣльно зелено вино.

С. Малошуйское. Онежск. Уѣзда. Записалъ волост.
писарь Баяевъ; доставилъ С. В. Максимовъ.

(Невѣста зоветъ отца къ столу, на которомъ стоитъ байникъ, т. е. хлѣбъ-соль.

Добро жаловать ласкотникъ желанной мой батюшка,
Степанъ Тимоѣевичъ,
Ко обѣду да ко шпеничному байничку!

(Отецъ, мать, а послѣ всѣ, кто былъ на рукобиты, подходятъ къ столу, молятся Богу и дарятъ невѣсту).

Спасибо ласкотникъ желанной родитель батюшко,
Что даришь меня, сизу косату голубушку,
Хорошимъ-то бумажнымъ ситичкомъ.

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. В. П.
Баевъ; дост. С. В. Максимовъ

(Зажегли свѣчи передъ образомъ, невѣста поетъ 1-ю молитву):

Помолитесь было Богу Спасу, Пресвятой Богородицѣ
За царя государя великаго,
Имъ дай Господи здравья здоровья,
Долгаго вѣку протяжнаго,
Жить послѣ меня, сизой косатой голубушки,
Со малешинькими сердечными дѣточками,
Со всей силой силой арміей,
Теперь помолитесь вручинной косатой голубушкѣ
За ласкотника желаннаго родителя батюшка,
Ему дай Господи здравія — здоровья долгаго и протяжнаго.

С. Малошуйское. Онежск. У. Зап. вол.
пис. Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(2-я Молитва невѣсты).

Послушайте, мои милыя подружки любовныя,
Попридайте ума много разума:
Мнѣ чего молить, сизой косатой голубушкѣ
За себя-то, за сизу косату голубушку?
Молить скорныя-то грозныя смерточки
Во родительскомъ во тепломъ витомъ гнѣздышкѣ
На родительской на бѣлой, на брусовой на лавочкѣ!
Ужъ ты глупая моя младая буйная голова

Ужь сама-то я знаю, сиза косата голубушка,
Что не придетъ мнѣ во родительскомъ дому во тепло-витомъ
гнѣздышкѣ

Скорая-то грозная смерточка!
Помолить было мнѣ, сизой косатой голубушкѣ,
Здоровья, здоровья великаго
Жить во злодѣйкѣ-то неволь великя .

С. Малошуйское, Онежск. У. Зап. волост.
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(Послѣ молитвъ невеста даетъ отцу добровъ).

Теперь отворите же мнѣ, сизой косатой голубушкѣ,
На родительской домъ тепло-вито гнѣздушко,
Гдѣ-то ходитъ мое красное солнце угрѣвное.
Мнѣ-ко есть вѣра-радѣнье
Побити челомъ да повланыться!

С. Малошуйское. Онежск. У. Вал. волост.
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(Невеста «даваетъ добровъ» крестной матери (стиховодницаетъ)).

Спасибо крестовая ласкова матушка,
Творишь дѣлаешь послушанье:
Надѣваешь-то хорошу дорогу волю вольную
На младую буйную голову
Нѣ въ достой-то наряжать мнѣ крестовую ласкову матушку!
Въ достой слушать крестовую ласковую матушку!
Послушай-ко, крестовая ласкова матушка,
Что-то я спрошу еще косата голубушка.
У тебя же, крестовая ласкова матушка,
По чьему входишь повелѣнью, да благословенію,
Заходишь въ тихую бесѣду смиренную,
Со слова, съ дакладу ли ласкотниковъ жаланныхъ родителей?
Не отъ своего ль ума-разума?
Сама-то я знаю, сиза косата голубушка,
Не такая крестовая ласкова матушка,
Что придти отъ своего ума да отъ разума,

Что пришла по повелѣнью да благословеню,
Отъ моихъ-то ласкотниковъ желанныхъ родителей.

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. волост.
писарь Баевъ; достав. С. В. Максимовъ.

(Дружки будятъ невѣсту въ день свадьбы).

Господи Иисусе Христе Сыне Божій!
Княгиня первобрачна,
Катерина Васильевна!
Стань — убудись
Отъ крѣпваго сна прохватись,
Бѣлый свѣтъ спорыдается,
Заря розмыкается,
На улицѣ собаки лаютъ,
Ребята играютъ,
По боярскимъ домамъ соловьи свищутъ,
По крестьянскимъ домамъ пѣтухи поютъ, печи топятся!

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. волост.
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(Невѣста стиховодничаетъ, когда ее разбудятъ дружки въ день свадьбы).

Полно спать, пора ставать!
Разомкнитесь-ко мои очи ясныя,
Распечатай, Господь, сахарныя уста,
Воротись-ко рѣчиствъ языкъ во молодой во буйной головушкѣ,
Бѣжи тонкой, молодой, незвученъ голось
По родительскому дому — тепло-витому гнѣвдушку!
Уж послушайте, милыя подружки любовныя,
Не спрося попускаю свой тонкой молодой незвученъ голось,
И ласкотниковъ желанныхъ родителей,
Добро со слова съ доклада!
Благословите ласкотники желанны родители
Попустить тонкой молодой незвученъ голось!
Что за чудо, за диво великое:
Прежде этой поры, прежде времени
Убужала ласковитница желанная матушка
Какъ сегодня, да посегоднешнему поутру по раннему,

Убужаютъ чужи млада ясныя соколы,
Ставайте милны подружки любовныя
Отъ крѣпкаго сна забудущаго!
Ужь послушайте мои милныя подружки любовныя,
Что я спрошу, сиза косата голубушка:
У васъ мягкая ли была перина пуховая?
Круто ли было зголовье косесчатое?
Тепло ли было одѣяло соболинное?
У меня-то какъ у сизой голубушки
Не мягкая была перина пуховая:
Во три ряду было сѣрыхъ валючихъ камешковъ
Одѣяломъ-то была бѣлая льдина холодная!
Малымъ-то мало спалось, во снѣ видялось,
Во снѣ-то мнѣ бѣдной привидялось,
На яву-то мнѣ бѣдной показалося:
Какъ подъ нашимъ-то свѣтлымъ окошкомъ косесчанымъ
Стоить тихое приглубое озеро,
Ужь во этомъ во тихомъ приглубомъ во озерѣ
Плавають сѣрыя водоплавныя утушки,
У нихъ подобрано легкое крылье утиное;
Одна плаваетъ сѣрая водоплавная утушка,
У ней распущено легко крылье утиное!...
Ужь разсудите-тко мои милныя подружки любовныя,
Мои крѣпкіе сны забудущіе!
Не разсудницы милныя подружки любовныя!
Не тихое стоить приглубое озеро,
Стоить родительской домъ тепло-витое гвѣздышко;
Туть не сѣрыя плавають утушки,
Сидятъ милныя подружки любовныя
По бѣлымъ, по брусовымъ по лавочкамъ;
Ужь зачесаны у нихъ млада буйныя головы,
Я одна-то сижу, сиза косата голубушка
Распущены мои тонкіе вольные волосы.

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. волост.
царь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(За ужиномъ гостямъ у невѣсты).

Во горницѣ во новой,
Стоить столикъ дубовой,

Убить парчей голубой,
Онъ со алой бохрамой;
На немъ чайникъ золотой
Голонъ чаю налитой.
Господинъ N
Онъ по залу проходилъ, проходилъ,
Чаю чашку положилъ
Своей душѣ подносилъ,
Выней, душа, для себя, для себя,
Роди сына сокола, сокола,
Дочку милу перепелицу
Душу красную дѣвицу!

Пермской Губ.

(Плачь невѣсты за ужиномъ дѣвицы).

Слава Богу, слава Господу
Пошла я молода да покушала
Со кумами да со подружками!
Не осудите, мои голубушки,
Не на гусяхъ и не на лебедяхъ
Не на сѣрыхъ большихъ утицахъ!
У меня некому ходить за охотою
Некому стрѣлять уточекъ.
У меня батюшка лѣтъ при старости,
Ретиво сердце при скудости.
У меня братецъ во работушкѣ
Во работушкѣ да во тяжелой.

Пермской Губ.

(Послѣ ужина для жениха и невѣсты).

Во Китаѣ на коврѣ,
На красномъ золотѣ,
На стулѣ на рѣшетчатомъ,
Противъ чиста зеркальца;
Господинъ Иванъ молодецъ
Чесаль кудри русыя,
Самъ приговариваль,
Красной дѣвицѣ наказываль:

Перевей ты кудри,
Перевей ты русня.
Что хочу я, сударь — перевью,
Не хочу — не перевью.
Я, сударь, теперь еще не твоя,
А родимаго, сударь, батюшки.

Перм. Губ.

Пѣсня эта поется втройнѣ: для отца, матери и для жениха. Для послѣдняго поэтъ: «Что она уже твою».

(Поется, когда невѣста сирота).

Много, много у сыра дуба
Много, много у зеленого,
Много вѣтъя и павѣтъя,
Много листа зеленого,
Отростенья серебрянаго;
Только нѣтъ у зеленого
Нѣтъ жемчужныя маковки,
Позолоченой вершиночки!
Много, много у Аннушки,
Много, много у Ивановны,
Много роду и племени
Много всѣхъ честныхъ родителей,
Много милыхъ подруженекъ,
Нѣту, нѣтъ у ней, у Аннушки,
Нѣтъ родителя-батюшки,
Нѣтъ сударыни-матушки.
Снаряжать младу есть кому,
Благословить младу нѣкому.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

(Когда невѣсть чешутъ голову).

Гдѣ-то ходить мать моя, ласкотница жапанная матушка?
Ужь послушай-ко, ласкотница беланная матушка,
Накажу-то я службу-работу четяжелую:
Найди-ко хорошей частозубчатой гребешокъ,
Зачеши-тко мою младую буйную голову;
Ужь не въ достой-то наряжать мнѣ

Ласкотницу желанную матушку;
Въ достой слушать самой сизой косатой голубушкѣ
Заплети-тко мою русую косу красовитую,
Вилети хорошія семишелковыя ленточки.

С. Малошуйское, Онежск. У. Зап. волости.
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(Стиховодить невѣста, когда мать зачешетъ голову).

Спасибо тѣ, ласкотница, желанная матушка;
Творишь-дѣлаешь послушаніе:
Зачесала мою буйную голову!
Ужь на томъ тебѣ не спасибо,
Что не заплела моей русыя косы красовитыя,
Не вплела моихъ хорошихъ семишелковыхъ ленточекъ!

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. волости.
писарь Баевъ; достав. С. В. Максимовъ.

(Одѣвшись, невѣста благодарить родителей).

Послушайте, ласкотники, желанны родители,
Что-то я скажу, сиза косата голубушка:
Не жалѣли поить-кормить меня, сизу-косату голубушку,
Крутить-рядить младую буйную голову,
Не жалѣйте вы сальныя свѣчи, воску яраго,

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. волости.
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

(Къ свату).

Да тебѣ, свату большему,
Да измѣнщику дѣвичьему,
Да Акиму Степановичу!
На ступень ступить — ноги сломить,
На другой ступить — друга сломить,
На третей — голову свернуть!
Того мало свату большему,
Да измѣнщику дѣвочьему!
На печи спать подъ шубою,
Подъ тремя полушубками,

Подъ четырема тулупами:
Да трясло бы тя, повытрясло!
Да сквозь печь бы провалитися,
Въ мясныхъ щахъ оваритися!
Того мало свату бѣльшему
Да измѣннику дѣвичьему:
Съ хоромъ бы те о бѣрону,
Да съ горы бы тя о камень ,
Безъ поа, безъ покаянїя,
Безъ духовнаго батюшка!
Не ходилъ бы, не сватался,
Стариковъ не обманывалъ,
Да старухъ не подговаривалъ,
Не хвалилъ, не похваливалъ
Чужи-дальнїя стороны,
Да *Подгорскїя слободы* (назв. дерев.).
Она горемъ насѣяна,
Да слезами наполивана!

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. волостн.
писарь Баевъ; доставилъ С. В. Максимовъ.

(Невѣста стиховодничаетъ (поетъ), когда дѣвушки непрерывно бросаются выплетать ленту изъ косы).

Ужь послушайте, милы подруженьки любовнїя!
Ужь не расплетайте моей русы-косы красовитыя,
Два вострые ножа, два булатные
Обрѣжьте свои бѣлыя опальнїя рученьки.

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. волостн.
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

Что сестра брату милому,
Брату милому, родному,
Одинокую ясну соколу,
Николаю сударь Ѳедоровичу,
Катерина, сударь, Ѳедоровна
Жалобилась и плакала:
«Ужь ты братецъ, ты братецъ мой,
Удалой добрый молодецъ!

Поступико-ся, свѣтъ родной,
По столовой новой горницѣ,
Что по свѣтлой свѣтлицѣ
Со родителя батюшки
До Ѳедора Ивановича,
До сударьни-матушки,
До Агафьи Матвевны свѣтъ!
Ужь ты братецъ, ты братецъ мой,
Удалой добрый молодець!
Унимай, разговаривай
Милосердаго батюшка
И сударыню матушку:
Зачѣмъ рано вискручинился
На меня молодешеньку.
На мою буйну голову,
На природну трубчату косу
Дорогую на дѣвью красоту!
Не владу я судьбы-жалоби
На родителя-батюшка,
На сударыню-матушку;
Я владу судьбу-жалобу,
Что на сватью, на бѣольшую,
На лукавую, вилявую,
На змѣю семиглавую,
Семиглавую, семихвостую:
Чтобъ тебѣ, сватьюшка,
Сыновей бы тѣ разбойниковъ,
Дочерей посидѣлочекъ!
Не прогнѣвайся, сватьюшка,
За великую выслугу,
Что пожаловала-высватала
Нашу милую подруженьку,
Нашу милую, любимую
Катерину Ѳедоровну.
Какъ ходила-подхаживала
Не путемъ, не дорогою,
А все улками, заулками,
Все тропами собачьими,
Все ходила почастешенько.
Говорила помалешенько,

Говорила, все обманывала,
Чужу сторону выхваливала:
Какъ чужая, дальняя сторона
Она сахаромъ насѣяна,
Она медомъ поливаная,
Виноградомъ горожена,
Да тафтою покрывана!
Я сама про то вѣдаю,
Молода догадалася,
Что чужа дальняя сторона,
И чужа незнакомая:
Она горемъ насѣяная,
И слезами поливаная,
И тоскою покрываная,
И печалью зараженная».

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

(Передъ свадьбою, утромъ, плачь невѣсты).

Вы вставайте, мои голубушки,
Высоко взошло красно солнышко,
Выше лѣсу, лѣсу темнаго,
Выше батюшкина нова терема.
Обогрѣло красно солнышко
Моего батюшки высокъ теремъ;
Обогрѣло красно солнышко
Моей матушки нову горницу;
Обогрѣло красно солнышко
Мово братива новъ шировій дворъ;
Обогрѣло красно солнышко
Моей сестрицы крыльцо бѣлое.
Обогрѣло красно солнышко
Моихъ кумушекъ подружекъ.
Какъ меня же молоденьку
Да не грѣть красно солнышко,
Что не грѣть, не освѣщаетъ,
Вѣдно сердце мое повызнобить.

Пермск. Губ.

(Послѣдняя прощальная пѣсня невѣсты).

Что не стукъ-отъ стучить во теремъ,
Что грохотъ гремитъ во высокомъ,
Благословляются два отрока:
Отрокъ N съ отровницею N,
У своего роднаго батюшки,
У своей родимой матушки
Ко Божьей-то до цервви ѣхати,
Подъ влатые-то вѣнцы ставати,
Законъ Божій принимати
Со чужимъ то со.....!

Пермской Губ.

Прости-ко вольная волюшка,
Оставляйтея всѣ шуточки-глумечки
У родителей въ дому,
У красныхъ солнышковъ, свѣтовъ желанныхъ,
Милосердыхъ!
Прошла теперь моя волюшка
У красныхъ солнышковъ;
Пошла я, повыступила
Во женско печально
Житѣ подначально;
Не своя теперь воля-волюшка:
День пройдетъ даваючи,
Другой словъ дожидаячись,
Третій похаячись (*)...
Вотъ и вся недѣлька семидѣнная
Прошла, прокатилася;
Приношу благодарность
Вамъ, краснымъ солнышкамъ,
Свѣтамъ желаннымъ, милосердымъ,
Что драчили да нѣжили
Крутили (**), да ладили.

Арханг. Губ. С. Шуя. Зап. С. В. Максимовъ.

(*) Наряжаячись. (**) Снаряжали.

(Причитываютъ на могилахъ).

Послушайте, тонкіе буйные вѣтры!...
Потаните, тонки-усильчивы вѣтры,
Раснесите-бо желты сыпучи пески,
Расколись-ко мать гробова доска,
Распейся-ко саванъ, хотя не полотняный,
Размахнитесь-ко рѣзвыя ручки отъ ретива сердца...

(Послѣ этой пѣсни говоркомъ).

Заговори-ко, забай-ко со побѣдной, со безсчастной ;
Ужь пришла теперь со многой великой тоской-кручиной
Приубавить съ своего со безсчастнаго сердца съ ретиваго.
Я глупа, неразумна; вразуми да и оприобудмайся
Своимъ ты нетвердымъ, несверетнымъ непостояннымъ умомъ-
разумомъ
Что не сдѣлается, не станется, что изъ мертвыхъ въ живы воспита-
нута, красно ты солнушко!

Забаютъ, да заговорять!
Я живу теперь, горюю.

С. Шуя. Арханг. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

(Разставаясь съ повязкой, ее прикладываютъ къ обѣимъ щекамъ и кладутъ на окошко, припѣвая).

Брошу я за свѣтло окошко косящето,
Пусть повиростеть садъ, виноградъе зеленое,
Обглядится чужа дорога круглоскатна, жемчужена
На садъ-виноградъе зеленое,
Позабудемъ младу косату голубушку .

(Затѣмъ прощается съ подругами).

Простите да не помните ни зла, ни лиха,
Милы-совѣтны подруженьки!
Не помните младу косату голубушку
Ни зломъ, ни лихомъ, ни сердцемъ!

Арханг. Губ. С. Шуя. Зап. С. В. Максимовъ.

(По отъѣздѣ честныя, невѣста красуется: она одѣвается, беретъ въ руки повязки и ими ударяетъ какъ въ ладони).

Распатнитесь-ко народъ-люди добрые,
Дайте немножечко пути-дороженьки шпирокія
Съ одну дубову мостовиночку!
Мнѣ-ка есть вѣра-радѣніе,
Покрасоваться во покруты красы великія!
Посмотрите-ко, ласкотняки, желанны родители:
Ходить, красуется ваша сиза косата голубушка,
Во покруты побрасы великія.

С. Малошуйское Онежск. У. Зап.
Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

РУССКІЯ ПѢСНИ

ИЗЪ СОБРАНІЯ

И. И. ЯКУШКИНА.

IV.

ОБРЯДОВЫЯ ПѢСНИ.

б) *Величальныя.*

(Величаютъ жеватаго).

Судомъ по морю
Константиъ Андреевичъ;
Пѣша бережомъ
Иринья Петровна.
Кривнула, зынула
Своимъ зычнымъ голосомъ:
«Стой-постой, милый другъ,
«Константиъ Андреевичъ!
«Я тебѣ поднесу
«Чару зелена вина!»
— То мнѣ не надобно,
То не душа моя! —
Судомъ по морю
Константиъ Андреевичъ:
Пѣша бережомъ
Иринья Петровна.
«Стой-постой, милый другъ,
«Константиъ Андреевичъ!

«Я тебѣ спорожу
«Сына, ясна сокола!
— То мнѣ-во надобно —
То душа моя!

Арханг. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

(То же).

Вьется, вьется-стелется
По лугамъ трава шелковая.
Цалуешь, милуешь-то
Михайлушко жену свою:
Другъ ты мой да и Аннушка —
Животокъ-сердце Леонтьевна,
Ты жь меня состарѣла,
Безъ ума поставила
Тихою походою,
Вѣжливою говорюю,
Низкими поклонами,
Еще частыми взглядами,
Дальными проводами,
Еще сладкими поцалуями.

(Величальная холостыхъ).

Вьется, вьется хмѣлюшко
Черезъ тынъ на улицу,
Ко мнѣ во зеленый садъ.
Во моемъ ли во садикѣ
Гуляетъ дѣтинушко,
Горьвій сиротинушко;
Повѣсилъ головушку
На праву сторонушку,
Ко красному солнышку;
Увидала матушка
Со висогаго терема:
«Дитя ль мое, дитятво,

Дитя, чадо милое,
Что ходишь невесело
Головку повѣсило?»
— «Родимая матушка!
Чего жь веселиться мнѣ?
Всѣ мои товарищи
Да всѣ поженились,
А я у тебя, матушка,
Холостъ неженать хожу.»

— «Поди, поди, дитятко,
Самъ ли ты на улицу
Выбирай ты, дитятко,
Самую-то лучшую,
Самую-то лучшую —
Купеческу дочерю».
— «Родимая матушка,
Купеческа дочера
Въ полѣ не работница,
Въ домѣ не хозяйшка.
У сосѣда дѣвушка —
Та-то вотъ мнѣ по сердцу!»

Малоарханг. Уездъ.

(То же).

Охъ, хмѣлюшка, хмѣлюшка
Веселая головушка!
Завѣйся, мой хмѣлюшко,
На мою сторонушку:
На моей на сторонушкѣ
Приволье хорошее,
Да раздолье широкое.
Да по томъ по раздольцу
Ходиль-гуляль молодець,
Михайло Алексѣвичъ;
Связаль буйну голову
Тягтою зеленою,
Тягтой полосатою,
Подъ шляпой пуховою.

Какъ увидѣла матушка
Со высокаго терема:
«Дитя ты мое, дитятко!
Дитя мое милое,
Что ходишь невесело,
Что глядишь нерадостно?»
— «Чему жь мнѣ радоваться?
Всѣ братья женятся,
А я холостъ». —
«Кто не велить, дитятко?
Возьми дѣвушку
У ближняго сосѣда —
Она дѣвка умная».

(То же).

Я вечеръ въ гостяхъ гостила,
Во компаніи была,
Я хорошаго молодчика
Во любовь себѣ взяла;
Онъ въ обрядѣ, въ чистомъ рядѣ
Весь мнѣ глянется хорошъ;
Онъ хорошъ собой и славенъ,
Весьма ласковъ на словахъ,
Изъ поступковъ политиченъ,
Торовать во всѣхъ дѣлахъ.
Между прочимъ разговоромъ
Прежде въ рѣчь меня вводилъ,
Приятнымъ своимъ взоромъ
Грудь мнѣ бѣлу прострѣлилъ;
Приятновски объявилъ,
На колѣни посадилъ,
Танцовать съ собой просилъ.
Я недолго танцовала —
Онъ мнѣ ручку крѣпко жалъ:
Я руки не отнимала,
Проявился въ лицѣ жаръ!

Холмогори. Зап. С. В. Максимовъ.

в) Хороводныя.

Винный мой колодезь
А что жь стоишь безъ воды?
Конь воду выпиваль,
Копытами выбиваль.
Нашего хозяина
Дома не случилось:
Какъ поѣхаль
Нашъ хозяинъ
Въ Казань городъ погулять,
Привезеть ли нашъ хозяинъ,
Привезеть ли, молодой,
Казанскую умницу?
«Казанская умница,
Цалуй меня, золотцо!»
Винный мой колодезь
А что жь стоишь безъ воды?
Конь воду выпиваль,
Копытами выбиваль.
Нашего хозяина
Дома не случилось:
Какъ поѣхаль
Нашъ хозяинъ
Въ Рязань городъ погулять.
Привезеть ли нашъ хозяинъ
Рязанскую умницу?
«Рязанская умница,
Цалуй меня, золотцо!»
Винный мой колодезь,
А что жь стоишь безъ воды?
Конь воду выпиваль
Копытами выбиваль.
Нашего хозяина
Дома не случилось.
Какъ поѣхаль
Нашъ хозяинъ
Въ Москву городъ погулять.

Привезетъ ли нашъ хозяинъ
Московскую умницу?
«Московская умница
Цалуй меня, золотцо!
Казанская умница,
Стели мнѣ постелюшку,
Рязанская умница,
Клади мнѣ сголовьицо,
Московская умница,
Ложись спать со мною!»

Пальна, Елецкаго Уѣзда.

Вдоль да по травкѣ, да вдоль по муравкѣ,
Ай лёшеньки лели — да вдоль по муравкѣ.
Тамъ ходитъ, гуляетъ удалой молодчикъ,
Ай лёшеньки лели...
Кличить, выкликаетъ красную дѣвицу,
Ай лёшеньки лели...
Выйди, выйди, дѣвица, ко мнѣ за ворота
Ай лёшеньки лели, со мной поборотся.
Какъ дѣвица къ молодцу она выходила,
Ай л. л...
Что нивко-нивёхонько ему поклонилась:
Ай л. л...
Не хвались, молодчикъ, не хвались собою,
Ай л. л...
Своей молодецкою да ты чистотою,
Ай л. л...
Я жъ тебя, молодчика, тебя обезчещу.
Ай л. л...
При всемъ я при мирѣ — да я при народѣ.
Ай л. л...
Что въ большомъ дѣвичьемъ, въ большомъ хороводѣ,
Ай л. л...
Какъ дѣвица молодца — она поборола,
Ай л. л...
Пуховую шляпушку она собивала,
Ай л. л...

Синь на немъ кафтанчикъ она изорвала,
Ай л. л...
Ситцеву рубашечку она замарала,
Ай л. л...
Поборомщи, дѣвушка, парня пожалѣла,
Ай л. л...
За правую рученьку его подымала,
Ай л. л...
Пуховую шляпу ему подавала,
Ай л. л...
Русня кудри ему расчесала,
Ай л. л...
Попелъ-то молодчикъ, пошелъ самъ заплакать:
Ай л. л...
На что меня матушка на свѣтъ породила,
Ай л. л...
Несчастною долею на вѣкъ надѣлила,
Ай л. л...
Что меня ли, молодца, дѣвка повалила,
Ай лёшеньки лёли — дѣвка повалила.

Записана Т. И. Ф—къ.

Вкругъ я келейки хожу,
Вкругъ я новыя хожу—
Младу старицу бужу:
«Ахъ, старица, встань!
Спасеная душа, встань!
Встань: къ заутренѣ звонять
На сходъ говорятъ.
Люди сходятся,
Богу молятся.»

—«Отойди прочь, молодецъ,
Отойди прочь, удалой!
Не могу я встать,
Головы поднять:
Голова моя болитъ,
Грудь-сердечушко щемить.»

Вкругъ я келейки хожу,
Вкругъ я новья хожу,
Младу старицу бужу:
—«Ахъ, старица, встань!
Спасеная душа, встань:
Къ тебѣ миленый идетъ,
Чаю-кофею несетъ,
Напиться велить,
Позабавиться.»

—«Ахъ! встать было мнѣ,
Поскакать было мнѣ,
Поплясать было мнѣ,
Поцаловать было мнѣ.»

(Подгородняя Архангельская на Кегъ-островѣ).

• Зап. С. Максимовъ.

Нападала порошина
Что на землю на талую,
На траву на муравую,
На цвѣточки лазуревы;
Что по той по порошицѣ,
Что по той по молоденькой,
Не бѣлъ зайшко скачетъ,
Не бѣляночка пляшетъ,
Еще скокъ-поскокъ зайко,
Что по чистому полю,
По широкому раздолью
Еще хлынь по хлынушки...

Пинега. Зап. С. В. Максимовъ.

Заутра молоденькой
Одинъ молотить,
Такъ-таки такъ молотить.
Жалко женушку будити
Такъ, и проч.

Спи, моя женушка-подружка,
Вотъ тебѣ въ головы подушка!
Спи моя любая, дорогая,
Вотъ тебѣ въ головы другая!

Арханг. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

Сковородка въ печи,
Сковородникъ на печи!
Ты немного хлопочи,
А десятка два-три
Намъ блинковъ испеки!
Двое ходятъ, двое бродятъ,
Двое сойдутся, приобѣдятся,
Поцѣлуются!
Что по старому закону
По четырёхъ на коня;
А сейчасъ пришелъ указъ —
Цѣловаться три разъ.

Шенкурскъ. Зап. С. В. Максимовъ.

Со вьюнчкомъ хожу
Съ молодымъ гуляю.
Ахъ! куда мнѣ вьюночка дѣвати,
Куда молодаго положить?
Положу ль я вьюночка,
Положу ль молодова
Ко князьямъ въ высокъ теремъ,
Ко молодымъ въ изголовье:
«Пусть-ко се имъ на здоровье!
Чѣмъ мнѣ вьюна выкупати,
Чѣмъ молодаго выручати?
Дамъ я за молода вьюночка
Двѣ гривны золотыя,
Три-четыре серебряныя
Еще два инохода-коня...
Три-четыре не гуляютъ со двора,
Да двѣ души двѣ дѣвушки,

Три-четыре молодухи,
Да два ясна совола,
Три-четыре въ полянѣ летать,
Полно дѣвицѣ съ молодчикомъ гулять.

Пинега. Зап. С. В. Максимовъ.

«Зайнѣка, гдѣ ты былъ-побывалъ?
Сѣренькой, гдѣ ты былъ-побывалъ?
Зайнѣка, мой бѣленькій
Бѣленькій, мой сѣренькій,
Гдѣ ты, гдѣ ты зайка былъ,
Гдѣ ты сѣрой побывалъ?
Заюшко, ты кого видѣлъ?
Сѣренькій, ты кого видѣлъ?
Видѣлъ, видѣлъ двѣ дѣвицы
Видѣлъ, видѣлъ красавицы.
Зайнѣка, ужъ не били ли тебя?
Сѣренькой, ужъ не били ли тебя?»
«Били, били, парень мой.
Били, душечка моя, били, сердце мое».
«Зайнѣка, скажи, чѣмъ били,
Сѣренькій, скажи, чѣмъ били?»
«По бокамъ кулакамъ
По плечамъ *розочкамъ*, кирпичамъ».
«Зайнѣка, ты не плакалъ ли?
Сѣренькій, ты не плакалъ ли?
Хипи-хипи, парень мой,
Хипи-хипи, сердце мое!»
«Заюшка, утекати пора,
Сѣренькій, цаловати пора,
Цаловать-миловать,
Крѣпко къ сердцу прижимать».
«Заюшка, распрощаться пора,
Сѣренькій, распрощаться цора,
Утекати, распрощаться,
Низко кланяться
Да не чваниться».

Около было сыра дуба,
Около было зелененькова,
Скачетъ черный соболь.
Не скачи, соболь, по улицѣ,
Не скачи, черный, по широкой;
Скачь, соболь, въ новой горницѣ,
Да выбирай себѣ дружиночку,
Выбирай себѣ хорошую.
Дружина — миль-сердечный другъ;
Еще вотъ моя дружиночка,
Еще вотъ моя хорошая,
Дружина — миль-сердечный другъ!
Походить-было съ дружиночкой,
Погулять-было съ дружиночкой.
Дружина, миль-сердечный другъ!
Мы поклонимся дружиночкѣ,
Мы поклонимся хорошенькой.
Дружина, миль-сердечный другъ!
Приохватимся съ дружиночкой,
Приохватимся съ хорошенькой.
Дружина, миль-сердечный другъ!
Поцалуемся съ дружинькой;
Поцалуемся съ хорошенькой.
Дружина, миль-сердечный другъ!
Распростимся мы съ друженькой,
Разпростимся съ хорошенькой.
Дружина, миль-сердечный другъ.

Пиннега. Зап. С. В. Максимовъ.

Летѣль голубь,
Летѣль сизой
Со голубушкою;
Шель удалой молодець
Съ красной дѣвицею.
Позади идутъ товарищи,
Высматриваютъ,
Что высматриваютъ, приговариваютъ:

Какъ бы эта бы голубушка
Не за голубемъ была,
Какъ бы эта красна дѣвица
Не за молодцомъ была,
Я бы взялъ, я бы взялъ за себя,
Я бы лѣтнею порою
Во каретѣ прокатилъ,
Я бы зимнею порою
Въ новыхъ питерскихъ саняхъ,
На своихъ лошадахъ.
На извожичѣхъ кафтанъ
Темно-синяго сукна,
Петербургскаго шитья.
Кладу голубя на ручку —
Не тряхнется,
Переложу на другую —
Не шелохнется.
Скажу, *кышъ*. голубь, домой,
Полетай, сизый, домой,
Ко голубушкѣ своей —
Сизъ-голубчикъ взволновался,
Голубушку цаловалъ,
Сизъ-голубка взворковала,
Молодчика цѣловала.

С. Кибяево. Сарапульскаго уѣз. Вятской губ.
Зап. С. Р. Честноковичъ. см. № 118.

Селезень ловилъ утку,
Молодой ловилъ сѣру:
Поди, утица, домой
Поди, сѣрая, домой:
У тя семеро дѣтей,
Осьмой селезень.
Селезень ловилъ утя, и проч,

Вятская Губ.

Не во полѣ дождь поливаетъ,
У насъ, въ терему, красныхъ дѣвогъ прибываетъ.
Хозяинъ-отъ волю даетъ,
Хозяшка не унимаетъ:
Погуляйте-ко красны дѣвви,
Покрасуйте-твось, молодицы!

Усть-Цыльма. Мезенск. У. Зап. С. В. Максимовъ.

На улицѣ диво:
Варилъ чернечъ пиво.
Я пиво сливала —
Меня разнимало;
Бросилась хмѣлинушка
Во ручки, во ножки,
Изъ ручекъ, изъ ножекъ
Во буйну головку,
Изъ буйной головки
Въ ретиво сердечко;
Не дасть мнѣ страхнуться,
Не дасть зворохнуться!
Встану я, страхнуса,
Да пойду зворохнуса,
Милой (*) поклонюся.

Усть-Цыльма. Мезенск. Уѣзда. Зап. С. В. Максимовъ.

Какъ за нашимъ за дворомъ
Росла трава шелкова,
Зеленая мурава.
По той травѣ панья шла,
За паньею панъ идетъ,
Кричитъ: панья ты моя!
А я, сударь, не твоя,
Родимого батюшки,
Сударыни матушки.
Какъ изъ нашихъ изъ воротъ

(*) Второй вар. милому.

Молодой ямщикъ выѣзжалъ,
Красны сукны разстилалъ,
Гулять жену посмалъ:
Гуляй, жена, до поры,
До вечерней до зари.
Какъ зорюшка занялась,
А я млада поднялась,
Подхожу я ко двору—
Деверь ходитъ по двору,
Расчесавши бороду,
Ужь ты деверь-деверекъ,
Ужь ты мужній братъ,
Проводи меня къ мужу спать:
Станетъ меня мужъ-то бить—
А ты меня отними;
Станетъ меня мужъ цаловать—
А ты прочь поди.

Москва. Запис. О. Л. Барыковъ.

Ходитъ панъ, панъ за горами,
Зайдемъ дѣвушкамъ толпами,
Молодушкамъ табунами.
Едною дѣвки въ толгѣ нѣту,
Едною красной не случилось;
Едно не слободно, знато ей недосужно:
Печеть пироги на опары,
Въ печь посажаетъ на лопаты,
Изъ печи таштитъ на хордахъ,
Растворяетъ на дрождахъ;
Естоль они высокеньки!
Естоль они широкеньки!
Естоль они мякошеньки!

Усть-Цыльма. Мезенск. У. Зап. С. В. Максимовъ,

По дугу-дугу разливалася вода,
По веленому стоечка течеть,

На этой на стоечгѣ
Бѣла лебедь сидитъ,
Гребешкомъ головушка расчесаная,
Лентой коса перевиванная.
«Завтра у батюшки честевъ пиръ:
«Мнѣ ли на пиру не бывати,
«Будеть пива и вина не пивати,
«Будеть сладкаго меду не кушивати,
«Съ миленькимъ по садигу не гудивати!»

Усть-Цыльма. Мезенск. У. Зап. С. В. Максимовъ.

Какъ со вечера цѣпочка горитъ,
Со полуночи серебряная;
Она горитъ, перегариваетъ,
Мальчигъ дѣвушку выманиваетъ.
«Ужь ты, дѣвица, сойди съ терема,
Раскрасавица, сойди съ висока:
Что на улицѣ сушехонько,
Въ переулочгѣ темнешенько,
Что башмачки не стопчутся
И чулочки не смараются».

Подгородная архангельская на Кегъ-островѣ
С. В. Максимовъ.

Взойди, взойди, солнце,
Не низко, высоко;
 Ай лешеньки лели,
Не низко, высоко.
Не близко, далеко.
Взойди, взойди, братецъ,
Ко сестрицѣ въ гости.
Спроси, спроси, братецъ,
Про мое здоровье:
Здорова ль, моя сестрица,
Здорова ль ты, родная?
— Здоровъ ли ты, братецъ,

Здоровъ ли ты, родимый?
Родимый мой братецъ,
Не само здорово (*):
Есть четыре горя,
Пятая кручина.
Какъ первое горе —
Мужъ жену не любить,
А другое-то горе —
Деверекъ насмѣшникъ,
А третье-то горе —
Золовки смутьянки.
Четвертое горе —
Свекровь кропотлива,
Пятая кручина —
Свекоръ-то журливый.
— Потерпи, сестрица,
Потерпи, родная,
Золовки смутьянки:
Сама въ люди пойдутъ.
Деверекъ-насмѣшникъ.
Онъ самъ въ людяхъ возьметъ.
Свекровь кропотлива
Скоро въ землю пойдётъ
Свекоръ-отъ журливый —
Онъ самъ въ землю смотреть.

Москва. Зап. О. Л. Барыковъ.

Взойди, взойди, солнце
Не низко, высоко,
 Ай лёшеньки лёли
 Не низко, высоко,
Не низко, высоко,
Не близко, далеко,
 Ай лёшеньки, лёли
 Не близко далеко.

(*) Т. е. не оченъ.

Зайди, зайди, братецъ,
Ко сестрицѣ въ гости
 Ай леш...
 Ко сестрицѣ въ гости;
Спроси, спроси, братецъ,
Про ея здоровье
 Ай леш...
 Про ея здоровье.
Родимый мой братецъ —
Плохое здоровье
 Ай леш...
 Плохое здоровье.
У меня ли братецъ
Да четыре горя
 Ай лешеньки, лели
 Да четыре горя,
Четыре-то горя,
Пятая кручина,
 Ай леш...
 Пятая кручина.
Первое-то горе —
Свекоръ-то бранчивый
 Ай леш...
 Свекоръ то бранчивый (*).
Другое-то горе —
Свекровь кропотлива,
 Ай леш...
 Свекровь кропотлива;
Третье-то горе —
Золовка смутьянка
 Ай леш...
 Золовка смутьянка.
Четвертое-то горе —
Деверёкъ насмѣшникъ,
 Ай леш...
 Деверёкъ насмѣшникъ;.

(*) Журавий.

Пятая кручина —
Мужъ жену не любить
Ай леш...
Мужъ жену не любить.
— Потерпи, сестрица,
Потерпи, родная (*)
Ай леш...
Потерпи родная:
Свекоръ-то бранчивый
Скоро въ землю пойдетъ (**),
Ай леш...
Скоро въ землю пойдетъ.
Свекровь кропотлива
Сама со двора пойдетъ (***)
Ай леш...
Сама со двора пойдетъ (****)
Золовка-смутьянка
Скоро замужъ пойдетъ,
Ай леш...
Скоро замужъ пойдетъ
Деверекъ насмѣшникъ
Свою жену вѣзметъ...
Ай леш...
Свою жену вѣзметъ...
Мужъ жену не любить,
Другую не вѣзметъ,
Ай леш..
Другую не вѣзметъ.

Эти два варианта помѣщаю, чтобъ показать, какъ два пѣвца варьируютъ одну и ту же пѣсню.

Зап. А. А. Григорьевымъ.

(*) Голубка — (***) Да онъ скоро помретъ.

(***) Сама за нимъ пойдетъ.

(****) Иногда поютъ соединяя :

Вотъ свекоръ-то умретъ
Свекровь за нимъ пойдетъ.

Шелъ Ванюша долиною
Чужею межею,
Снѣги, снѣги выпадали,
Росы не отрясали,
Набираетъ, нажимаетъ
Комъ бѣлаго снѣга:
Онъ видаетъ, онъ бросаетъ
Къ Дуняшѣ въ овошко.
Дуня, радость, догадайся,
Радость, домекнися.
Дуня Ванѣ говорила:
Я бы рада домекнулась,
Миѣ теперь не время:
У бабушки въ гостяхъ гости,
У матушки сестры,
Какъ у братца молодцы,
У меня подружки.
Пошелъ Ваня отъ окошка,
Руками махаетъ,
Головой Ваня качаетъ,
Руками махаетъ.
Ужъ и какъ же миѣ быти —
Миѣ некого любить;
Чужемужнюю любить —
Убитому быти.

Москва. Зап. О. Л. Барыковъ.

—
Стали воробушки рядами,
Къ нашимъ воротамъ передками.
Они думали гадали:
Всѣ-то воробьюшки женаты.
Какъ одинъ-то воробейко
Онъ и холостъ, неженатый...
Я возьму себѣ невѣсту —
Черну ворону черноброву.
Та моя невѣста не по мысли
Часто она по полю летаетъ,

Широко она ротъ разѣваетъ,
По цѣлому воробьюшку глотаетъ.

Записана А. А. Григорьевымъ.

Ходитъ Иванъ по хороводу,
По дѣвичью, по молодичью;
Ищетъ-поищетъ
Иванъ себѣ невѣсту...
Ты мнѣ невѣста.

Зап. А. А. Григорьевымъ.

Семенова жена,
Она ему давала,
Она ему суляла
Два коня татарскихъ,
Двѣ плети татарскихъ...
Еще конь да изогонь
Да девятаго вонъ.

Другъ ты мой, красна дѣвица!
Ты родила мнѣ сына
Бѣлаго сыра;
Ты родила мнѣ дочерю
Бѣлую лебедушку.

Мы вечеръ въ торгу торговали.
Свинцу-пороху закупали,
Мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменну стѣнушку стрѣляли,
Красну дѣвицу въ полонъ брали.
Красна дѣвица испугалася
По-нѣмецкому изубрана,
По-російскому изубрана.

На ней шубочка голубая,
Душегрѣчка шелковая,
Въ косѣ ленточка золотая.
Ко Румянцеву подводила:
Ты пойдѣ, пойдѣ въ Рѣспѣ замужъ
За любимаго мого сына —
За Ивана Ивановича,
За російскаго генерала,
Я нейдѣ, нейдѣ въ Росей замужъ
За любимова твоего сына
За Ивана Ивановича
За російскаго генерала.
Графъ Румянцевъ разсердился,
Онъ безъ милости распалился.
Красна дѣвица испугалась.
Я иду, иду въ Рѣси замужъ
За любимаго твоего сына,
За Ивановича за Ивана,
За російскаго генерала.
Красна дѣвица распинися.
Ты подай, подай листъ бумага
Изъ кармашика карандашикъ.

Москва. Зап. О. Л. Барыковъ.

За дворомъ лужокъ зеленѣшенекъ;
Ай да люли, люли, зеленѣшенекъ,
У меня дружекъ молодѣшенекъ,
Ай да люли, люли молодѣшенекъ,
Молодешенекъ — милъ-милешенекъ
Ай да люли, люли милъ-милешенекъ.
Мы пойдѣмъ во лужокъ, заведемъ кружокъ,
Ай да люли, люли, заведемъ кружокъ,
Милой съ гуслими, а я съ пѣснями,
Ай да люли, люли, а я съ пѣснями.
Не придутъ гусли противъ пѣсенокъ,
Ай да люли, люли противъ пѣсенокъ,
Не придетъ свекоръ противъ батюшки
Ай да люли, люли, противъ батюшки.

Мой то батюшко — слово вѣрное,
Ай да люли, люли, слово вѣрное,
Моя матушка — дума крѣпкая,
Ай да люли, люли дума крѣпкая.

Записана А. А. Григорьевымъ..

Саха, барыня моя,
Не гнѣвайся на меня,
Что я не былъ у тебя.
Ужь я былъ-побывалъ —
Въ Новѣгородѣ гулялъ,
Тужилъ, плакалъ, горевалъ,
Купецкую любилъ дочь,
Любилъ ее до поры...
Дунулъ вѣтеръ съ горы
Съ московской стороны
На купецкіе дворы.
Во купецкихъ во дворахъ
Тамъ дѣвушка хороша
Сашечка-душа.

Сообщена Гр. Городецкимъ..

Я на камешкѣ сажу,
Я топоръ въ рукахъ держу,
Ой ли, ой люли,
Я топоръ въ рукахъ держу,
Я топоръ въ рукахъ держу,
Изгородь горожу,
Ой ли, ой люли,
Изгородь горожу,
Изгородь горожу,
Я капусту сажу
Ой ли, ой люли
Я капусту сажу,
Я все бѣленькую,
Все кочаненькую
Ой ли, ой люли
Все кочаненькую.

У кого нѣту вапусти —
Прошу къ намъ въ огородъ,
 Ой ли, ой люли,
 Прошу къ намъ въ огородъ,
Прошу къ намъ въ огородъ,
Во дѣвичій хороводъ
 Ой ли, ой люли,
 Во дѣвичій хороводъ.

Плыветъ-восплываетъ,
Плыветъ-восплываетъ
 Зеленый садокъ,
 Зеленый садокъ.
Какъ вдоль ли по берегу,
Какъ вдоль ли по крутому
 Молодецъ гулялъ,
 Молодецъ гулялъ,
Чесаль свои кудри,
Чесаль свои русы
 Частымъ гребешкомъ,
 Частымъ гребешкомъ,
Очески бросаетъ,
Очески бросаетъ
 Да вдоль по рѣкѣ,
 Да вдоль по быстрой:
Плывите очески,
Плывите русы
 Вы вдоль по рѣкѣ,
 Вы вдоль по быстрой,
Чтобъ васъ, очески,
Чтобъ васъ, русые
 Соколъ не поймалъ,
 Гнѣзда не свивалъ —
Гнѣздышка не вилъ,
Гнѣздышка не вилъ —
 Дѣтокъ не водилъ,
 Дѣтокъ не водилъ.

Какъ братъ къ своему брату,
Какъ братъ къ родному
Въ гости приходилъ,
Въ гости приходилъ.

Родимый мой братецъ,
Родимый мой братецъ,
Пожалуй коня
Съѣздить до села.

— Родимый мой братецъ,
Родимый мой братецъ
Бери не сприсясь,
Ступай куда хошь.

Промежь насъ съ тобой, братецъ,
Промежь насъ, родимый,
Двѣ лютыя змѣи —
То жены наши,

Ссорятся, бранятся,
Ссорятся, бранятся,
Урекаются —
Урекаются

А намъ съ тобой, братецъ,
Намъ съ тобой, родимый,
Ни честь, ни хвала —
Безчестье одно.

А мы съ тобой, братецъ,
Мы съ тобой, родимый,
Въ любви поживемъ
Во согласьицѣ.

Записана Т. И. Филипповымъ.

г) *Разныя обрядныя пѣсни.*

(Пѣсни, которою начинаютъ подблюдныя пѣсни на васильевъ вечеръ).

Слава Богу на небѣ!

Слава!

Государю русскому по всей землѣ

Слава!

А и слугамъ его, боярамъ, не старѣться:

Слава!

А бы правда пошла по всей русской землѣ!

Слава!

Московской губ.

Лежить волчище да на пузищѣ,

Слава!

Раскинулъ хвостъ, да на сто верстъ,

Слава!

Кому поемъ—тому добро,

Слава!

Кому вынется—тому сбудется,

Слава!

Тому сбудется, не минется!

Слава!

Орловск. губ.

Да за рѣчкою, да за быстрою,

Слава!

Живуть мужики богатые,

Слава!

Гребуть золото лопатою,

Слава!

Кому поемъ и проч.

Лежить вишка

Слава!

Посередь горшка!

Слава!

Кому поемъ, тому добро,

Слава!

и проч.

Сидитъ воробука нѣбольшо
Слава!
Онъ смотритъ: куда летѣтъ?
Слава!
Кому поемъ и проч.

(Поется дѣвучками 28 марта. даже и постомъ).

А мы розчисть чистили, чистили,
Дидъ и Ладю! чистили, чистили (*).
А мы пашню пахали, пахали,
А мы просо сѣяли, сѣяли.
—А мы просо вытопчемъ!
—А чѣмъ же вамъ вытоптать?
—А мы коней выпустимъ!
—А мы коней переймемъ!
—А чѣмъ же вамъ перенять?
—Шелковымъ неводомъ.
—А мы коней выкупимъ.
—А чѣмъ же вамъ выкупить?
—А мы дадимъ дѣвицу!
—Нашего полку прибыло!
—А нашего полку убыло!

Костромск. Губ.

(Колыбельная)

Бай да убай!
Богородица дала,
Съ небеси бросила,
Иваномъ назвала,
Бай, бай, бай!
Она да она
Маленько.
Спи-тко усни,

(*) Въ Орловской Губернии этого приговя не слыжать; вмѣсто котораго повторяютъ послѣднее слово.

Наше глупенько.
Бай, бай, бай,
Наше дятятко!
Спи да усни,
Наше маленько!
Сонъ идетъ по сѣнямъ,
Дрема по терему.
Сонъ говоритъ:
«Усыплю, да усыплю!»
Дрема говоритъ:
«Удремлю, да удремлю!»
Бай, бай, бай!
Наше дятятко!
Спи да усни
Наше маленько,
Спи да усни.
На погостъ гости!
Бай да люли —
Хоть сегодня умри!
А завтра къ дитѣнку
На похороны.
Кладемъ цюроцьку
Въ могилочку,
Подъ бѣль камешекъ,
Подъ сыпучей песокъ
Подлѣ бабушки,
Подлѣ своей родныя!
Бай, бай, бай
Да убайбайся.
Спи мое милое,
Спи дорогое!
Выростеть большо —
Будешь въ золотѣ ходить,
Нѣнѣгъ да мамогъ
Камочками дарить,
Да своихъ милыхъ подруженекъ
Ленточкамъ.

Арханг. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

(Обряды. Игра съ дѣтьми).

Капки по банки,
Гдѣ были?
— «У бабки».
— Что ѡли, капки,
Что пили, капки?
— «ѡли мы кашку,
«Пили мы бражку;
«У бабушки
«Бражка сладенька,
«Бабушка добренька!»

Архангельск. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

Пѣсня архангельскихъ пивзедоровъ, которые нанямаются на суда для того, чтобы распорядиться работами и прикрикивать и припѣвать при нагружѣннѣ).

Эй Господи Боже да э-э!
Эй пособи-тво да э-э!
Эй намъ опружить, да о-о!
Эй поутюжить! да о-о!
Эй мой куманекъ,
Эй миленькій дружечекъ
Эй ты, кума-ста
Эй вечеръ ты брали-ста,
Эй не поберегла-ста,
Эй не побрела-ста...
Оу! оу! о! охъ, охъ!

Архангельск. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

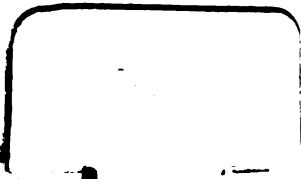
(На похороны).

Зачѣмъ же я тебя,
Свѣта яснаго,
На свѣтъ породила,
Во святое крещенье крестила,
Во пелены пеленовала,
Во пелены ваччатя,
Во пояса шелковыя?
Свѣтъ ты мой младой и юношъ,
Юношъ сынъ возлюбленный!...

Архан. Губ. Запис. С. В. Максимовъ.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

W I E N E R
D U E
CANCELLED
AUG 15 1966
1854379

Widener Library

3 2044 089 915 300